

ВВЕДЕНСКИЙ
СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Икона преподобного Антония Оптинского.
Конец XX века. Оптина пустынь

Иеромонах
Климент (Зедергольм)

Житие
преподобного
Антония
Оптинского

ВВЕДЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
ОПТИНА ПУСТЫНЬ
2018

УДК 271.22-36

ББК 86.372

К492

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-807-3124

Климент (Зедергольм), иеромонах

Житие преподобного Антония Оптинского. — Козельск :
К492 Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная
пустынь, 2018. — 240 с. : ил.

Вниманию читателей предлагается житие замечательного оптинского подвижника преподобного Антония (Путилова) — насельника Оптиной пустыни первой половины XIX века. Агиограф сумел передать удивительные черты характера игумена Антония, главной из которых является особенное смирение, а смирение — это единственный способ получить, или, как говорят, стяжать, Божественную благодать — основное условие нашего спасения для вечной жизни. Преподобный своим милосердием, верой, надеждой и любовью напоминает нам о Божественном милосердии, вере, надежде и любви.

В основу издания положена книга: Климент (Зедергольм), иеромонах. Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония. — М. : Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1870. Материалы уточнены и дополнены по рукописям, хранящимся в Российской государственной библиотеке.

УДК 271.22-36

ББК 86.372

ISBN 978-5-86594-247-4

© Введенский ставропигиальный
мужской монастырь Оптиная пустынь, 2018

Предисловие издателей

«**Л**ицемерие — хуже неверия», — говаривал в свое время великий оптинский старец преподобный Амвросий. И действительно, в неверии есть своя, пусть и ограниченная, но все же правда, своя прямота и открытость. Эта правда бывает отчаянной, бывает ожесточенной, косной или неударжимой в своей гордыне, но вполне понятной, узнаваемой — ее можно почувствовать, так сказать, прочесть в человеке.

Лицемерие же — душевная проказа не всякому глазу приметная. Лицемерие, не выражая открытого неприятия веры, не ищет и подлинно глубокого в ней, довольствуется личиной благочестия, маской служения добру и может привести к катастрофическим последствиям — окончательно отравить и погубить душу как своего теплохладного носителя, так и тех, кто оказался наивно очарован таким актерством.

Иноки золотого века Оптины хорошо знали цену и подлинному благочестию, и тому, с какой твердостью должно блюсти себя от соблазна усвоить дух благочестия притворного. За полушутливыми афоризмами старца Амвросия стояла тысячелетняя мудрость Церкви. Преподобный Антоний (Путилов), родной брат знаменитого оптинского настоятеля преподобного Моисея, являл собой образец той нелицемерной, почти детской простоты, в сокровенных глубинах которой таились настоящие богатства духовной опытности.

Не многие из современников преподобного могли оценить по достоинству эту простоту. И действительно, чтобы разгадать тайну такой человеческой личности, надо, по слову

преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, иметь с нею «сходство добродетелей», любить смирение с такою же благоговейной силой. А это подвиг, и немалый.

Однако и для людей внешних, а подчас и совершенных ненавистников веры, Господь открывал душевную красоту своих избранных. Так, Константин Леонтьев, известный русский публицист, религиозный мыслитель и дипломат писал о преподобном Антонии: «Это был такой добрый, такой “любовный”, кроткий человек, что покорял своим обращением самых строптивых людей. Я знал коротко одного петербургского литератора, человека по характеру гордого, закоснелого атеиста, ненавистника религии и Церкви, который, уважая и любя отца Антония лично, только у него одного из всех встречавшихся ему духовных лиц целовал с любовью и почтением руку. И делал он это сознательно, говоря, что этот Антоний “единственный поп, которого он чтит и любит”». Эта запись, возможно, имеет отношение к периоду, когда преподобный с 1839 по 1853 годы настоятельствовал в Малоярославецком Никольском монастыре, — времени достаточно тяжелых испытаний для болезненного старца — любителя безмолвия. Преподобный Антоний не ощущал в себе ни малейшего призвания к настоятельству и тяготился этим, подчиняясь лишь воле правящего архиерея; по долгу положения, хлопоча о монастырских делах, он обязан был появляться в свете, стал известен тогда и, опять же невольно, приобрел себе многих почитателей. Господь по прошествии этих тринадцати мучительных лет настоятельства благоволил возвращению старца в Оптину, но Малоярославцу мы обязаны тем, что узнали преподобного Антония не только как смиренного послушника своего родного брата. Можно догадаться, как чувствовал себя преподобный в монастыре уездного города, братство которого, как лоскутное одеяло, было «скроено» из нескольких вакансий других, упраздненных обителей — такой состав сулил долгие, кропотливые труды

по установлению дисциплины и мира внутреннего. Но перед глазами тогдашних малоярославецких богомольцев было и другое — был удивительный, редкий подвижник, пустыльник, несколько лет подвизавшийся в уединении, наконец, скитоначальник Оптины. Люди потянулись к доброму и кроткому игумену, обладавшему подлинным духовным опытом, стали просить его поддержки, искать его совета.

Время сохранило для нас переписку старца. Редкая преданность Божьей воле — вот духовный аромат его бесхитростных, самобытных назиданий. Аромат чистой, нелицемерной души.

Современные насельники Оптиной пустыни, исследуя историю родного монастыря, справедливо отмечают, что Оптина остается «наиболее жаркой свечой», возжженной русскими людьми, и свет этой свечи имеет для нас, шагнувших в XXI век, значение неоценимое. Отчасти еще и потому, что разговор о вере и неверии, о благочестии и лицемерии не закончен и, напротив, приобретает сегодня новые оттенки. У кого еще, как ни у великих носителей монашеских традиций, искать нам ответы на наши душевные недоумения?

Но Оптина дала Русской Церкви не только примеры классического подвижничества — она подарила нам и образцы замечательной агиографии. Ее ревностным воспитанникам, таким как архимандрит Леонид (Кавелин), архимандрит Агапит (Беловидов), иеромонах Климент (Зедергольм), архиепископ Иувеналий (Половцев), монах Порфирий (Григоров), мы обязаны тем, что можем держать сегодня в руках действительно бесценные книги — с любовью, с научным тщанием собранные житийные материалы о старцах, их переписку.

Имя иеромонаха Климента (Зедергольма)¹, перу которого принадлежит представленное вам Житие преподобного

¹ Иеромонах Климент (Зедергольм Константин Карлович; 1830 (?) — 1878). Коллежский ассессор. Окончил Императорский Московский университет со степенью кандидата. Сын лютеранского пастора, присоединился

Антония (Путилова), на слуху у читателя, знакомого с оптинским духовным наследием. Отец Климент был очень образованным иноком и искренним подвижником, он послужил обществу своими трудами по переводу древних творений святых отцов, много собрал материалов об оптинских подвижниках.

Со страниц жизнеописаний во всей своей неподражаемой красоте и открывается перед нами дух нелицемерного благочестия оптинских преподобных. И великая милость Божия заключается в том, что составляли их те, кто и сами были напитаны этим духом, не приукрашивали повествование о старцах и не вносили откровенной лжи. Вот как оценивал агиографические труды иеромонаха Климента (Зедергольма) его современник Константин Леонтьев, сам принявший незадолго до смерти монашеское пострижение: «Отец Климент сумел придать своему рассказу ту жизненность, которой, к сожалению, очень часто лишены подобного рода книги. Подвиги и подвиги, смирение, вера, прозорливость и так далее — вот что мы обыкновенно находим в сочинениях преданных учеников и последователей, когда они решаются говорить о святой жизни духовных наставников, чтимых ими по личной ли близости или по свежему преданию. Редко можно найти в таких жизнеописаниях хотя бы намек на натуру человека, на те душевные и вообще личные особенности его, которыми он и как человек, и как христианский делатель резко отличался от других лиц, сходных с ним по направлению мыслей и жизни. А между тем в действительности, как ни стараются подобного рода люди убить

к Православной Церкви в скитском храме Оптиной пустыни в 1853 г. Возведен на степень магистра в 1858 г. Назначен чиновником особых поручений, служил при обер-прокуроре Святейшего Синода. Уволен от службы по прошению в 1862 г. Поступил в скит Оптиной пустыни в 1862 г. Пострижен в рясофор в 1864 г. в келлии старца Амвросия. В монашество пострижен в скитской церкви в 1867 г. Рукоположен во иеродиакона в 1870 г., во иеромонаха — в 1873 г. В скиту — библиотекарь, письмоводитель при старце Амвросии. Скончался после тяжелой болезни в возрасте 48 лет.

в себе всё земное, все страсти, все привычки, все личные оттенки характера, эти личные оттенки остаются при них до конца жизни, и то, что называется собственно святостью, возможно при всех характерах и при всех натурах: при мягком и жестокоем сердце, при веселом и при печальном нраве, при гениальном уме и при простоте, доходящей до ограниченности, при смелом и при робком характере».

Монахиня Евфимия (Аксаментова)

Жизнеописание игумена Антония (Путилова), написанное иеромонахом Климентом (Зедергольмом), лично знавшим старца, впервые было издано в 1870 году в Оптиной пустыни.¹ Книга была дополнена документами: Келейной запиской игумена Антония, выдержками из Келейного календаря и дневника старца, письмами к брату Тимофею (архимандриту Моисею).

В 1973 году книга переиздавалась Русской Православной Церковью Заграницей.² В предисловии к этому изданию сказано, что *Жизнеописание игумена Антония, как и все жития первых оптинских*

Титульный лист первого издания *Жизнеописания игумена Антония*. 1870 год. *Российская государственная библиотека*

¹ Климент (Зедергольм), иеромонах. *Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония*. М. : Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1870.

² Новые отцы российские. Platina, Calif. : Saint Herman of Alaska brotherhood, 1973. Т. 1 : Оптинский старец игумен Антоний : жизнеописание и записи / иеромонах Климент (Зедергольм).

старцев, является непревзойденной ценностью как агиографический первоисточник, а ныне также и как библиографическая редкость.

Сейчас в свет выходит новая книга, в основу которой положено издание 1870 года, исправленное и дополненное по рукописным материалам, хранящимся в Российской государственной библиотеке¹. В новое издание включены также письма архимандрита Александра Арзамасского к Тимофею и Ионе Путиловым² и «Заметка о прибытии старцев в Оптину пустынь из Рославльских лесов и об устройстве скита святого Иоанна Предтечи»³. При подготовке издания редакторы стремились сохранить оригинальный языковой стиль Жизнеописания и материалов, написанных самим преподобным игуменом Антонием.

¹ Антоний, игумен (Путилов). Келейная записка (автобиография). 1864. Автограф // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 305-1; Его же. Продолжение Келейной записки отца игумена Антония, брата отца архимандрита Моисея, и Келейный календарь его. 1864 // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 305-2; Его же. Келейный календарь, или памятная книжка в 3-х ч. 1864 // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 304; Его же. Письма к Моисею (Путилову). 1808—1853 // НИОР РГБ. Ф. 213. К. 89. Ед. хр. 20; Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 303.

² Материалы для Жизнеописания настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Моисея : Из писем архимандрита Арзамасского, бывшего в Москве, в Новоспасском монастыре, наместником, к братьям Тимофею и Ионе Путиловым // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 301. Л. 26—29 об.

³ Календарь памятных дат и событий. Середина XIX в. // НИОР РГБ. Ф. 213. К. 57. Ед. 3. Л. 5, 5 об.

Предисловие к изданию 1870 года

«**К**ак ныне святые умножились во всем мире, будет ли так же и при кончине века сего?» — спросил некто святого Нифонта Цареградского. Блаженный старец отвечал: «Сын мой, до самого скончания века сего не оскудеют пророки у Господа Бога, равно как и служители сатаны. Впрочем, — прибавил он, — в последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей».

Истина этих слов сбывается и в наше время. При общем для всех видимом и осязательном упадке веры и благочестия и в наше время было много великих святителей, много достойных иереев, замечательных и даром слова, и высокою жизнью, много отшельников и иноков, ревновавших идти путем древних преподобных отцов. Достойно внимания, что таких великих подвижников веры в XIX столетии в России было не менее, нежели в другие века, по видимому более благоприятствовавшие монашеству, и даже не знаем, во все ли времена в отечестве нашем жили почти одновременно такие светила монашества, каковы были в наши дни: Серафим Саровский и другие саровские подвижники, Назарий Валаамский, Феодор Санаксарский, Георгий Задонский, Василий (Кишкин), Петр (Мичурин), Зосима (Верховский) и Василиск, схимонахи Феодор и Клеопа, Макарий Пешношский, Иларион Троекуровский, Феофан Новоезерский, Иоанн Сезеновский, Даниил Сибирский, Парфений Киевский, Амфилохий и Иннокентий

Ростовские, Александр Арзамасский, Феодор Новоспасский, Лев, Макарий и Моисей Оптинские, Тимон Надеевский, Амфилохий Реконский, Макарий Алтайский, Филарет Глинский, Аникита (Ширинский-Шихматов); также подвижники более и менее известных пустыней: Белобережской, Площанской, Никифоровской и других. И весь этот сонм преподобных отцов нашего времени, которых православная Россия хорошо знает, а одна часть нашего общества почти вовсе не знает, и которых жизнь многим из нас послужит тяжким обличением. К числу этих лиц, доказавших своею жизнью, что и в наше время возможно истинное монашество, принадлежит брат покойного оптинского архимандрита отца Моисея отец игумен Антоний, жизнеописание которого ныне предлагается читателям. Сведения о нем заимствованы, во-первых, из собственных его келейных записок и из писем его к разным лицам, и особенно к старшему брату отцу архимандриту Моисею. Во-вторых, из книг: а) Исторического описания скита, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни, составленного иеромонахом (ныне архимандритом) Леонидом (Кавелиным) (СПб., 1862); б) Исторического описания Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря, составленного им же (СПб., 1863); в) статьи его же: «Последние русские православные пустынножители», напечатанной в «Домашней беседе» в 1862 году (выпуски 20–26). И в-третьих, из рассказов, писем и воспоминаний духовных детей отца игумена Антония и других знавших его достоверных лиц.

*28 сентября 1869 года
Оптина пустынь*

Часть I

Глава I

Детство и первые годы юности 1795—1816

Игумен Антоний, в мире Александр Иванович Путилов, родился 9 марта 1795 года в городе Романове¹ Ярославской губернии. Родители его, Иван Григорьевич и Анна Ивановна Путиловы, были коренные жители города Серпухова, а впоследствии приписались к московскому купечеству. Они были люди благочестивые и богобоязненные, воспитывали детей своих в страхе Божиим и в духе строгого православия и с ранних лет приучили их любить храм Божий и божественную службу.² Молодой Александр в детстве

¹ Романов расположен на левом берегу Волги. Основан в середине XIV в. С 1822 г., после объединения с городом Борисоглебском (на правом берегу Волги), получил название Романов-Борисоглебск, после 1918 г. — Тутаев. В городе Романове сохранилось много церквей — Крестовоздвиженский собор (1630-е гг. — 1658), церковь Вознесения Господня (свт. Леонтия Ростовского) (1795—1815), на берегу Волги — Преображенско-Казанская церковь (1756—1758), к северо-западу от центра сохранились храмы Покрова Пресвятой Богородицы (начало XVIII в.) бывшего Ново-Покровского монастыря, Спасо-Архангельская (1746—1770), Живоначальной Троицы (1783). В центральной части Романовской стороны — многочисленные памятники гражданской архитектуры, в том числе купеческие особняки (конца XVIII — начала XIX вв.).

² См. помещенную в части II издания Келейную записку игумена Антония, в которой подробно описано его детство до четырнадцатилетнего возраста. — *Примечание к изданию 1870 г.*

был весьма тих и скромен, не увлекался шумными играми своих сверстников и в юности своей охраняем был страхом Божиим от душевредных увлечений. Призвание к монашеской жизни почувствовал он еще в детском возрасте. В родстве Александра были уже лица посвятившие себя иноческой жизни. Так, прадед его Иоиль был иеродиаконом Серпуховского монастыря, а двоюродная сестра его Максимиλλα была монахиней в Московском Вознесенском монастыре¹ и отличалась строгостью жизни. Вообще во всем семействе Путиловых заметно было расположение к монашеству. Из четырех братьев Александра один только (Василий) избрал семейную жизнь; другой (Кирилл) хотя оставался в мире, но проводил жизнь безбрачную и благочестивую; остальные — Тимофей и Иона² — так же как и Александр, в молодых годах удалились из мира, и особенно замечательно, что все трое были впоследствии достойными настоятелями в известных русских обителях. Старшая сестра их, Анисья, желала также поступить в монастырь, но против воли своей должна была выйти замуж — и чрез три года умерла в цветущих летах, а муж ее, как бы исполняя желание жены, принял монашество.

Александрю было десять лет, когда старшие братья его — Тимофей и Иона — оставили мирскую жизнь и поступили в Саровскую пустынь. Пример их, вероятно, подействовал на младшего брата, с которым они имели и переписку; по временам они посылали ему назидательные книги.

Вот что между прочим писал братьям в Саров тринадцатилетний Александр: «Мне очень показалась одна книга, которая называется “О подражании Иисус[у] Христ[у]”, и я

¹ Московский Вознесенский женский монастырь в Кремле (у Спасской башни) — основан великой княгиней Евдокией в конце XIV в. Святыней этого монастыря был образ Богоматери Одигитрия. Обитель разрушена в 1929 г.

² Тимофей — впоследствии настоятель Оптиной пустыни схиархимандрит Моисей († 1862); Иона — впоследствии настоятель Саровского монастыря игумен Исаия († 1858).

одного примера хочу держаться по этой книге, то есть: “презирать мир и идти к Небесному Царствию есть высочайшая премудрость; в безмолвии и тишине много успевает душа благоговейная и разумеет тайны Писания. Итак, кто удаляется мира, к тому приходит Бог со святыми Своими ангелами”. Так и я хочу и желаю быть таковым, как вы теперь находитесь; но не знаю, что делать, а желательно быть таковым же, как вы». ¹

Имея в детском возрасте такие высокие чувствования, Александр с детства подвергался и особенным тяжким испытаниям, по которым можно было видеть, что Господь готовит его к чему-то особенному. Десять раз жизнь его подвергалась великой опасности: однажды — едва не утонул, другой раз — упал с высокого места, так что голова его была проломлена, и тому подобное; но каждый раз он был избавляем от смерти охранявшим его Промыслом Божиим. Кроме того, он так часто и тяжело был болен, что, выражаясь его собственными словами, иной столетний старик столько болезней не видал, сколько испытал уже он — пятнадцатилетний. В этих болезнях он как бы обучался терпению и предуготовлялся к тем многотрудным недугам, коими была исполнена вся его жизнь. Вместе с тем эти телесные страдания уже в детстве как бы способствовали к тому, чтобы обнаружилось его стремление к духовной жизни. Так, вскоре после того письма, из которого приведен нами отрывок, Александр тяжело заболел, и только что оправился несколько, вот как опять писал старшему брату: «Я, в болезни моей находясь, занимался чтением вам известной книги, которая именуется “О подражании Иисус[у] Христ[у]”. Этой книге можно честь приписать — предупредительная. У меня от этой книги одно на уме: пачпорт — да Саровская пустыня, то есть получить

¹ Письмо Александра Путилова к братьям Тимофею и Ионе, от 21 сентября 1808 г. // НИОР РГБ. Ф. 213. К. 89. Ед. хр. 20. Л. 3—3 об.

пачпорт да ехать в Саровскую пустыню. Но не знаю, буду ли, а нужно побывать; то прошу вас покорно, не можно ли как-нибудь доставить мне пачпорт. Ежеле будет лъзя¹, так уведомьте письмецом, с первую почтой на мое имя»². Письмо это было писано в ноябре 1808 года.

Но, видно, не приспел еще час воли Божией удалиться Александру из мира. Переписка эта попала в руки родителей; тринадцатилетний пустыннолюбец по сему случаю «пострадал очень чувствительно», как сам выразился впоследствии, и должен был отложить свое намерение, повинаясь воле отца, который и старших сыновей не вдруг и не без труда отпустил в монастырь.

В 1809 году скончался родитель их. Распоряжаясь на его похоронах, Александр утешался тем, что одел покойника — как бы монаха — в одно черное платье. Так мысль его постоянно была занята одним! Отдавши же последний долг отцу, Александр со старшим братом Кириллом (которому он был поручен умирающим родителем и который был вместе с тем и крестным отцом его) отправился из Мологи, где в то время жило семейство Путиловых, в Москву и определился в должность комиссионера к откупщику Карпышеву, у которого прежде служили и старшие его братья. В свободное от занятий время Александр и здесь любил посещать церкви и монастыри, так что, проживши в Москве только три года, он лучше многих старожилов узнал московскую святыню и даже в старости помнил, где там какой храм или чудотворная икона.

В 1812 году, в годину народного бедствия, и ему пришлось подвергнуться испытанию. Когда французы приближались к Москве, хозяин Александра, выехав из Москвы вперед, оставил его с братом Кириллом караулить дом. Прибравши

¹ Лъзя — можно, легко, удобно; дозволено, не запрещено.

² Письмо Александра Путилова к брату Тимофею, от 9 ноября 1808 г. // НИОР РГБ. Ф. 213. К. 89. Ед. хр. 20. Л. 6.

в доме все ценное при помощи добрых людей (которые потом первые же и указали французам, где что спрятано), и они думали было укрыться от приближающегося неприятеля, но было уже поздно. При выезде из Москвы — это было 2 сентября в три часа по полудни — к Александру подскочил поляк и, приставив дуло пистолета ко лбу, сказал: «Пенензы!» Александр отдал кошелек с золотом за спасение жизни. Потом неприятельские солдаты отняли у него часы, сняли с него платье и полунагого погнали за собою. Александр находился 10 дней в плену у французов, был очевидцем ужаснейших происшествий и сам много пострадал. Неприятели заставляли русских пленных переносить с места на место тяжелые ноши, которые состояли из награбленных ими по домам и лавкам вещей. Русские, можно сказать, заменяли для них вьючных животных. Эта скучная работа досталась и на долю Александра. «Накладут, бывало,

Пожар Москвы в сентябре 1812 года. Шмидт с оригинала Х.И. Олдендорфа. 1810-е годы. *Всероссийский музей А.С. Пушкина*

много, — говаривал он после, — и быют, приговаривая: “Неси!” И на моем хребте, — прибавлял он, — делаша грешницы»¹. У русских в плену хлеба не было; они питались тухлой коренной рыбой², ели ее, зажимая нос, иначе не было возможности проглотить. В Москве было им так тяжело, что они думали, что и в аду легче. Рассказывая об этом, отец Антоний прибавлял: «Святой Иоанн Златоуст пишет, что самая лютая мука на земле сравнительно с самою легкою адскою мукою есть детская игрушка; но в то время мы говорили так, не зная, как лучше выразить тоску французского плена». В эти дни не было в Москве колокольного звона, и это на Александра, привыкшего к ежедневному во всех церквях богослужению, наводило особенную тоску, так что когда кто-либо — француз или русский — случайно ударял в колокол, то даже этот печальный звук проливал утешение в его душу. Бежать из Москвы пленникам не приходило в голову, потому что французы распускали слухи, что Петербург и прочие города находятся в их руках. Наконец, узнав от кого-то, что эти слухи лживые и что недалеко от Москвы стоят русские войска, Александр решил бежать. 12 сентября в полночь при проливном дожде ему с помощью одного крестьянина (раба Божия Фомы) удалось уйти от своих мучителей. Спрятавшись под каким-то мостиком, он избавился от преследования неприятелей и от дальнейших истязаний; однако ночь должен был провести в поле — ограбленный, босой и полунагой; и сильно пострадал бы от осенней стужи и сырости, если бы, по милости Божией, не напал на партию соотечественников, скрывавшихся подобно ему от неприятеля. Между ними он нашел даже и родственников своих, которые с радостью приняли к себе юного страдальца и в эту ночь укрыли его от суровой погоды. Потом они шли ночью лесами, болотами, оврагами,

¹ См.: Пс. 128, 3.

² Коренная рыба — рыба летнего улова.

днем же укрывались в лесах, чтоб не найти на неприятеля, и наконец вышли на Рязанскую дорогу. Обо всем, что Александр претерпел в это время, и как избавился от дальнейших бед, он впоследствии любил вспоминать, видя во всем этом действие Промысла Божия.

Успев с помощью Божиею, хотя и не без труда, бежать из Москвы, Александр явился к родным своим в Ростов, в лаптях и лишившись всего, что нажил своими трудами в Москве. Время длилось, неприятели изгнаны были из России. Но обстоятельства расположились так, что и после сего ему нельзя было еще развязаться с миром. Не получая долго известий о старшем брате Тимофее, он, пождав несколько, наконец решился, чтобы не жить в праздности, поступить к господину Приклонскому на должность, подобную той, которую занимал в Москве. Но мысль его постоянно

Ростов Великий. Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь. Вид с озера.
Открытка. Конец XIX — начало XX века.

Российская государственная библиотека

стремилась к духовной жизни, с большим усердием посещал он храмы и монастыри. Особенно любил ходить в Ростов в Яковлевский монастырь¹, где помогал гробовому, старцу отцу Амфилохию, подымать тяжелую, в несколько пудов, крышку от раки святителя Димитрия Ростовского, вылитую из первого сибирского серебра и пожертвованную императрицею Елисаветою Петровною.

От шумных светских удовольствий Александр удалялся и держал себя так осторожно, что если, выходя из дому, увидит женщину, то обходил другою дорогою, чтобы не встретиться с нею. Несмотря на замечания родных, одевался не только скромно, но и весьма просто, не по состоянию своему (ходил в фризовой шинели²). Объезжая села и деревни как поверенный откупщика, он, куда ни приедет, разведывал о благочестивых старушках и богомолках, собирал их и беседовал с ними о духовных предметах. Недавно скончалась³ одна старушка, помнившая еще поучительные беседы двадцатилетнего юноши, в которых невольно выказывалось будущее его призвание. Однако же, наученный опытом, он не открывал своего заветного желания никому из родных, кроме брата своего Тимофея, и то со всякими предосторожностями. К концу 1815 года созрела в Александре решимость покинуть мир, и обстоятельства благоприятствовали сему. Сперва он, как юный старец, устроил судьбу старшего своего брата Василия, то есть избрал для него благонравную и благочестивую невесту. Когда совершилось бракосочетание брата и родные стали уговаривать Александра, что пора бы и ему пристроиться, он отвечал, что и сам находит нужным избрать другой род жизни, но прежде желает съездить в Москву, где в то время жила престарелая их родительница. Купив себе

¹ Спасо-Яковлевский Димитриев мужской монастырь.

² Фризловая шинель — сделанная из грубого сукна.

³ Написано в 1864 г.

лошадь, он под предлогом, что обучает ее, по вечерам объезжал все Ростовские монастыри и, останавливаясь у врат, усердно молился Господу, Матери Божией и святым угодникам о благопоспешении его намерению. Наконец, добыв себе пачпорт и нашедши верного человека в спутники, Александр 4 января 1816 года отправился в Москву; остановился там в отдаленной части города (на Таганке), чтобы никто из родных его не видал, и только по вечерам опять объезжал храмы и монастыри и у входа их изливал пред Господом усердные молитвы. Из Москвы, никем не замеченный, отправился в Калугу и, отслужив там благодарственный Господу Богу молебен о благополучном избавлении от уз мира, направил путь в Рославльские леса¹, где уже пятый год подвизался старший его брат. Простившись с своим спутником в ближайшем к месту жительства пустынножителей селе, Александр один въехал в густой лес; не зная лесных дорог, он, помолвившись Богу, пустил вожжи, и сама лошадь подвезла его к пустынной келлии его брата. Спутнику же его — Иосифу Антонову — пришлось немало пострадать за участие, принятое им в бегстве Александра. Когда он возвратился в Ростов и явился без письма к родным юного беглеца, то никто ему не поверил, когда он стал рассказывать, где оставил Александра. Возникло подозрение, не убил ли он его. Бедного Иосифа посадили в острог, и он там просидел полгода, пока пришло письмо от Тимофея, который подтверждал, что действительно Александр у него находится.

¹ В то время дремучие Рославльские и Брянские леса являлись центром русского пустынножительства.

Глава II

Пребывание в Рославльских лесах 1816—1821

В Рославльских лесах Смоленской губернии издавна подвизалась семья безмолвнолюбивых отшельников, прославленная именами знаменитых старцев: Варнавы, Никиты, Иакова, Василиска, Зосимы, Адриана, Афанасия и других. Место, в котором жили рославльские подвижники, принадлежало к дачам рославльского помещика Демьяна Михайловича Броневского и от сельца его Якимовского находилось в пяти верстах, а от города Рославля — в сорока. Все пустынножители в то время помещались в трех келлиях: в одной — иеросхимонах Афанасий¹, в версте от него —

¹ Иеросхимонах Афанасий (Степанов; ранее 1771—1844). Рославльский, Младший. В 25 лет поступил в Пешношский монастырь. В 1796 г. настоятелем монастыря иеромонахом Макарием был послан в числе 12 братий для восстановления запустелой Оптиной пустыни; был духовником обители. В 1807 г. удалился в Якимовичские леса (неподалеку от сельца Якимовского) для пустынножительства. Под его духовным руководством находились новоназначенные иноки братья Моисей (с 1811 по 1821) и Антоний (с 1816 по 1820) (Путиловы).

Преосвященный Калужский Филарет (Амфитеатров) приглашал его к себе для устройства при Оптиной пустыни скита. Но отец Афанасий, вероятно опасаясь, что в оптинском скиту трудно будет сохранять безмолвие и уединение, остался на своем месте.

отец Досифей¹ и саженьях в пятидесяти — отец Дорофей². С 1811 года членом этой семьи сделался и старший брат Александра Тимофей (Моисей). Александр, имея желание посвятить себя иноческой жизни, отправился сначала к брату для того, чтобы посоветоваться с ним об этом, так как он имел намерение поступить в Саровскую пустынь. Повидавшись же с братом, Александр решился остаться у него до весны. 15 января 1816 года облекли его в послушническое платье: двадцатилетнему Александру, который так давно и так усердно стремился к монашеской жизни, короткий крашенинный³ подрясник, весь в пятнах и заплатах, казался, как он после сам выражался, драгоценнее царской порфиры. Весною отец Моисей сказал ему: «Кто теперь не посеет, ничего не пожнет». Он остался еще: посеяли огород, осенью убрали, потом вместе поехали в Киев для богомолья. На возвратном пути они посетили Софрониеву, Глинскую и Площанскую

В 1825 г. начались гонения на рославльских пустынножителей со стороны властей. По указу Рославльского земского суда отец Афанасий был заключен в острог, а затем отправлен по этапу в Свенский монастырь. Здесь отец Афанасий прожил около 19 лет. Это был старец простой нравом, но духовно мудрый, имел дарование умной молитвы.

¹ Монах Досифей († 1828). Из города Карачева. Пострижен в монашество в Площанской пустыни. Поселился в Рославльских лесах около 1784—1785 гг. Прожил там более 40 лет с известными и почитаемыми рославльскими подвижниками. Был восприемником при постриге преподобного Моисея.

После переселения отцов Моисея и Антония в оптинский скит он остался на своем месте. В 1825 г. взятый вместе с отцом Афанасием и другими пустынножителями земским судом под стражу, он с послушником своим Дорофеем целый год просидел в тюрьме. В 1827 г. отец Досифей прибыл в оптинский скит, где с радостью был принят своими бывшими братьями. Скончался в скиту более 75 лет. Отличался особой простотой и незлобием.

² Дорофей († 1865). Из города Карачева. Прибыв в Рославльские леса, он был послушником и учеником отца Досифея. После 1812 г. поселился неподалеку от кельи отцов Афанасия и Моисея на реке Болдачевке. В 1821 г. он с отцом Афанасием остался в пустыне и не перешел в оптинский скит. Во время гонения на пустынножителей в 1825 г. вместе с другими старцами был взят земским судом и посажен в острог. После освобождения некоторые старцы разошлись по разным монастырям, один отец Дорофей вернулся в пустыню. Подвизался в Рославльских лесах более 60 лет. Умер 85 лет.

³ Крашенинный — сделанный из крашеного домотканого полотна.

пустыни, где виделись и беседовали со многими старцами высокой духовной жизни. Дорогою Александр приглядывался ко всем этим монастырям, но сердце его ни к одному не прилегло. Возвратясь из Киева в прежнее безмолвное место, он еще остался погостить и затем не захотел и удаляться. «И таким образом приехавши к брату погостить, я прожил у него 24 года», — не раз говаривал после отец Антоний.

С великою ревностию Александр в таких молодых летах посвятил себя трудам пустынножительства. Одаренный большою крепостию телесною и сохранивший ее с детства, несмотря на перенесенные им недуги, он с этого времени, не щадя себя, нес такие подвиги, которые в наше слабое время многим могут показаться невероятными. Вставая в полночь, он с братом ежедневно вычитывал вдвоем всю церковную службу по богослужебным книгам, без малейшего опущения. Еще в детстве Александр, постоянно и усердно посещая храм Божий, хорошо знал порядок церковной службы и имел особенную склонность и способность к изучению церковного устава. Теперь же, ежедневно в продолжение многих лет практикою, он так в этом усовершенствовался и сделался таким отличным уставщиком, что в этом отношении нелегко было найти ему равного. Затем трудился в переписке отеческих книг уставом¹ и помогал брату в составлении нескольких рукописных сборников, содержащих в себе в систематическом порядке правила христианской жизни, особенно монашеской. Эти замечательные сборники свидетельствуют о том, с каким вниманием и разумом оба брата читали творения духоносных отцов.² До поздней

¹ Писать уставом, т. е. кириллическим шрифтом с четким написанием каждой буквы и отсутствием сокращений. Уставом записывались древние славянские рукописи.

² Подробнее о рукописных сборниках, составленных преподобными Моисеем и Антонием, см.: Каширина В.В. Литературное наследие Оптиной пустыни. М., 2006. С. 292–305.

Ѿвредѣ дѣланіа безъ благословеніа Старца.

в'честіи лаврѣ
Ѿна 3. дла.

Пшшетеѡ въ житіи прѣпоитѡ Епиктѣта . ѿ
ѡученицѣ Егѡ прѣпоитѡ Астіѡнѣ , іакѡ изидѣ дѡ-
волѡ не чѡкми ѿ Старица , но ѿ ѡнаго себѣ посты-
ждѣма , и корысти своѣи дѡшѡ члѣвѣческихъ ли-
шѣма , терзѡшесѡ завистию , и коврѡждѡшесѡ ^{на нѣ} всѡ-
чески коварствы своиими , но нигоѡже ѡспѣвѡше .
Ѧбѡче на ѡнаго ѡбрѣте времѡ подобно сицевѡе :
Въ нѣкїи дѣни безъ блгословеніа Старица изидѣ
Астіѡнѡ къ рѣцѣ почерпнѣти воды . видѣвъ ѡже
врагѡ Астіѡна Старицевымъ благословеніемъ неутра-
ждѣна , ѡбѣе поподценіемъ бжтїимъ сквернымъ нѣкїи-
ми нападе на него помыслимъ , и смѡти ѡнаго
дѡшѡ . Астіѡнѡ же возвративсѡ въ кѣлїю , сты-
дѡшесѡ помысливъ тѣхъ исповѣдати ѡцѣ своему ,
и повѣждѡшесѡ , борѡсѡ съ нимъ три днѣ : по-
стѡшесѡ бо , и молѡшесѡ со слезѡми , и измѡждѡ-
ше трѡдѡми плѡть свою : Ѧбѡче ниіакѡже ѿ-
стѡнѡхѡ ѿ него нечїстѡи мысли , и мнѡже ѡни
стрѣлами

«О подвигах иноческих». Рукописный сборник, написанный
преподобными Моисеем и Антонием во время их пребывания
в Рославльских лесах. Первая четверть XIX века.

Российская государственная библиотека.

Глава написана рукой преподобного Антония

старости они любили читать духовные и другие общепользные книги и потому имели обширные сведения не только о духовных предметах, но и о других отраслях человеческого знания. Замечательно еще, что по особенному благочестию к отеческим книгам Александр, подобно старшему брату, всегда читал и писал их стоя — и это после продолжительного стояния на молитве. Около 18 часов в сутки он часто проводил на ногах и в несколько лет так утрудил ноги, что в них впоследствии развилась мучительная болезнь, которая не оставляла его до смерти. Сверх этих келейных занятий Александр, как младший член отшельнической семьи, с горячим произволением и великою ревностью проходил другие, более тяжкие послушания. На него была возложена обязанность будильщика, так что он должен был вставать раньше всех, чтобы полунощное келейное молитвословие начинать неупустительно в свое время. На его же обязанности лежало рубить дрова в окружавшем их лесу и переносить их в келлии; на его же попечении был и огород, на котором по неблагоприятной почве ничего не родилось, кроме репы. И тут приходилось ему большею частию трудиться после утомительного молитвенного правила и в ожидании позднего и скудного обеда, который им же и приготовлялся. При таких трудах кроме общего молитвословия, заменявшего церковную службу, не оставлялось каждым в особенности и келейное с поклонами молитвенное правило, и все это совершалось с великим усердием, как сказано, при самой скудной постной пище, не укреплявшей тело, а едва утолявшей голод. Рыбу они позволяли себе вкушать только в великие праздники, и даже с маслом предлагалась трапеза изредка; но при такой многотрудной жизни и сухой хлеб был им сладок и вкусен и, по выражению отца Антония, вкушали они его с великою благодарностию к Господу как дар Божий и с такою бережностью, «как антидорец»; а все, что посылалось

им сверх сухого хлеба, они принимали как великую милость Господню и относились с искреннею верою к особенному промыслению Божию. Однажды крестьянин, проезжавший лес, оставил пустынникам мешок с горохом. Пустынники приняли это малое приношение с такою благодарностию к Господу, как бы от Его руки. Кто жил всегда в довольстве и никогда не знал лишения, тому и не понять этого.

В великие праздничные дни все старцы собирались в келлию к отцу Афанасию на общее келейное богослужение. По окончании богослужения вместе обедали; иногда подкрепляли изможденные многолетними подвигами силы своим чаем или, за неимением его, какою-нибудь другою травкою; а молодому Александру, как новонаначальному, в первое время и в этом был отказ. Впоследствии ему позволялось иногда после угощения старцев допивать жидкий спитой чай, почти что одну горячую воду, и по благословению старца он пивал это, по собственным его словам, с большим вкусом, чем другие пьют лянсин¹. После сего старцы расходились до следующего праздника. На Пасху же и на Рождество, а также и в другие нарочитые праздники приходил к ним из ближайшего села Луги (верстах в семи) старец священник и приобщал их запасными Святыми Дарами.

Ни из зверей, ни из людей никто не возмущал душевного спокойствия рославльских безмолвников. В продолжение целой зимы около их келлий были волки, но к вою их они так привыкли, как бы к вою ветра. Медведи иногда расхищали их огороды, но самих их никогда не трогали. Раз только готовилось для них испытание. Рославльский исправник, проведав, что в лесу живут «богатые московские купцы» (так называли отца Моисея с братом), вздумал отправиться к ним для освидетельствования — исправны ли их бумаги

¹ Лянсин — сорт цветочного чая.

и не раскольники ли они? Но и это испытание Господь отвратил от рабов Своих. Целый день около них проездил исправник и не мог найти их келлий, хотя с разных сторон весьма близко подъезжал к ним.

Из опыта известно, как важно начало монашеской жизни: преуспевание в ней много зависит от того, какое произволение человек оказывает при самом вступлении в нее. Избрав старшего своего брата себе старцем и руководителем в духовной жизни, Александр предался ему в совершенное послушание с полною верою и с тем же горячим произволением, которое являл и в других своих подвигах; и это-то послушание, в свою очередь, облегчало и услаждало многотрудную его жизнь. Вот как впоследствии отец Антоний писал одному из своих учеников в назидание о вступлении своем на поприще монашеской жизни: «...когда возгорелся огонь Божественной любви в моем сердце, тогда все суеты мирские омерзели мне и любимое богатство опостылело, и так, как птица из сети или яко елень, палимый жаждою, удалился из Ростова, бегая, и водворился в непроходимой пустыне с чаянием себе от Господа спасения от малодушия и от обуревания многих грехов. <...> себя самого отдал в полное и безвозвратное распоряжение батюшке отцу строителю [отцу Моисею]; о чем, благодарение Господу Богу, донныне ни разу не скорбел»¹. Александр к старшему брату и старцу своему питал искреннюю любовь, как к отцу, и вместе с тем оказывал страх, как к начальнику. В его присутствии он держался всегда крайнего молчания и через это-то молчание соделался сыном любомудрия и стяжал великий духовный разум. Однажды в его новоначание случилось, что собрались старцы и беседовали об известном ему предмете, и он, слушая их, как-то увлекся и произнес несколько слов;

¹ Антоний Оптинский, преподобный. Письма. Козельск : Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной пустынь, 2018. С. 225. Письмо 176.

но сейчас же опомнился и, устыдившись своего дерзновения, покраснел и замолчал. Вот как он был строг и внимателен к себе! С людьми же посторонними он и вовсе избегал беседы и после сам рассказывал, что по поступлении в монашескую жизнь в продолжение 14 лет, то есть и тогда, когда вышел из Рославльских лесов и жил уже в Оптинской пустыни, никогда не позволял себе вступать в разговор с странниками, бывающими в монастыре. «А когда меня, — говорил Александр, — кто-нибудь спросит, где келлия такого-то брата, то я, бывало, не скажу, а только пальцем укажу». Но, удаляясь таким образом с самого начала своей монашеской жизни от излишнего соображения с людьми, он не удалялся от любви к ближнему. «Живя в Рославльских лесах, бывало, встретишь человека, — рассказывал впоследствии о себе отец Антоний, — как ангелу Божию ему обрадуешься; а ныне, как ни хорошо мне, а того уже нет. Уже нет!» — прибавит старец и вздохнет. Вообще и в преклонных летах, достигши высокой меры духовного возраста, отец Антоний с особенною отрадою любил вспоминать о рославльском пустынножительстве, и при этих воспоминаниях лице старца как-то особенно сияло и воодушевлялось.

Такая высокая жизнь не могла ему обойтись без труда, понуждения, борьбы и искушений. Даже в старости живо вспоминал он, как старшие лица во время своего отдыха, бывало, посылали его, как новонаначального, работать в огород и как порою он изнемогал тут и телом и духом. Вообще старец его, отец Моисей, обходился с ним весьма строго. Проспит ли Александр и других не вовремя разбудит к полунощнице — по окончании службы его, как нерадивого будильщика, ставили на поклоны; в другом ли чем провинится — опять на поклоны. Сначала он исполнял эти епитимии с понуждением и трудом, а потом так привык к ним, что даже порою и скучал, если долго не услышит обычного: «Ну, брат,

становись на поклоны!» Его терпение и послушание подвергалось часто различным испытаниям. «В начале поступления моего в пустыню, — рассказывал он сам о себе впоследствии, — я имел характер самый пренесносный, и старец мой чего-чего не употреблял, чтобы смирить мою жестоковыйность. Но ничто так не смирило моего окаянства, как ежегодное по нескольку раз в течение шести лет очищение отхожих мест. А в дополнение к сему нередко посылаем был по проезжим дорогам собирать для удобрения огородов конский и скотский помет. Вначале святое послушание это было для меня не без горя и не без слез».

«Проходя эти послушания, — рассказывал он в другой раз, — вспомнил я однажды прежнее свое житье — и колебался мой помысл. “Сверстники мои, — подумал я, — считают капиталы, а я вот чем должен заниматься!” Но скоро зазрел¹ себя, стал скорбеть, что осмелился мысленно пороптать на своего старца, с стыдом исповедал ему свой помысл и, по приличном наставлении получив прощение, принял оное как от Самого Господа и с великою радостию продолжал понуждать себя в терпении переносить труды пустынной жизни. Так-то, — заключал он свой рассказ, — без смирения в духе спастися невозможно; а смирению от одних слов научиться нельзя; потребна практика, чтобы кто трепал нас и мял и выколачивал кострику², без чего и в Царствие Божие попасть нелегко, которое многими скорбями приобретается»³.

Трудность тесного и прискорбного пути монашеского вознаграждалась и услаждалась для Александра и благодатными духовными утешениями. Однажды в темную осеннюю ночь отец Моисей будит юного подвижника: «Встань-ко, брат; надо посмотреть, нет ли рыбки в неретах?»⁴ А река

¹ Зазрёл (от зазрёть) — упрекать, укорять; тайком порочить, поносить.

² Костри́ка (костра́) — отбросы льна и конопли после трепания и чесания.

³ См.: Антоний Оптинский, преподобный. Письма. С. 299. Письмо 245.

⁴ Нерета — рыболовный снаряд, ловушка для рыбы.

была неблизка. С словом «Благословите, батюшка!» смиренный послушник встает и отправляется в глухой, дремучий лес. Осенняя дождливая полночь, шум деревьев, криков — все это сначала наводило на него страх и смущало его, но послушание превозмогло; ободрившись, он понудил себя идти вперед, уповая, что молитвами старца будет огражден от всего неприязненного. С молитвою на устах, он пошел почти оцупью или по памяти, дошел до назначенного места; в неретах, конечно, ничего не нашел и пошел обратно в келлию. Но уже вместо страха он чувствовал в сердце великую отраду — и вдруг стало пред ним светлеть все более и более; темная ночь обратилась как бы в ясный день, потом чрез несколько времени опять потемнело; но сердце Александра исполнилось такой неизъяснимой радости, какую редко и редкий человек испытывает на земле. В духовном восторге возвратился он к старцу и поведал ему о виденном, и всю ночь не мог заснуть: ему казалось, что он в раю, — так радовалась его душа! В другой раз, на Святую Пасху, когда пропели светлую утреню и часы, послали его одного прогуляться в лесу, и он в лесном безмолвии в этот знаменательный день ощущал такое сладостное утешение и духовный восторг, что как будто пребывал не на земле, а на Небе. Вообще, понуждая себя к совершенному послушанию и отсечению своей воли, Александр чувствовал в душе неизъяснимую отраду и спокойствие; но не вдруг и не без труда достиг этого блаженного беспечалия и душевного покоя. В первый год иночества нападала на него тяжкая тоска, и он многократно мысленно соглашался возвратиться вспять. «Но удерживало меня от сего, — говорил он впоследствии, — Христово слово: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен будет в Царствие Небесное*¹, ибо крайне не хотелось погибнуть, а потому и решился лучше страдать с людьми Божиими,

¹ См.: Лк. 9, 62.

нежели жить в селениях грешнических и утешаться всеми видами удовольствий мирских».¹ Однажды тоска до такой степени усилилась и пустынножительство показалось ему столько трудным и неудобноносимым, что, взяв котомку, задумал было бежать; но, отойдя недалеко, воротился и снова принялся за предлежавший ему подвиг. Вышедши победителем из таких и подобных искушений и устояв в такой суровой и строгой жизни, Александр приготовил себя к ожидавшим его на монашеском поприще трудностям, которые после того, что он изведal вначале, должны были казаться легче и удобоносимее; вместе с тем, познав из собственного опыта человеческую немощь, он мог впоследствии более сострадать немощам других немощнейших братьев.

В 1819 году на руках его скончался великий подвижник отец Феофан², монах Оптиной пустыни, который посещал их по временам ради душевной пользы. Он однажды пробыл целую Четыредесятницу без пищи, и притом в больших подвигах. Отец Антоний перед смертью забыл попросить молитву у отца Феофана; в сороковой день после смерти почивший явился ему в сонном видении. Отец Антоний говорит явившемуся: «Батюшка, я хотел было попросить вас помолиться обо мне, когда будете пред Престолом Божиим, да не попросил». Отец Феофан отвечал ему: «Я и так за тебя молюсь Богу. Василий Великий говорит: “Кто за других молится, за себя молится”».

Отец Антоний говорил, что этот старец при жизни имел столь сияющее благодатию лицо, что недоставало духу смотреть ему прямо в глаза, а разве украдкой когда взглянешь со стороны.

¹ Антоний Оптинский, преподобный. Письма. С. 286. Письмо 230.

² Монах Феофан (Талунин; † 1819) — родился во Владимирской губернии. Поступил в Оптину пустынь не позднее 1795 г. Скончался и погребен в Рославльских лесах у реки Болдачевки. Канонизирован в лике местночтимых святых Смоленской митрополии в 2016 г.

Выдержав четырехлетний иску́с, Александр был облечен в ангельский образ 1820 года 2 февраля, на праздник Сретения Господня, и наречен Антонием. Пострижение совершено келейно иеросхимонахом Афанасием; восприемным от Святого Евангелия отцом был старший брат — отец Моисей. Впоследствии отец Антоний с удовольствием вспоминал, как радостен был первый день его монашеского тезоименитства 17 января 1821 года, проведенный в безмолвии посреди непроходимой пустыни, в молитве и во всенощном бдении. «Воистину, — говорил он, — Пасху Господню в то время чувствовала в себе самой душа моя».

Некто из духовных детей отца Антония спрашивал его: долго ли после пострига он сохранил в сердце то особенное действие благодати, которое многие ощущают при принятии монашества? Отец Антоний открыл, что был в таком устроении целый год.

После пятилетнего пребывания своего в Рославльских лесах Александру суждено было переселиться в то место, где по воле Божией протекла большая часть его иноческой жизни, — в Козельскую Введенскую Оптину пустынь Калужской епархии. Это случилось следующим образом.

В то время Калужскою паствою управлял епископ Филарет¹, бывший впоследствии Киевским митрополитом. Сей преосвященный, любя от самой юности всею душою монашеское житие, часто посещал монастыри вверенной

¹ Митрополит Филарет (в схиме Феодосий, Амфитеатров; 1779–1857), святитель. Сын священника Орловской губернии, окончил курс в Севской семинарии и принял монашество. Был ректором семинарий Севской, Уфимской и Тобольской. В 1813 г. назначен настоятелем Иосифо-Волоколамского монастыря; был инспектором Санкт-Петербургской, потом Московской духовной академии и получил степень доктора богословия. В 1816 г. определен ректором Московской духовной академии. Рукоположен в 1819 г. в епископа Калужского, занимал кафедры Рязанскую, Казанскую, Ярославскую; в 1837 г. назначен митрополитом Киевским. На Киевской кафедре пробыл до самой кончины, приняв в 1841 г. пострижение в схиму.

Святитель Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий.

Литография. Середина XIX века.

Российская государственная библиотека

ему епархии и обратил особенное внимание на пустынную обитель Оптину (восстановленную в конце прошедшего столетия¹ попечением митрополита Платона²) и пленялся красотой места, занимаемого пустыней, и удобством, которое представляли ее лесистые окрестности к прохождению уединенного пустынного жития по примеру древних святых отцов.

В сердце святителя родилась благочестивая мысль — основать при Оптиной пустыни скит, как для того, чтобы доставить желающим средство к безмолвнейшему житию, так равно и для того, чтобы в духовном отношении навсегда укрепить любимую им обитель. Между тем зная уже по слухам о подвижнической жизни рославльских отшельников, преосвященный на них обратил свое внимание и желал поручить им устройство и управление задуманного им скита. В конце 1820 года отец Моисей посетил случайно Оптину пустынь. Настоятель ее, игумен Даниил, зная о благом намерении преосвященного, представил ему отца Моисея. Отечески милостиво принял его монахолюбивый владыка и предложил переместиться с братиею в его епархию, дабы принять на свое попечение заведение и устройство скита в любом месте леса, принадлежащего к Оптиной пустыни. Будучи привлекаем благосклонностию архипастыря и вниманием игумена Оптиной пустыни, отец Моисей с радостию принял их предложение. Возвратясь в свое уединение, он вручил

¹ Имеется в виду XVIII в.

² Митрополит Платон (Левшин; 1737–1812) — уроженец Московской губернии, сын сельского причетника, обучался в Московской Славяно-греко-латинской академии. Еще будучи учителем риторики в Троицкой семинарии, получил известность как проповедник. Приняв монашество, был назначен в 1761 г. ректором Троицкой семинарии. В 1763 г., когда Екатерина II посетила Троице-Сергиеву лавру, обратил на себя ее внимание проповедью «О благочестии» и был ею избран в законоучители к наследнику престола. В 1766 г. назначен архимандритом Троице-Сергиевой лавры, в 1768 г. — членом Синода, в 1770 г. — архиепископом Тверским. В 1775 г. он был переведен на архиепископскую кафедру в Москву.

старцу Афанасию письмо к нему преосвященного и подробно объяснил единомысленной с ним братии те удобства и духовную пользу, которые представляет возможность проходить уединенное житие при благоустроенной Оптиной пустыни и под покровительством такого боголюбивого архипастыря, каков преосвященный Филарет. Предложение отца Моисея было принято с радостью и на общем совете согласились последовать сему приглашению, признав его за звание Божие, особенно еще потому, что в это же время, попущением Господним, мирное их безмолвие начало несколько подрываться притязаниями окружного земского начальства.

3 июня 1821 года отец Моисей с отцом Антонием и с двумя преданными им монахами Иларием¹ и Савватием², исполняя волю боголюбивого архипастыря, оставили Рославльские леса и отправились в вожденный путь, сопровождаемые благословениями старцев Афанасия и Досифея, которые не решились тотчас последовать за ними, предоставляя это дальнейшему усмотрению, по совершенном устройстве предполагаемого скита.

¹ Возможно Иларий (Дейкин).

² Монах Савватий (Васильев; † 1833). Из дворовых (вольноотпущенных) людей сельца Можевой Рославльской округи Смоленской губ. Пострижен в монашество в 1820 г. В течение 14 лет был келейником отца Антония. В документах сказано, что он «был истинный раб Божий». Скончался от холеры на 52 году.

Глава III

Пребывание в скиту Оптиной пустыни 1821—1839

6 июня 1821 года отец Антоний вместе с братом своим отцом Моисеем прибыл из Рославльских лесов в Оптину пустынь. Отдохнувши здесь от пути, они ездили в Калугу, чтобы явиться пред лице преосвященного Филарета, милостиво им были приняты и получили от него благословение на устройство скита при Оптиной пустыни. Место для скита выбрано было ими на восточной стороне монастырских владений, в 170 саженьях от обители, в густом лесу. Здесь пустыnnики прежде всего очистили для скита место от огромных сосен; далее из срубленного леса построили небольшую келлию, в которой и жили сначала все вместе (их было пятеро); потом соорудили церковь во имя святого Иоанна, Предтечи Господня, а наконец стали строить и корпуса. Первым начальником скита был отец Моисей, при котором скит и получил свое первоначальное устройство. В этом деле отец Антоний был усерднейшим помощником брата — трудился наравне с наемными рабочими, вырубал с ними вековые сосны и выкапывал их огромные пни. 24 августа 1823 года отец Антоний был произведен во иеродиакона, а в 1825 году, по назначении отца Моисея настоятелем Оптиной пустыни, был

Мастодатель Оптиной пустыни
Блаженнейший Иеромонахъ
МОИСЕЙ.

Скончался 16го июня 1862 г.

Издание второе (1869 г.) Лито. Архим. Моисей.

Печ. в Лито А. И. Прокофьева.

Преподобный Моисей Оптинский. Литография. 1869 год.
Российская государственная библиотека

определен начальником скита, во иеромонаха же был посвящен в 1827 году¹. Сделавшись скитона начальником, он, прилагая труды к трудам, ревностно помогал отцу Моисею возвращать и укреплять его духовное насаждение. Начальствование в скиту отца Антония продолжалось четырнадцать лет, и эти годы, можно сказать, были для оптинского скита временем устройства и прочного основания, как во внешнем, так и в духовном отношении, и началом его процветания. Привлекаемые славою мудрого и кроткого оптинского настоятеля в новоустроенный безмолвный скит, с разных сторон стекались мудрые в духовной жизни и крепкие в подвигах старцы. В 1829 году прибыл из Александровского монастыря известный старец отец Леонид² с пятью учениками; а в 1834 году отцом Моисеем приглашен был из Площанской пустыни тамошний духовник отец Макарий³. При

Преподобный Лев Оптинский. Литография. 1868 год. Российская государственная библиотека

¹ За отсутствием епархиального архиерея отец Антоний был посвящен во иеромонаха в Орле преосвященным Гавриилом. — *Примечание к изданию 1870 г.*

² Иеросхимонах Лев, в монашестве Леонид (Наголкин; 1768–1841), преподобный старец Оптинский.

³ Иеросхимонах Макарий (Иванов; 1788–1860), преподобный старец Оптинский.

Преподобный Макарий Оптинский. Портрет работы иеросхимонаха Гавриила (Спасского). 1854 год. Холст, масло. *Российская государственная библиотека*. Подарен художником игумену Антонию 28 ноября 1854 года

содействии этих старцев братья-настоятели монастыря и скита, как опытные духовные мужи, старались ввести в Оптиной пустыни древний старческий путь монашества и тем упрочили внутреннюю основу иноческого духа как в скиту, так и в монастыре Оптиной пустыни. Отец Антоний с своей стороны не только участвовал в попечении старцев о духовном окормлении братства, дружелюбно содействуя им в этом, но и собою подавал братству пример глубочайшего повиновения и преданности к старцу. Кажет-

ся, во всем братстве не было такого смиренного послушника, как скитоначальник, который ни малейшего распоряжения не дерзал делать без благословения старца своего отца Моисея. Какое глубокое уважение имел отец Антоний к своему старцу, об этом между прочим свидетельствуют многие рукописные помянники, найденные в его келлии по кончине его; вот как в них записано имя старшего брата: «Помяни, Господи, *господина* моего, духовного отца и благодетеля, всечестнейшего строителя иеромонаха (в других: игумена или священноархимандрита) Моисея».

Кроме старцев отца Леонида с его учениками и отца Макария много других замечательных духовных лиц поступило в это время в оптинский скит: 70-летний иеросхимонах

Иоанн¹ (ревностный обличитель раскольнических блуждений, в детстве он был сам отторгнут от Святой Церкви, потом, с великою ревностью обратившись к ней, много пострадал от раскольников, а в старости, живя в оптинском скиту, издавал против них известные свои сочинения; отличался христианским незлобием и кротостию); игумен Варлаам² (бывший валаамский настоятель, старец богомудрый и многоопытный; жил в скиту на покое, проходя высокое умное делание); иеромонах Иов³ (бывший духовник знаменитого архиепископа Тверского Амвросия); иерусалимские постриженцы монахи Макарий⁴ и Геннадий⁵, престарелый монах Иларион⁶ (Козлов, из московских купцов, скончавшийся почти ста лет от роду). Чудное зрелище представлял в то время оптинский скит. В нем собрался целый сонм почтенных старцев (до двенадцати), украшенных седидами, искусившихся в многообразных испытаниях житейских и духовных, сошедшихся из разных мест, из разных званий,

¹ Иеросхимонах Иоанн (Малиновский; 1763—1849). Из крестьян Нижегородской губернии. Перемещен в Оптину пустынь из Александро-Невской лавры в 1834 г. Был духовником настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Моисея и других старцев. Автор миссионерских противораскольничьих произведений.

² Игумен Варлаам (Давыдов; † 1849). Из московских купцов. Был настоятелем Валаамского монастыря. Прибыл в скит Оптиной пустыни в 1839 г. Погребен в скиту.

³ Иеромонах Иов († 1843). Из оружейников города Тулы. Определен в Тульский архиерейский дом в 1810 г. В монашество пострижен в 1813 г. В Оптину пустынь определен в 1832 г. Скончался в 81 год.

⁴ Монах Макарий (Митрофанов; 1775—1841). Из крестьян. В монашество пострижен в Иерусалиме во время странствия не позднее 1822 г. Определен в Оптину пустынь в 1823 г. В разных посылках в скиту. Утонул в скитском пруду.

⁵ Вероятно, имеется в виду монах Геннадий (Щелкунов; † 1851). Из мясников города Путивля. Пострижен в монашество на Афоне. Определен в Оптину пустынь в 1823 г. В разных посылках. Ослеп в 1845 г. Скончался на 79-м году.

⁶ Схимонах Иларион (Козлов; † 1850). Из московских купцов. Поступил в 1836 г. В скиту был при свечах, звонарем, читал Псалтирь. Скончался 96 лет (по его словам, более 100 лет).

с разными дарованиями и свойствами и соединившихся в одном общем всем им ревностном стремлении к высшей духовной жизни, так что при большом разнообразии личных свойств между ними царствовало чудное согласие. Среди них смиренный скитоначальник, благоприветливый и почтительный ко всем, сиял ревностью в трудах по Боге и искреннею любовью к Господу и к ближним.

При таком высоком духовном настроении скитоначальника с братиею удивительный и внешний порядок господствовал во всем скиту: в богослужении, во внешнем поведении братии и прочем, и этим скит много обязан неусыпной заботливости отца Антония.

Вот отзыв о тогдашнем ските посетителя того времени, знакомого со скитом и скитским начальником отцом Антонием с юных лет: «Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто

Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни. Вид с северной стороны.
Литография. Первая половина XIX века. *Архив Оптиной пустыни*

привлекали детское мое сердце к духовному наслаждению, о котором воспоминаю и теперь с благоговением и считаю это время лучшим временем моей жизни. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их и вообще какое-то чувство присутствия благодати невольно заставляло забывать все, что есть вне обители этой. В церкви скитской мне случалось бывать преимущественно во время обедни. Здесь уже при самом вступлении, бывало, чувствуешь себя вне мира и превратностей его. С каким умирительным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник скита отец Антоний¹, было тихое, стройное и вместе с тем величественное и правильное, подобного которому после того я нигде уже не слышал, за всем тем, что мне очень часто приходилось слышать самых образованнейших певчих в столицах и известнейших певцов Европы. В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное, между тем как в мирском пении часто отражается мир и его страсти, — а это уже так обыкновенно! Что ж сказать о тех вожделеннейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником скита отцом Антонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия. Подобного священнослужения после того я нигде не встречал, хотя был во многих обителях и церквях».

¹ Отец Антоний завел в скиту стройное церковное партесное пение, до которого был большой охотник. Он и сам певал на клиросе, имея очень хороший слух и приятный голос, и сказывал, что еще с детства певал в церкви. «Когда мне было семь лет, — говорил он, — я однажды до прихода дьячков один пропел обедню до самого Апостола и за это получил две просфоры». Кроме пения и вообще весь чин скитского богослужения и весь порядок скитского жития установлен отцом Антонием. — *Примечание к изданию 1870 г.*

Преподобный Антоний Оптинский.
Портрет работы неизвестного художника.
Конец XIX века. Холст, масло.
Российская государственная библиотека

При духовном процветании новоустроенному скиту и его первоначальным обитателям приходилось бороться с большими внешними трудностями и лишениями, особенно в первое время. При малочисленности братства сам начальник исполнял многие братские послушания. Почасту доводилось ему оставаться без келейника, так как нареченный его келейник был вместе с тем и поваром, и хлебопек, и садовником, и привратником. «Как самый бедный бобыль, — писал отец Антоний в 1832 году одному родственнику, — живу в келье один: сам и по воду, сам и по дрова... Чином священства почтенных теперь у нас в скиту собралось пять человек; но все они престарелы и многонемощны, почему и тяготу служения за всех несусь один». С основания скитской церкви заведено было в ней непрерываемое чтение Псалтири. Отец Антоний и в то время, когда уже был начальником, читал обыкновенно по две очереди и самые трудные часы: то есть днем 1-й и 2-й часы, когда все братья отдыхали, и ночью 11-й и 12-й. Вообще в сутки бывал на ногах до 18 часов. При этом, по должности начальника, с великим радушием исполнял долг гостеприимства, не тяготясь принимать всех с искреннею приветливостию и любовью. В то время женский пол по разрешению епархиального архиерея допускался в скитскую церковь для служения молебнов, и эта обязанность большею частью лежала на отце Антонии, который всех посетителей и посетителей утешал усердным неспешным служением. Бывало, попросят его отслужить молебен святому Иоанну Предтече; а он, по собственному усердию и для пользы других, приложит и молебен Божией Матери с акафистом.

Помещение начальника скита в первые годы было при церкви, в тесной передней келейке, где впоследствии помещался пономарь. Вообще жизнь в скиту в то время была весьма строгая; при великих трудах пища была самая скудная. Впрочем, большие труды услаждали и грубую пищу.

«Бывало, — вспоминал отец Антоний, — окончив правило, возьмешь железную лопату да грабли и пойдешь чистить дорожки. Как обойдешь весь скит-то да придешь в трапезу, подадут блюдо простых щей, и те с большим вкусом употреблялись». А надо знать, что каждая из оград скита, подле которых идет дорожка, имеет протяжения по 75 сажен. Если в великие праздники кто-либо из козельских граждан присылал для скитской трапезы пшеничных булок, то они предлагались братьям; в противном же случае довольствовались и в праздники черным хлебом. Самовар во всем скиту был один у начальника, к которому только дважды в неделю все братство собиралось пить чай.

Служа для всех примером трудолюбия и неся великие внешние подвиги, отец Антоний не забывал и того, что телесные труды, по учению святых отцов, суть собственно только орудия добродетелей и тогда только благопотребны, когда кто проходит оные во смирении и с разумом духовным. По кончине отца игумена Антония в его келлии найдены некоторые, к сожалению немногие, листки его дневника,

Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни. Литография. XIX век.
Архив Оптиной пустыни

писанного в 1820 году в Рославльских лесах и в конце 1823 и начале 1824 года в скиту Оптиной пустыни. (Эти драгоценные отрывки помещаются в части II издания. — *Ред.*) Из них видно, с каким строгим вниманием юный подвижник (ему не было тогда 30 лет) следил за внутренними движениями своего сердца и с какою духовною собранностью он заботился о стяжании душевных добродетелей — смирения, любви к ближнему и прочим. Этому, конечно, много способствовало то, что он всегда с великим усердием и любовью занимался чтением Божественного Писания и отеческих книг и ими питал свою душу, а также и то обстоятельство, что с самого вступления своего на монашеское поприще он, как мы сказали, неуклонно шел по нему путем послушания, отсечения своей воли и разума пред своим духовным отцом, которому предался с совершенною верою и к которому не изменил своих отношений и в сане скитоначальника.

К добровольным трудам и подвигам монашеским отца Антония вскоре присоединился и невольный крест тяжелой болезни. Мы уже говорили, какими болезнями Господь испытывал его еще в детстве. Впоследствии же от непомерных подвигов развились в нем разные тяжкие недуги, от которых он страдал до самой кончины. От продолжительного стояния на молитве сперва заболели ноги; потом, получив в ногах облегчение, он стал чувствовать головокружение; затем подступила к глазам темная вода, так что на некоторое время лишился зрения. Когда по милости Божией и от сего получил исцеление, возобновилась болезнь в ногах, потом открылась водяная и тому подобные. В 1833 году многоразличные недуги так усилились, что отец Антоний, оставя заботы об управлении скитом, отправился на время в ближайший город Белев, чтобы там полечиться у знакомого врача Б.

Но впереди ожидал отца Антония тягчайший недуг. В 1836 году в день Святой Пасхи (29 марта), в самую полночь,

поспешая по лесной тропинке из скита в монастырь к утренней службе, он крепко ушиб себе правую ногу об дубовый пенек; но, несмотря на весьма чувствительную боль, понудил себя выстоять всю пасхальную утреню. В ногах, утружденных многолетним ежедневным стоянием, уже таилась болезненность. Теперь же от ушиба и последовавшего за ним понуждения на ноге открылась рожа. Не поняв болезни, усердные лекаря растравили ее разными примочками, от чего сделалось сильное воспаление, которое потом обратилось в скорбуг¹, и никакие средства не помогали. Более полугода больной не мог выходить из келлии; потом хотя и получил некоторое облегчение, но болезнь осталась неизлечимою и около 30 лет причиняла самые сильные страдания, которые отец Антоний переносил с изумительным благодушием.

Состояние его духа выразилось в следующем письме к одному родственнику в Москве, который в одно время с ним тяжело заболел: «Я утешал было себя надеждою, что получу скоро от болезни своей облегчение и буду, может быть, иметь приятное удовольствие в непродолжительном времени посетить вас. Но совсем иначе Бог строит, нежели как нам хочется: ибо как вы не далее можете путешествовать, как из одной комнаты в другую, так и у меня только и езды, что с печи да на лавку... Но не столько меня беспокоит собственное недугование, сколько болезнью сердцем о вашем злострадании. Ибо известно мне от учения святых отец, что всякое искушение и болезнь, яко врачевство, от Бога попускается нам для исцеления немоществующей души нашей; ибо чрез злострадание телесное дарует Господь и прежде бывших и настоящих грехов оставление и от будущих зол возбранение. А посему Господа Бога, яко богатого в милости к нам и всем полезная устрояющего, одолжены мы от всея души благодарить, что удостоил нас в числе хворых быть, а не роптать... Потому и я

¹ Скорбуг — цинга.

с помощью Божиею стараюсь болезнь свою сносить благодушно. Если иногда разболится нога моя, то терплю равнодушно; если когда оскудеет врачевство, то сношу без смущения. Если не в силах бываю сидеть, то лежу; а когда и от лежания устают бока, то без досады встаю. Если встретится какое неудовольствие, то без огорчения стараюсь сносить за то, что и сам нередко других огорчал и ведением и неведением. Пищу употребляю не такую, какую хочется, а какую подадут, хотя бы и не по вкусу; и за все случающееся благодарю Бога, но более за то, что не лишил меня возможности читать книги и отчасти приносить Ему недостойное моление мое. Никогда не имел я столько времени к чтению душеполезных книг, как ныне в болезни моей долговременной, а потому и недоумею, *что воздам Господеву моему о всех, яже воздаде ми!*¹ Вот состояние духа моего в болезни я пред вами не скрыл: не знаю, как вы поступаете. Может быть, вы крест свой несете великодушнее меня, о чем сердечно радуюсь. А когда вы от оскудения терпения малодушествуете в скорби своей, то и сему не удивляюсь; ибо свойственно немощному нашему естеству в печальных наведениях пренемогать и малодушествовать. Впрочем, от малодушия и нетерпения не только ни малейшего нет облегчения, но еще и вящее следует угнетение. А посему прошу вас именем Божиим быть сколько возможно помужественнее. Но как мы сами собою не в силах себе дать ни терпения, ни мужества, ни благодарения, потому что как сии, так и прочие блага не от людей, но свыше от Отца Светов к нам ниспосылаются; то посему внутренние очи свои должно возвести к Живущему на Небеси и умолять Его благость тако: “Господи, Ты Сам веси, что мне полезнее, аз на Тя, Господа моего, надеюсь и Твоей воле святой себе вручаю: твори со мною, еже хочещи. Аще отверзеши мне двери милосердия Своего, то буду

¹ См.: Пс. 115, 3.

Оптина пустынь. Вид через реку Жиздру. Открытка.
Конец XIX — начало XX века. *Российская государственная библиотека*

я здоров; если же угодно Тебе, да долее пию судеб Твоих пельнь¹ на прогнание греховного во мне вреда, буди благословен! Обаче не моя, но Твоя да будет воля. Точию даруй ми помощь в печали моей и буди прибежище от скорби, обдержажая мя; и якоже Сам Ты искушен был еси, сице и мне во всех моих болезнях, бедах, скорбях, печалех, искушениях и нуждах душевных и телесных даруй скорую Твою помощь и терпение великодушное со благодарением!” Так во всех скорбных обстоятельствах учит молиться святитель Христов Димитрий. И когда вы тако или иначе подобно сему будете в болезни своей вручать себя в волю Божию, то, уповаю, не замедлит к вам прийти милость Господня, дарующая мир душе вашей, утешение сердцу и облегчение телу».

Так отец Антоний поучал других терпению, и духовная сила советов его свидетельствует, что поучал сему от опыта, подавая собою всем высокий пример терпения в болезнях!

¹ Пельнь или пельн (древнерусск.) — полынь.

Едва отец Антоний получал некоторое облегчение от тяжкого своего недуга, он продолжал по-прежнему трудиться в звании скитона начальника. Но впереди ожидало его еще тяжчайшее испытание. Не изнемог отец Антоний от невероятных трудов, лишений и подвигов; с благодушием и благодарностию нес крест болезни. И вот Господь, Един испытывая сердца и утробы и полезное всем подавая, возложил на него новый крест, под бременем которого едва не изнемог и столь мужественный подвижник. Крест сей был игуменский сан.

30 ноября 1839 года преосвященный Николай¹, епископ Калужский, неожиданно потребовал отца Антония в Калугу, а 3 декабря поставил его игуменом в Малоярославецкий Черноостровский монастырь, с начала текущего столетия² получавший настоятелей от Оптиной пустыни. Трогательно было прощание отца Антония с его духовною семьею, среди которой прожил 18 лет, сперва как смиренный брат, а потом как чадолюбивый отец. Нелегко было болезненному старцу расстаться с многолюбезным уединением скита, где он чаял скончать дни свои в молитвенном покое; но, памятуя завет отеческий, что «послушание паче поста и молитвы», он, хотя со многими слезами и с сердечною скорбью и тугою, но беспрекословно, отправился к месту своего назначения, напутствуемый благословениями и искренним изъявлением духовной любви обоих братств — скитского и монастырского.

¹ Епископ Николай (Соколов; 1780–1851) — сын священника Калужской губернии. Обучался в Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1834 г. назначен епископом Калужским.

² XIX века.

Глава IV

Настоятельство в Малоярославецком Николаевском монастыре 1839—1853

По судьбам Промысла Божия три родных брата почти в одно время были настоятелями трех известных иноческих обителей: старший, отец Моисей, — в Оптиной пустыни, второй, отец Исаия, — в Саровской пустыни, третий, отец Антоний, — в Малоярославецком монастыре. Старший из трех братьев отец Моисей как будто на то и родился, чтобы быть начальником; настоятельские скорби и труды, которые он испытал более других, переносил с необычайным великодушием и твердостью, даже будто и не чувствовал их тяжести или по крайней мере не показывал, что чувствует сию тяжесть. Другие же братья нередко изнемогали под бременем настоятельства. Так, отец Исаия, бывший сперва казначеем, потом игуменом Саровской пустыни, в письмах к братьям в сильных и трогательных выражениях изливает свои жалобы, как тяжело ему было нести возложенное на него бремя.

«Упоминаете вы, — так писал он между прочим, — о двух сестрах Марфе и Марии, Христу Господу иногда послуживших: усердие их обеих похвалено Спасителем. Но я,

подражая Марфиной суете служением моим в обители в телесных потребностях братства, не заслуживаю похвалы ни от Бога, ни от людей; потому что не терпелив. Мне кажется, что я в хлопотах не спасаюсь, а совершенно гибну. Когда я был послушником в начале исшествия из мира, певал про себя: *ночь убо прейде, а день приблизися*¹. Ныне же пою: день убо прейде, а ночь приблизися. Вот, любезный брате, изложил кратко вам мое жалкое положение!..»

«Я слышал от одного старца, что “строительство — мученичество, а казначейство — мытарство”; и весьма справедливо».

«Подлинно не знаем мы, спасаем ли мы других; а наше спасение, при спасении иных, весьма сомнительно, разве особенная милость Божия спасет нас, в таких хлопотах сущих и непрерывных заботах о внешностях более. Ибо опыты мужей святых доказывают, сколь сильно внешние заботы расслабляют душу и совсем пусту творят внимания о Боге. Не знаю, как у вас; а мое дело такое по должности, что ни дня, ни ночи, ни праздников, ни будней не имею в свободности, чтобы упраздниться и повнимать себе».

«Настоятель — все равно как сердце в человеке, чрез которое кровь естественным образом движется и обращается. Настанет день, только и знай — распоряжай, кого куда; а способных-то не много. Вот в том-то и тяжек наш крест. Мне мнится, легче быть больным телом и терпеть, нежели спасать других; потому что, как сказал преподобный Арсений Великий, люди имеют различные воли, не то что на Небеси святые ангелы одну имеют непрременную волю славить Творца всех Бога».

«Претрудная есть вещь по нынешним обстоятельствам настоятельство, и не без опасности своего спасения. Кто был Моисей, вождь израильтян? Но и тот погрешил при водах пререкания, быв вовлечен в сомнение о могуществе Бога

¹ Рим. 13, 12.

всегдашним роптанием людей. И ныне не то же ли видим, что и в древности? Кажется, еще больше: только что и слышен кропот¹ да ропот, печаль да воздыхание, чем и невольно поколебаться должен вождь и сильный прийти в ослабление. Разве там настоятельство безопасно бы было, где бы сердце и душа была едина: но это очень редко в свете».

«Правда, — так в христианском духе покорности воле Божией заключал отец Исаия жалобы свои на тяготу настоятельства, — не легок крест путеводительства, трудность коего испытал древний Моисей. Но в том подвиге подкрепляет Иисус Христос сими изречениями: *больше сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя*². Да, будем оканчивать бедную жизнь нашу с полною верою в Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, пострадавшего нас ради и воскресшего. Он изволил сказать во Евангелии: “веруяй в Мя, аще и умрет, жив будет”»³.

Все описанные здесь трудности настоятельства усугублялись собственно для отца Антония еще многими обстоятельствами. После пяти лет, проведенных в лесной глуши, и восемнадцати лет скитского уединения ему и Малоярославец показался, как он сам сознавался, великою шумною столицею. Нелегко было ему свыкнуться с жизнью в монастыре городском, да еще лежащем при большой дороге. К тому же отец Антоний привык к правилам строгого общежития, а Малоярославецкая обитель составилаь из присоединения 12 вакансий упраздненного штатного монастыря к бывшему Семибратскому общежительному. Сверх сего, страдая от тяжелой болезни ног, отец игумен Антоний почасту в течение продолжительного времени не имел возможности выходить из келлии; не мог ни сам наблюдать за всем, что

¹ Кропот — ворчание.

² Ин. 15, 13.

³ См.: Ин. 11, 25; в понедельник вечера 5-й седмицы по Пасхе стихиры на «Господи, воззвах» (Триодь цветная).

делается в обители, ни делать лично нужные распоряжения, а принужден был распоряжения свои передавать через других. Понятно, сколько неудобств и затруднений от этого происходило. Если же ко всему этому присоединить, что отец Антоний, по природным своим свойствам, более был склонен повиноваться и проходить уединенную безмолвную жизнь, чем распоряжаться другими и начальствовать, то нельзя удивляться тому, что он изнемогал под крестом настоятельства и часто впадал даже в тяжкое уныние.

Вот как описывал он свое прибытие на место своего назначения в письме к скитским старцам: «Если святой апостол Павел повелевает о всем благодарить Бога, то и я, недостойный, должен о себе благодарить Бога, и доношу вам, отцы

Малоярославецкий Черноостровский Николаевский монастырь. Монастырские ворота, изъезженные ружейными и картечными пулями в 1812 году. Фотография. Конец XIX — начало XX века.

Калужская областная библиотека

мои, что я в третий день декабря, благодарение Господу Богу, чрез молитвы архипастыря принял посвящение во игумена и от десницы его принял игуменский посох, купно и вериги, то есть всю тягость ига сего, с коим и прибыл в обитель свою накануне праздника святителя Николая за полчаса до вечерни, где вся братия во святых вратах встретила меня со святым крестом, купно и крест мой встретил меня, который я со слезами и облобызал. Вот это первая мне честь. После чего, спустя несколько дней, сильно *уны во мне дух мой*¹, и, воздремавшись, вижу в тонком сне лик отцов, и один из них, якобы первосвященник, благословляя меня, сказал: “Ведь ты был в раю, знаешь его; а теперь трудись, молись и не ленись!” И вдруг, проснувшись, ощущаю в себе некое успокоение. Господи, даруй мне конец благий!»²

Предшественник отца Антония, архимандрит Макарий³, оказал великие незабвенные заслуги Малоярославецкому

Архимандрит Макарий (Фалин), настоятель Черноостровского Николаевского монастыря в 1812 году. Литография. Вторая половина XIX века. Калужская областная библиотека

¹ Пс. 142, 4.

² Оптинский старец отец Леонид, когда отец Антоний передал ему все подробности этого сновидения, сказал, что виденный им угодник Божий был святитель Митрофан Воронежский, который много о нем заботился. По заповеди старца отец Антоний впоследствии нарочно ездил на богомолье в Воронеж поклониться святым мощам святителя Митрофана и благодарить угодника за его попечение о нем. — *Примечание к изданию 1870 г.*

³ Архимандрит Макарий (Фалин, по некоторым источникам Фомин; † 1839). Из купцов г. Коломны. Определен в Оптину пустынь в 1798 г. Перемещен

монастырю восстановлением и обновлением одного. Теперь, за внешним устройством обители, оставалось водворить и утвердить ее внутреннее устройство по духу веры и благочестия, по правилам опытных подвижников, по образу лучших обителей русских. И об этом-то духовном подвиге в святой обители ревновал преимущественно во время своего управления отец игумен Антоний и, пока был в силах, подавал и сам братьям пример трудолюбия и неупустительного исполнения всех монастырских обязанностей. «Многие настоятели, — писал он одному приближенному лицу в 1842 году, — все дела делают руками других, а я, грешный, и в церковь должен ходить ко всякой службе, и вместе петь и читать, и трапезовать вкупе с братиею, и прочее; а прошедшую осень и капустку с огорода прибирать помогал, и потому не вижу времени, как оно быстро летит».

В первые годы его игуменства¹ кроме обычных настоятельских забот на долю отца Антония выпала забота и о приведении к окончанию по внутренней отделке монастырского храма (Николаевского), заложенного еще при предместнике его. Освящение одного совершилось в 1843 году в день памятной Бородинской битвы 26 августа; но самому отцу Антонию не пришлось участвовать в этом торжестве, потому что пред самым освящением он тяжело заболел.

Вот как он сам об этом писал: «Слава Богу, великолепный храм наш великолепно и торжественно освящен августа 26 самым преосвященнейшим Николаем соборне²; с ним было в служении по числу апостолов двенадцать священнослужителей: из четырех монастырей настоятели, четыре протоиерея

в Малоярославецкий Николаевский монастырь строителем в 1809 г. Скончался 74 лет.

¹ К 1842 году относится проезд чрез Малоярославец митрополита Киевского Филарета, о чем смотри в части II любопытную выписку из Келейного календаря отца Антония. — *Примечание к изданию 1870 г.*

² Соборне — в сослужении с другим духовенством.

Черноостровский Николаевский монастырь. Соборная церковь,
освященная в 1843 году. Фотография. Конец XIX — начало XX века.

Калужская областная библиотека

и четыре из меньших чинов. Торжество было велие и светлое. А мне, грешному, во многих трудах, заботах, хлопотах и издержках, не благоволил Господь иметь участие в священнослужении, ибо вельми был болен; почему, лежучи на одре, от горести души возопил ко Господу со слезами: “Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, а одежды не имам, да вниду вонь”»¹.

¹ Ексапостиларий (светилен) из служб Страстной седмицы (поется в Великий Понедельник, Великий Вторник, Великую Среду и Великий Четверток на утрене).

С самого назначения отца Антония в Малоярославец недуги его не прекращались, а по временам очень усиливались, но он переносил их с большим благодушием и даже не очень заботился о лечении и среди страданий восклицал от сердца: «Благословен еси, Христе Боже, благоволивый тако, слава Тебе!»¹ Но настоятельство очень отягощало его, особенно потому, как мы заметили, что болезненное положение часто не позволяло ему лично наблюдать и лично распоряжаться по обители, от чего происходили некоторые упущения. «Говорю об том, — писал он брату и старцу своему отцу Моисею, — что настоятельство имею на осуждение себе пред людьми и пред Богом. Сам преисполнен я всеми недостатками и слабостями, но недостатки и слабости братий моих печаливают меня иногда более собственных».

«Вот я и игумен, — писал он одной монахине, находившейся в скорбном положении, — живу в светлых, теплых и пространых келлиях, но имею горя противу вашего чуть не вдвое; и, кажется, перешел бы в темное некое и сырое подполье, лишь бы получить свободу от мучительных игуменских вериг».²

«Если бы вы, возлюбленная моя дщи, ведали, сколь тяжкий крест начальствующие несут и сколь горькую чашу пьют по внутреннему человеку, то легче согласиться можно от [людей] по вся дни претерпевать заплевания и заушения, нежели то, что страждут начальствующие ныне и какой страшный отчет истяжется от них в будущем веке; ибо *ему же дано будет много, много и взыщется от него*³. И когда нелегко нам и свою душу спасти, то легко ли будет спасти других, судите сами. А посему знай только — спасай себя, так и будет с тебя».⁴

¹ См. богородичен, глас 2 «Преблагословенна еси» и тропарь Пятидесятницы, глас 8.

² См.: Антоний Оптинский, преподобный. Письма. С. 304. Письмо 249.

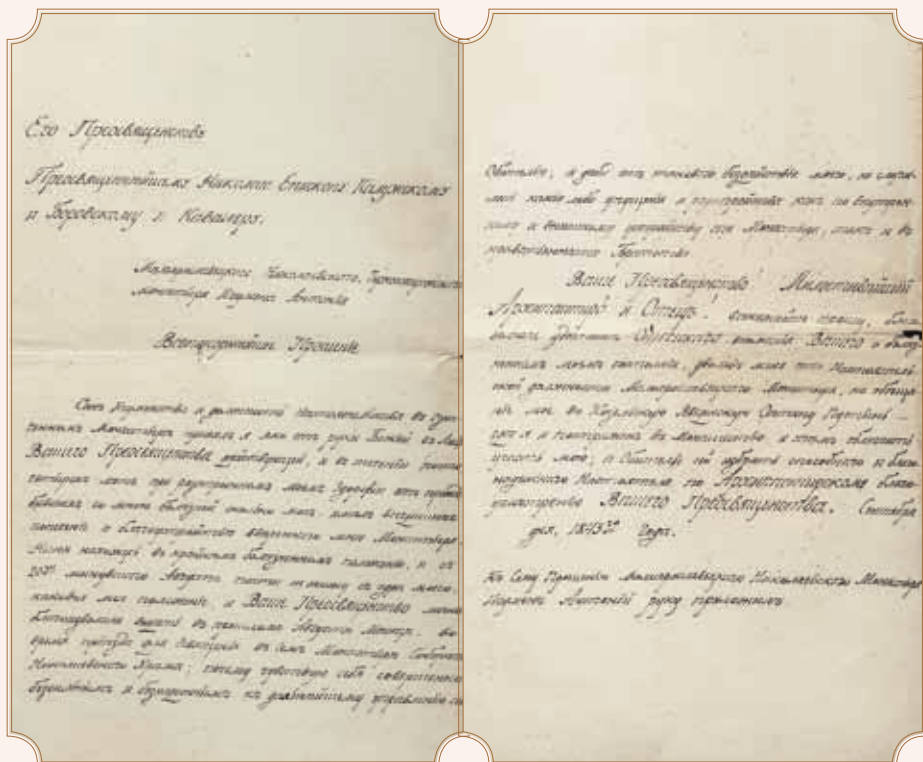
³ См.: Лк. 12, 48.

⁴ См.: Антоний Оптинский, преподобный. Письма. С. 342. Письмо 283.

Вот с какими мыслями и чувствами нес отец Антоний бремя своей должности. В 1843 году, приведши к концу дело, которое давно озабочивало архипастыря и его самого, то есть освятивши вышеупомянутый храм, постройка и отделка которого продолжалась уже 30 лет, отец Антоний в первый раз попытался получить свободу от игуменской должности. Побудительною к этому причиною послужил для отца Антония разнесшийся слух, что высокие лица в Петербурге прочили его в настоятели в одну восстанавливаемую монашескую обитель в Х-ской губернии. Посему он сначала обратился к своему духовному отцу и брату по плоти отцу Моисею за тем, чтобы испросить благословение для осуществления своего намерения. «Исповедую вам, батюшка, — так писал он к отцу и брату, изливая пред ним в смиренном и сокрушенном духе глубокую свою сердечную скорбь, — прожил я век свой хотя по-скотски, но умереть по-скотски, то есть без размышления о смерти и без приготовления ко исходу, устрашает иногда меня. А посему и желание имею переселиться к вам (если воля Божия будет) того ради, чтобы на остаток дней сколько-нибудь себя поправить и вместо двух лепт принести Господу сердце сокрушенно и смиренно, — почему и прошу о сем ваших святых молитв». Отец Моисей изъявил свое согласие на желание отца Антония и благословил его действовать согласно внутреннему его влечению. После сего отец Антоний обратился к преосвященному Николаю с прошением об увольнении его на покой в Оптину пустынь; но чрез несколько времени получил от владыки следующий ответ.

«Преподобнейший отец игумен Антоний! Письмо ваше от 20 сентября весьма затруднило меня ответствовать удовлетворительно и согласно желанию вашему. Слухи о перемещении вас на высшую степень еще более придали мне побуждений к молчанию. Наконец, не могу скрыть от вас моих чувств и моих мыслей на желание ваше. Прежних времен

старцы в подобных случаях говорили с царем-пророком: *пою Богу моему, дондеже есмь*¹. Постигала ли их болезнь, может быть и более тяжкая, нежели ваша, они веровали со апостолом Павлом, что сила Божия в немощах совершается². Рекомендую и вам следовать сих богомудрых мужей примеру. Избавьте меня забот избирать нового настоятеля на ваше место. Решительно вас уверяю, что у меня нет его в виду. Если болезнь вашу вы находите опасною; поезжайте в Москву, лягте там в лучшую из больниц, или у родных ваших, и пользуйтесь от искусных медиков. И Господь Бог воспрещает

Прошение об отставке, написанное игуменом Антонием епископу Калужскому и Боровскому Николаю. 1843 год. Автограф.
Российская государственная библиотека

¹ Пс. 145, 2.

² См.: 2 Кор. 12, 9.

отвергать благоразумного врача. Об обители вашей в случае продолжения вашей болезни или отлучки излишно не кручиньтесь. Всеуправляющий сохранит ее в должном порядке за имя, усердие и благонамеренность ее настоятеля. Вот вам мой совет! Впрочем, от вашей воли зависит внять оному. Всякий человек сотворен свободным в мыслях, желаниях и даже действиях. Да подкрепит Господь силы ваши! О сем моя молитва. Николай, е[пископ] Калужский. 1853 года, октября 26-го дня. Калуга».

Как ни резки или сильны покажутся выражения сего письма, очевидно, что оно внушено архипастырю заботою о нуждах епархии, которые он ставил выше нужд и желаний одного человека, и тем, что он уважал отца Антония и дорожил им, сознавая, что часто особенно благопотребны бывают те люди, которые не ищут чести и власти, но уклоняются от нее. Наконец, в воле архипастыря несомненно открывалась воля Божия, чтобы отец Антоний, призванный на настоятельство Самим Богом, потрудился еще в исполнении обязанности, возложенной на него Провидением.

Однако горько было отцу Антонию получить такой ответ. А желание снять с себя начальнические вериги было так сильно, что он сам отправился в Калугу, чтобы лично просить архипастыря об увольнении; но и тут не получил желаемого. Владыкою был принят преблагосклонно. Но насчет увольнения от должности преосвященный решительно сказал, что если бы отец Антоний и два года пролежал без всякого действия, то и тогда не был бы уволен и чтобы не только не изыскивал средства к освобождению себя от должности, но чтобы и не мыслил о том. Выслушав такую резолюцию, отец Антоний едва мог удержаться от слез. «Если постигнет меня смерть, — сказал он преосвященному, — то святительское сердце ваше будет одержимо печалию о том, что, имевши волю и возможность уволить меня от должности, не оказали

сей милости». — «Пусть этот грех останется на моей душе», — отвечал архиерей. После такого отказа владыка, по выражению отца Антония, утешал его, как младенца, вместе с ним катался по Калуге более часу и показывал дома и заведения и по возвращении в дом продержал его у себя до полуночи; наконец, зная, что величайшее для него утешение видеться с своим старцем, предлагал ему проехать в Оптину. Но огорченный отец Антоний и от этого отказался и из Калуги возвратился прямо в свою обитель.

Глубокою горестию исполнены все писанные в эти годы письма отца Антония к старшему брату. Предлагаем здесь некоторые отрывки из них.

«Благоприятное писание ваше, благословляющее мне возложенное бремя нести с упованием на силу Божию, получил я и покоряюсь воле Божией и воле вашей. Между тем исповедую вам немощь свою, что я под бременем начальства почти ежедневно от уныния побежден бываю. Архипастырское убеждение, может быть, и резонное; но кто тонет в какой-либо бездне, в то время потребна спасительная помощь, а не убеждение, что потопление послужит на пользу... Чувствительно благодарю вас за писание и за ободрение меня, унылого».

«Простите мне, батюшка, Господа ради, — так писал он в другом письме, — за безрассудные планы мои. Я и сам ведаю, что от сердца моего исходят помышления злая: но что же мне делать? Лучше бы было мне, подобно бессловесному животному, возложенное бремя нести в молчании до упаду, но я весьма далеко не достиг той меры. И когда в недугах телесных позволено употреблять ко облегчению различные средства, а я наиболее стражду душою; то посему не должны ли подумать сколько-нибудь и об ней? Вот телесные недуги почти непрерывно не покидают меня; и если Господу Богу благоугодно усугубить оные мне, да будет воля Его! Впрочем,

хотя я и придумываю облегчить участь свою, но если Бог не избавит, избавит ли человек? Начально думал я, что и одного года не продышу в Ярославце, а между тем прожил пять лет; да и ныне не ведаю, что впереди ожидает меня. Прошу благодетельствовать меня святым ходатайством своим ко Господу и вразумлением меня».

«За бывшее малодушие свое, — писал он опять, — равно и за настоящее, великодушного прощения смиренно у вас испрашиваю. Что делать! Горестное чувство сердца не оставляет меня. Видно, в болезни душевной и телесной должно мне живот свой скончивать. Хотя это в настоящей черте времени очень тяжело, но ни облегчить, ни успокоить себя ничем не могу. *Несть мира в костех моих от лица грех моих*¹. Иным по чину священства возвещаю мир, а себе самому дать не могу; а посему прискорбна есть душа моя».

В 1844 году отец Антоний возобновил прошение свое к архипастырю об увольнении от должности. «Я очень страдаю, — писал он брату, — с трудом могу стоять в церкви, большую половину службы сижу. А к сему и духом непрестанно страдаю от различных неприятностей по обители... так, как будто измученный, весь расслаблен, и дух уныния с какою-то тоскою как гора угнетает меня. Я сердцем своим по долгу сыновнего благопокорения моего к лицу вашему должен повиноваться советам вашим во всем без рассуждения, но что касается до должности моей, чтоб ее продолжать, то — ей! — измучило меня. Посему паки смиренно вас, батюшка, прошу дозволения мне устно или на бумаге изъяснить архипастырю бедственное положение мое и попросить у него милости. Я знаю, что и после просьбы моей не зараз воспоследует решение, но, может быть, продлится без конца, как обыкновенно бывает. По крайней мере может он знать и видеть, что я страдаю без отрады. И это вам говорю неложно. Почему

¹ Пс. 37, 4.

Господа ради не оставьте приклонить ухо свое к воплю моему к вам!» Получив желаемое дозволение, отец Антоний написал преосвященному, что в течение года понуждал себя к продолжению своего служения, но что здоровье его несколько не поправляется и что, напротив, к преждебывшей неисцельной болезни в ногах присовокупились еще и другие недуги — головокружение, род обмороков и одышка; что расстройство здоровья умножается еще и расстройством духа о многом упущении по обители, и впредь могущем еще происходить от болезненного его положения, как в нравственности братии, так и в хозяйственном отношении, за что предстоятель обители должен дать ответ пред Богом и пред архипастырем. «Не имея надежды к поправлению себя, — писал он, — чтобы мог управлять врученную мне обителию, совершенно падаю духом и еще более лишаюсь способностей, настоятельно приличествующих, от чего обитель может прийти в крайне расстроенное положение. Посему и, паки припадая к стопам вашего преосвященства, слезно вопию, прося внять болезненному гласу моему, благоволить уволить меня от сей должности в Оптину пустынь для восстановления сил моих душевных и телесных. Я расслаблен душою и телом, но не смею сказать: *человека не имам!*¹ Я имею его в вас, милостивейший архипастырь! Ваше соизволение на мой болезненный глас доставит мне средство к облегчению от обдержавшаго меня расслабления душевного; и когда вдовица, вопиявшая к несправедливому судии, получила удовлетворение, кольми паче я имею надежду на вас, “право правящих слово... истины”² и толико изливших на меня своих архипастырских и отеческих милостей!» Но на это слезное прошение ответ архипастыря был очень короткий: «Вам не время теперь проситься на успокоение от настоятельства, а мне

¹ Ин. 5, 7.

² Возглас священника из Евхаристического канона.

избирать другого на ваше место. Вам и мне предлежат хлопоты. По случаю открытия (Малоярославецкого) памятника в 29-е число сего октября, по воле Государя Императора, при сем торжестве должен быть и я. Прикажите приготовить кельи» и так далее.

Повиновался воле архипастырской отец Антоний, но все-таки по-прежнему ежедневно страдал духом, ежедневно помышлял о том, не помилует ли его Господь от обдергающего его страдания, и всегда был занят мыслию о приискании способов к удалению от должности. В это время чрез посредство преданных лиц получил он приглашение перейти в новоустроенный Гефсиманский скит. Дорога́ была отцу Антонию Оптина пустынь, возжеленно пребывание с отцом своим духовным и старцем отцом Моисеем; но тягота настоятельства превозмогла и у него вырвалось слово: «Когда б было на перемещение в Гефсиманию согласие и благословение отца моего духовного (то есть отца Моисея), тогда принял бы сие за волю Божию и без всякого бы сомнения перешел». Но когда отец Антоний объяснил отцу Моисею о сделанном предложении, то получил весьма строгий и даже грозный ответ. «По участию искреннему в твоём положении жизни, — так писал отец игумен Моисей, — все приятное меня утешает, а противное огорчает, особливо что относится ко Господу, вопреки Его святой воле. Из письма твоего, между прочим приятным, увидел непростительное предположение твое об отступлении от долга, возложенного на тебя от Самого Господа чрез архипастыря нашего, чтобы нанести оскорбление вверенной тебе святой обители, оскорбить святителя, оскорбить самого Господа, оскорбить и меня, грешного, с обителию и тебя самого положить во гроб прежде времени. Этого желает общий враг наш диавол. Ты, ища избавления от скорбей, показываешь свою волю наклонною вопреки Божией воле святейшей и меня выставляешь на сцену противу великих особ весьма

погрешительно. С твоею волею нечистою я отнюдь не согласен, а Божией предаюсь неограниченно и боюсь помыслить вопреки. Не я тебя поставил на степень, занимаемую теперь тобою: Господь поставил тебя полномочною властью архиерейскою, и вверил тебе святую обитель, и подтвердил тебе быть на деле Божиим до смерти. И святой апостол к тому увещавает: *сие... да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, Который послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя*¹. Тем же... и мы... терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирая на Начальника веры и Совершителя Иисуса.² Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь.³ Решительно тебе говорю, возлюбленный, и именем самого Господа Иисуса подтверждаю: умолкни отселе отзывами ропотливыми на должность. Она не есть зло, но добро великое; а уныние и уклонение от должности, по указанию одного губительного духа уныния, показывает, что ты еще и доселе ходишь не в истинном разуме и не в вере. Надлежит быть в одном духе с Господом: с Ним нет места унынию. Для того святой апостол, поощряя на подвиг, говорит: *братие... возмогайте о Господе... в державе крепости Его*⁴. *В терпении вашем стяжите души ваша*⁵ и *претерпевый до конца, той спасен будет*⁶, — глаголет Господь. От души моей желаю тебе, да будет не твоя и не моя воля, но единственно Божия, которой себя и тебя со всею обителию предаю, остаюсь с искреннею любовью».

Так писал отец игумен Моисей, зная, что отец Антоний все принимал от него с верою и смирением. «Весьма чувствую всю справедливость ваших слов, — отвечал он брату, — но,

¹ Флп. 2, 5; 8.

² Евр. 12, 1–2.

³ Пс. 33, 20.

⁴ Еф. 6, 10.

⁵ Лк. 21, 19.

⁶ Мф. 10, 22.

впрочем, не без сердечной болезни принял оные. Конечно, если бы ощутительно было вашему сердцу мое горькое положение, тогда и вы преклонились бы ко мне на милость. Не велика бы для меня была скорбь и беда жертвовать своим спокойствием, расстройством в духе и даже спасением душевным. Но чрез мое начальствование и прочее все приходит (или уже пришло) в расстройство и в бедствие по душе; а посему уклонением от должности я, может быть, себе только одному причинил бы беду, а продолжением могу и прочих расстроить и погубить, чему уже были и случаи. Но когда вы определили, чтобы я умолкнул и более не произносил ропотливых слов на должность, с покорностию повинуюсь вам и за святые молитвы ваши одоляюсь обучаться молчанию, возвещая в безмолвии печаль свою Господу». Действительно, отец Антоний замолчал, молчал года полтора и только по прошествии этого срока решился опять излить пред братом своим всегдашнюю свою скорбь. «Если мы видим, — писал он, — что послушники наши изнемогают под бременем, то мы трогаемся сердцем и нередко, делая снисхождение, облегчаем тяготу или и вовсе освобождаем их от оной. Неужели же ваше отеческое сердце будет хладнокровно к страданиям моим? Будьте милосерды ко мне ради Господа! Вот я из святого послушания ко святой особе вашей бремя настоятельства продолжал нести хотя и с тяжким трудом, но почти семь лет, и если бы не видел примеров уклонения в древних временах и в новых, то не дерзнул бы и думать, не только просить о свободе... Я питал себя надеждою, что вы мне, как блудному сыну, объятия свои отча¹ отверзете и помилуете меня, немощного душою и телом; а вы приговор сделали мне страдать без конца. Что делать? Хоть это определение горько моему сердцу, но должен страдать и мучиться. Да будет со мною воля Божия и ваша!»

¹ См. седален «Объятия отча» в Неделю о блудном сыне.

С такою-то силою воли, с такою покорностию и терпением отец Антоний нес духовный крест, возложенный на него Самим Богом. И наконец призрел Господь на терпение раба Своего, то есть хотя еще не освободил его от настоятельства, но внутренне подал ему некоторую отраду.

На приведенное нами последнее письмо отца Антония отец игумен Моисей отвечал так. «Любезнейший брат! Возмогай о Господе, в державе крепости Его¹. Если пребудешь в молчании и терпении, без сомнения, узришь помощь Божию. Он Един все знает, и потому вверяй Ему себя без сомнения. Божие есть промыслять о твари и избавлять человека от всякого искушения. Ежели душа более живет там, где любит, нежели где человек пребывает телом, то твоя душа любовью живет с нами в Оптиной пустыни. Подобным образом и моя душа любовью неотлучна от тебя в Черноостровском твоём монастыре; беседует с тобою мысленно и временем лицом к лицу и возносит искреннее желание ко Господу, да даст Он тебе крепость к понесению всех скорбей креста возложенной должности на тебя. И верую и уповаю, что не оставит тебя Господь. Уныние духа неизбежно; одно терпение и молитва берут верх над ним. Также и тлетворная печаль сердца, объясненная у святого Кассиана в 4-й части Добротолюбия, требует врачевства».

По милости Божией и по той великой вере, с которою отец Антоний принимал всякое слово своего старца, это письмо положило конец тяжким его душевным страданиям. «Дражайшее мне писание ваше, как целительный бальзам, доставило мне, страждущему, некоторую отраду... С сего времени начинаю успокаивать себя обещанием вашим избавления. Верил я и прежним вашим святым словам; но я столь сильно недуговал в духе, что никакие средства не успокаивали меня, кроме последнего вашего письма. Почему со слезами

¹ См.: Еф. 6, 10.

признательности от всей души моей, во-первых, благодарил Господа Бога; а потом и вам, милостивейшему отцу моему, с земным поклонением приношу всечувствительное благодарение за вразумление меня, обуреваемого, коим прошу и впредь не лишить меня, недостойного».¹

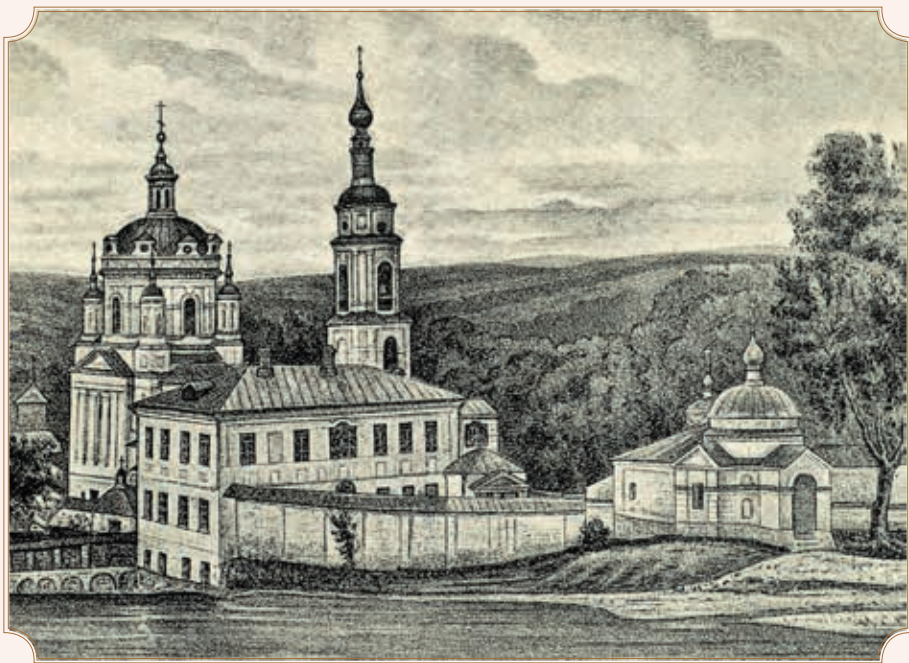
Около семи лет после этого тянулось еще настоятельство отца Антония. В течение этого времени он не переставал с сердечною скорбью ощущать великое неудобство — управлять обителью в болезненном положении, но с этой поры скорбение его уже не доходило до тяжкого уныния; он уже не изнемогал так под своим крестом и нес его с большим благодушием.

Впрочем, должно заметить, что не только в эти последние годы, но и прежде, когда отец Антоний сильно унывал духом, это мало обнаруживалось в его внешней деятельности и обращении с другими. Посетителям обители он всегда оказывал радушное гостеприимство; даже во время тяжких душевных страданий беседа его была оживленная; он всегда был готов входить с участием в положение всех обращававшихся к нему с душевными своими нуждами и подавал им лично и письменно советы, исполненные духовной силы. О том, как скорбела его душа, он открывал немногим; а вообще перед всеми был приветливым хозяином и усердным исполнителем настоятельских своих обязанностей. Весьма заботливо следил он за порядком церковной службы, с большим усердием, даже в болезненном положении, совершал в нарочитые дни сам торжественное богослужение.

Во время настоятельства отца игумена Антония ежедневно кроме других служб неопустительно бывали две литургии — ранняя и поздняя. Поминовение благодетелей

¹ Около этого же времени отец Антоний получил от старца своего в утешение и благословение икону Спасителя, которую до кончины своей чтит особенно, вспоминая всегда с благодарностию, что с получением сей иконы прекратилось долголетнее его скорбение. — *Примечание к изданию 1870 г.*

совершалось с особенною точностию и усердием. В храмовой праздник святителя Николая 9 мая бдение продолжалось 6 часов, на котором отец Антоний всегда читывал икосы святителю перед Евангелием. Пред литургиею молебен с водосвящением служил сам, совершал соборне святую литургию и по оной молебен святителю; после службы принимал в келлию свою гостей и братию и всех сам угощал, а потом того же дня к вечеру на почтовых поспевал в Калугу для поздравления преосвященного Николая со днем его Ангела. В 1848 году, когда холера посетила и Малоярославец, отец Антоний, по желанию граждан, совершал со всем градским духовенством несколько раз крестный ход вокруг всего города, причем служилось в разных местах множество молебнов и литий, а также и панихида по воинам, падшим здесь в 1812 году, так что каждый раз крестный ход продолжался

Черноостровский Николаевский монастырь. Гравюра. Середина XIX века.
Архив Оптиной пустыни

около 7 часов. Такие-то труды переносил отец Антоний с своими своими ногами.

Также и хозяйством монастырским отец игумен Антоний занимался с усердием; много заботился о внешнем и внутреннем благоустройстве обители, как посредством избранных им опытных духовников, так и личными увещаниями, и всеми возможными средствами старался утвердить в братстве добрую нравственность и благочиние. Положив прочное начало внутреннему устройству обители, отец Антоний окончил и начатое его предшественником внешнее устройство оной, для чего требовалось немалых трудов и издержек весьма значительных при скудных монастырских средствах.

В 1849 году в Малоярославце была в феврале месяце сильная буря: с монастырской колокольни снесло шпиль, который упал на церковь, проломил тяжестию своею железную крышу и стропила, раздробил каменные своды, а железный крест сажень за 50 занесло в сад. Буря эта причинила обители убытка на 5000 рублей. Но отец Антоний не очень был озабочен этим, возлагая печаль свою о сем на Господа Бога, на Пречистую Его Матерь и на великого чудотворца Николая, а только благодарил Бога, что никто из людей не пострадал во время бури. Один мирской человек, слушая рассказ об этом отца Антония, был поражен совершенным его равнодушием к денежному убытку и искреннею радостию его о сохранении жизни всех находившихся в обители и невольно остановился мыслию на таком мирском расчете, что вот, отец игумен ценит жизнь последнего монастырского работника дороже 5000 рублей. Когда он объяснил свой помысел, отец Антоний заметил ему, что душа человеческая Богу дороже всего вещественного мира.

Хотя таким образом отец Антоний во всем с твердым упованием возлагался на Промысел Божий, однако срочное и спешное окончание отделки монастырских храмов

не могло не озабочивать и не отягощать его. Сам он был плохой сборщик: не только не любил выпрашивать что у других, но даже отказывался иногда и от того, что ему предлагали, или, если видел, что кто-нибудь по усердию своему жертвовал не по своим средствам, убеждал его часть пожертвования принять обратно. Однако по воле преосвященного отец Антоний должен был отправиться в столицу для сбора пожертвований и с помощью Божиею к 1849 году довершил, как сказано, начатое предшественником внешнее устройство Малоярославецкого монастыря в теперешнем его виде.

По случаю освящения устроенного отцом Антонием Преображенского придельного храма в 1840 году было в обители великое торжество в присутствии архипастыря. Памятно многим, как во время праздничной трапезы отец игумен Антоний рядом с собою посадил известного малоярославецкого юродивого Емелю и потом говорил сам, что «два дурака рядом сидели».

Все труды отца игумена Антония, который, изнемогая под внутренним крестом, так тщательно заботился об исполнении настоятельских обязанностей, все его подвиги и скорби хорошо понимал и ценил архипастырь, удерживавший его на начальстве. Еще в 1845 году по его представлению отец Антоний удостоился получить золотой наперсный крест. Извещая его о сей награде, преосвященный Николай писал ему: «Вы хорошо делаете, что отказываетесь от всех отличий мирских. Но Государь Император, по представлению Святейшего Синода, в 21 день апреля наградил вас крестом. Это не мирское отличие, а знамение страданий Икупителя нашего Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа; вам остается получить сие духовное христианское и спасительное отличие. Да будет оно вместе знамением и ваших скорбей, душевных и телесных! Так, да и есть ли кто в мире такой, кто бы их не имел?» Впоследствии преосвященный

хотел было сделать представление в Святейший Синод о возведении отца игумена Антония в сан архимандрита; но от этого отец Антоний решительно отказался, говоря: «Нет уже, вы для кого другого, а не для меня это сделайте». «Что же? — говорил отец Антоний другим. — Если я бы и был архимандритом, разве черви, когда я умру, меня все так же есть не будут? Вот если бы архимандритство защищало от тления, или смерти, или суда, тогда стоило бы добиваться оно! Пономарь, хорошо исполнивший свою должность, имеет несравненно лучший жребий против архиерея, жившего неградиво, хотя бы он и имел на груди две звезды».

Во все время пребывания отца игумена Антония в Малоярославце великою ему опорой было искреннее братское и вместе отеческое участие отца игумена Моисея. Отец Антоний, будучи игуменом, не переставал быть совершенным послушником своего брата, постоянно имел с ним переписку, открывал ему о всех своих скорбях, недоумениях и предположениях и на все свои распоряжения испрашивал его благословения и разрешения, без которого ничего не предпринимал. Отец Моисей с своей стороны не только содействовал ему и подкреплял его опытными своими советами, указаниями и увещаниями, но оказывал ему и деятельную помощь: несколько раз, когда Малоярославецкий монастырь оскудевал братством, из Оптиной пустыни посылались туда за послушание потребные люди. Ибо, к немалой скорби отца игумена Антония, некоторые братия по непостоянству своему или по другим причинам, пробыв в монастыре сколько им было угодно, неожиданно выходили, так что обитель часто лишалась самых нужных в братстве людей; а отец игумен Антоний никого не удерживал, кто хотел выходить из монастыря¹. Вообще между обоими обителями,

¹ Для примера прилагаем любопытный отрывок из письма отца Антония к архиерею, писанного в подобном случае: «Во исполнение приказанья вашего

Малоярославецкою и Оптиною, не прекращалось братское сношение. Кроме того, отец Моисей ежегодно посещал брата своего в Малоярославце. Эти посещения были самые отрадные минуты для отца Антония: он изливал перед старцем сердечную свою скорбь, лично на месте объяснял ему все дела и обстоятельства, требовавшие разрешения, и из бесед его черпал силу для прохождения многотрудного своего послушания. Ежегодно и отец Антоний приезжал для краткого отдыха в Оптину пустынь.

По временам отец Антоний ездил и в Москву, как сказано, для сбора пожертвований на окончание монастырских построек и по другим монастырским делам. Здесь он в 1850 и 1851 годах имел свидание с родными братьями — Василием, ростовским жителем, и отцом Исаиею, саровским игуменом, из которых с первым не видался 21 год, а со вторым — 33 года. В Москве отец Антоний всегда удостоивался архипастырского благословения и внимания московского первосвященника¹. Старец-митрополит понял духовное устроение смиренного подвижника-страдальца, полюбил его, часто приглашал его к сослужению с собою и оказывал ему другие

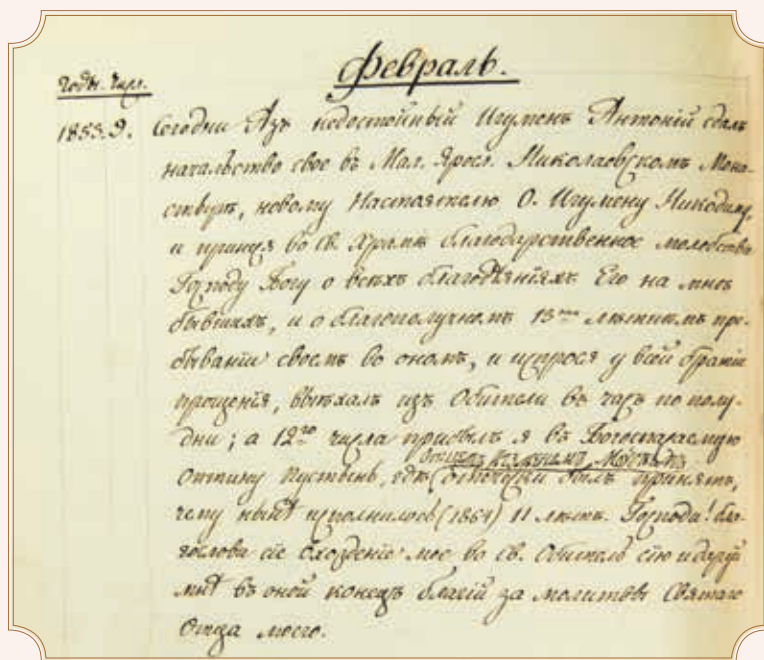
преосвященства с достодолжною покорностию долг имею с первою почтою донести: бывшего письмоводителя своего И. А. из обители я вон не высылал; его собственное было произволение перейти в другой монастырь; и причины к сему иной не нахожу, кроме расстроенной моей жизни и предосудительных слабостей, которые трудно было мне скрывать от взоров его. Впрочем, советовал ему не спешить переходом и давал ему свободу размыслить и посоветоваться с благомыслящими. Но и при всем том намерения своего он не изменил; почему я отпустил его мирным духом и напутствовал его по силе деньгами и подводой до Калуги. Возвращение же его и сердечное раскаяние хотя и чувствительны были мне, но принять его паки не решился, не по капризам, но истинно за его душевную пользу, поелику я нисколько не переменялся. А притом какая для послушника будет жизнь, когда он будет смотреть на настоятеля как на медведя и ежедневно бояться, как бы его не задавил? Почему и советовал ему держаться прежней цели, не озираясь вспять». — *Примечание к изданию 1870 г.*

¹ Митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова; 1782 (1783 ?)–1867).

Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский
и Коломенский. Литография раскрашенная. XIX век.
Российская государственная библиотека

знаки отеческой милости¹; богомудрыми своими беседами утешал и подкреплял к прохождению его служения и, наконец, сострадательно войдя в его положение, ходатайствовал у калужского архипастыря об увольнении отца Антония от должности. Вследствие этого ходатайства преосвященный Николай в 1851 году согласился внять долголетнему прошению страждущего настоятеля; но неожиданная кончина преосвященного опять остановила это дело, и уже теперешний калужский архипастырь², во уважение к ходатайству

Келейный календарь, или памятная книжка игумена Антония.
1864 год. Рукопись. Российская государственная библиотека

¹ Как уважал митрополит Филарет отца игумена Антония, видно из того, что однажды в разговоре с кем-то не усомнился сравнить его и братьев его — отца игумена Моисея и отца игумена Исаию — с святыми братьями Василием Великим, Григорием Нисским и Петром Севастийским. — Примечание к изданию 1870 г.

² Архиепископ Калужский и Боровский Григорий (Митькевич; 1807—1881).

московского владыки и к болезненному положению отца Антония, уволил его от настоятельской должности, дозволив ему жить на покое в Оптиной пустыни.

В памятной книжке отца игумена Антония записано: «9 февраля 1853 года. Сегодня аз, недостойный игумен Антоний, сдал начальство свое в Малоярославецком Николаевском Черноостровском монастыре новому настоятелю отцу игумену Никодиму¹ и, принеся во святом храме благодарственное молебствие ко Господу Богу о всех благодеяниях Его, на мне бывших, и о благополучном 13-летнем пребывании своем во оном и испрося у всей братии прощение, выехал из обители в час по полудни; а 12-го числа прибыл я в богоспасаемую Оптину пустынь, где отцом игуменом Моисеем отечески был принят... Господи! Благослови сие вхождение мое во святую обитель сию и даруй мне в оной конец благий, за молитвы святого отца моего!»²

¹ Игумен Никодим (схиархимандрит Николай) (Демутье; † 1864). Из дворян. Служил офицером на флоте. В монашество пострижен в 1840 г. в Оптиной пустыни. Определен строителем в Мещовский Георгиевский монастырь. Возведен в сан игумена и в 1853 г. стал настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря. В сан архимандрита возведен в 1857 г. В 1862 г. по прошению уволен от должности настоятеля по состоянию здоровья. В схиму пострижен в 1864 г.

² Антоний, игумен (Путилов). Келейный календарь, или памятная книжка. В 3-х ч. 1864 // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 304. Л. 60 об.

Глава V

Пребывание на покое в Оптиной пустыни 1853—1865

«**П**о благодати Божией и за святые молитвы молящихся о мне, — писал отец игумен Антоний по прибытии своем в Оптину пустынь одному из духовных своих детей, — Калугу проехал я безбедственно и с одним только гривенником прибыл на хлебы в Оптину пустынь 12 февраля, и батюшкой отцом игуменом Моисеем принят отечески, в истинном смысле сего слова, то есть с любовью и радушием, и по случаю моего возвращения был сделан им праздник, яко обретется погибшая драхма. Батюшка пожаловал мне близ себя келлику тепленькую, из которой, кроме неба, некуда более и смотреть, куда и взираю и из глубины души взываю: *К Тебе возведох очи мои, живущему на Небеси; се, яко очи раб в руку господий своих, тако очи мои к Тебе, Господу Богу моему, дондеже ущедриши мя*¹. За столь великую милость Божию ко мне и слов достойных не обретаю к возблагодарению; ибо истинно не по грехам моим воздаст мне Господь Бог, но по велицей милости и по множеству щедрот Своих».

¹ См.: Пс. 122, 2.

Оптина пустынь. Переезд через реку Жиздру.
Открытка. Конец XIX — начало XX века. *Архив Оптиной пустыни*

Отрада теперешней жизни усугублялась для отца Антония самым воспоминанием испытанных скорбей. «Ясно вообразилось мне, — так отметил он в памятной книжке, — что пребывание мое в Малоярославецком монастыре на игуменстве 13 лет и претерпение тамо различных искушений и огорчений было не без пользы мне; иначе теперешний покой не был бы столь вожаделенен и отраден, за что не могу достойно возблагодарить Господа, что привел меня на прежнее жилище в Оптину пустынь».¹

Но многовожаделенный сей покой отца игумена, продолжавшийся до самой его блаженной кончины, был многотрудный, многоболезненный, а в духовном отношении многоплодный. Ибо не ради покоя воздыхал он столько лет об освобождении

¹ Антоний, игумен (Путилов). Келейный календарь, или памятная книжка. В 3-х ч. 1864 // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт. 304. Л. 66. Запись от 12 апреля 1856 г.

от начальственных забот, а только потому, что они не соответствовали ни душевному его расположению, ни телесным его силам. Почему, получив желанную свободу, с великою ревностию, как новоначальный, предался произвольным трудам по Боге и с великим благодушием продолжал носить невольный крест болезни.

«Настоящее мое житье-бытье, благодарение Господу Богу, — писал он в апреле 1853 года, — по всему покойно и приятно мне, но зато различные немощи мои до зела обессилили меня; особенно увеличилась боль в ногах и в зубах, но все это не без пользы для меня. И хотя от многих грехов моих немощствует тело, немощствует и душа моя; но, благодарение Господу Богу, имею силу ежедневно ходить во святой храм ко всем службам и выстаивать с начала до конца; а также и в братскую трапезу ежедневно хожу, и все это делаю не по принуждению, а по собственному произволению и чувствую от сего великую пользу для себя и утешение, так что каждый трапезный простой кусок кажется мне сахаром. А в келье своей ничего не держу, кроме водицы святой, так что не только людям, но и бедным мышам полакомиться около меня нечем, и никто не жалуется ко мне, и я живу совершенно как в пустыне. Даруй, Боже, чтобы и впредь было так! Одно только тревожит душу, что весьма больные ноги мои не соответствуют желанию моему — быть всегда в труде».

Вот с каким душевным расположением отец Антоний стал проводить житие свое на покое. В короткое время от непомерного понуждения и продолжительного стояния до крайности усилилась болезнь в ногах, которые, как мы видели, заболели еще с 1836 года и до колен были покрыты ранами. Однажды во время всенощного бдения из обеих ног столько вытекло материи, что новые кожаные сапоги насквозь промокли, как будто отец Антоний по колено стоял в воде. После этого раны закрылись, а болезненное

состояние от этого усилилось, потому что худосочие, для которого раны служили естественною фонтанелью¹, бросилось внутрь. Спустя несколько времени по закрытии ран келейник приходит однажды в келью и видит отца Антония лежащего без памяти на полу в крови: с ним случился вследствие закрывшихся ран сильный обморок, и, падая, он разбил себе обе больные ноги. По времени раны опять открылись и возобновились другого рода страдания. Не станем описывать всех переходов болезни, но вкратце скажем, что болезнь эта продолжалась до самой кончины старца, то есть всего около 30 лет. Ежедневно, днем и ночью, старец испытывал в ногах невыразимую боль, как будто кто их в одно и то же время и ножами резал, и жег огнем, и драл жесткою щеткою, и вместе с тем колот иглами. Даже посмотреть нельзя было без содрогания — больные ноги были тверды, как дерево, и скорее походили на прямые круглые бревна, шириною в диаметре до 5 вершков, темно-красного цвета, постоянно рделись; из ран, глубиною до самой кости, сочилась всегда кровавая сукровица. Доктор А. И. Л. говорил, что, перевязывая ноги отца Антония, он видел в ранах червей длиною с полвершка.

Медицинских средств много предлагалось больному и врачами, и другими посетителями. Иногда от предлагаемых пособий старец чувствовал временное облегчение и небольшую отраду, например, мог прикасаться к больным ногам при перевязке их; обыкновенно же и легкое прикосновение было невыносимо от чрезмерного в них раздражения. Вообще же все медицинские средства оказывались малодейственными, а некоторые вместо пользы причиняли вред. Но отец Антоний никому не противоречил и не отказывался от лечения, хотя понимал, что болезнь его неисцельная. Не останавливаясь мыслию своею на том, что болезнь эта и произошла,

¹ Фонтанель — искусственная язва, открываемая с врачебной целью. Считалось, что через фонтанель организм освобождается от «дурной материи».

и усиливалась от понуждения к монашеским подвигам, отец Антоний принимал страдания свои за испытание, посланное ему для душевной пользы, ради очищения от грехов. Однажды посетил его известный благочестивый писатель И.В. Киреевский¹ и в беседе с ним выразился так: «Вот, батюшка, на вас сбывается слово Писания, что многи скорби праведным: какой тяжкий крест возложил на вас Господь!» — «То-то и есть, — возразил старец, — что праведным скорби, а у меня-то все раны, как и святой пророк Давид говорит: *Многи раны грешному*²». За великое смирение его Господь помогал ему с мужественным терпением и дивным благодушием переносить эти ужасные страдания. Когда же они слишком усиливались, то он любил вспоминать праведного Иова и во утешение и подкрепление себе и другим говаривал, что все его страдания не стоят и одного вздоха сего многострадального ветхозаветного мученика. Своего же терпения отец Антоний как будто не видал и однажды, утешая одного из духовных своих чад, находившегося в скорбном положении, выразился так: «Сердечно сожалею о разных искушениях, случившихся с вами, а между тем и позавидовал я вам о том, сколь крепко любит вас Господь. Ибо за каждый толчок, за каждый болезненный вздох сколь много готовит вам наград и неотъемлемых утешений! А я, бедный калека, не много имею ран, да и те подчас бывают невыносимы, а посею горе моему окаянству — останусь я с голыми руками». Как пред Богом, так и пред людьми старец скрывал свои страдания. Многие, видя всегда светлое лицо его и слыша его оживленную беседу, не понимали, какого страдальца видят пред собою; некоторые же, видя наружную его полноту, полагали, что он совершенно

¹ Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) — русский философ, писатель и публицист.

² Пс. 31, 10.

здоров, но притворяется¹. И неудивительно. Кто привык видеть, как обыкновенно в миру люди плотские в случае несравненно меньшей болезни все свое попечение и помышление обращают на то, как бы окружить себя покоем, для тех, конечно, непостижимо и невероятно должно показаться терпение старца. Не только ради духовной беседы, но и для простого приема посетителей до последней крайности понуждал он себя, даже во время тяжких страданий выходил навстречу гостям, принимал их с радушным, веселым лицом, сидел и беседовал с ними, благодушно выслушивал даже то, что ни им, ни ему не было нужно, провожал и отпускал всех приветливо с искренними благожеланиями. Кто из посетителей, выходя утешенный и оживленный таким любвеобильным приемом, мог подумать, что, по большей части, проведив гостей, старец возвращался в келлию с трудом и с болезненными стенаниями? И невзирая на то, что от подобного понуждения усиливались его страдания, он и следующего посетителя готов был принять с таким же радушием.

Еще более старец понуждал себя, любви ради Божией, к молитвенным трудам. Несмотря на непрерывные телесные страдания, он любил неупустительно и в праздничные дни, и в будни ходить к церковным службам и всегда старался поспевать к началу. Трогательно было видеть, как болезненный старец, с трудом переступая с ноги на ногу и опираясь на палку, при первом ударе колокола направлялся в церковь, пребывал на службе до конца, то стоя, пока мог, а в случае изнеможения и сидя, и потом опять с великим трудом и болезненными стенаниями возвращался в свою келлию. К скиту, где отец Антоний прожил 18 лет, он имел особенное усердие и в те дни, когда по скитскому уставу там бывало

¹ Так, некто, посетивши проездом отца Антония, выразился об нем, что он человек «здоровенный». А другой сказал ему в глаза: «Таких святых, как вы, — пол-Москвы». — *Примечание к изданию 1870 г.*

праздничное служение, всегда приходил, несмотря на болезненное свое состояние, в скит к литургии, выходя из келлии своей за полчаса и более до звона. В монастыре же в двенадцатые и другие нарочитые праздники, часто чрез силу, сперва участвовал в соборном служении, в последние же годы только присутствовал при оном. После продолжительного праздничного богослужения отец архимандрит иногда назначал его еще читать поучения во время братской трапезы, а потом отец Антоний оставался кушать за вторым столом вместе с братьями, служащими в поварне и в трапезной. От чрезмерного понуждения в больных ногах иной раз делалось воспаление, и старец после того в продолжение месяца или более не мог выходить из своей келлии, и тогда уже крайняя немощь заставляла его церковную службу заменять келейным молитвословием. Ночью, когда церковный колокол созывал братий к полунощному утреннему богослужению, проходящие мимо окон отца Антония замечали всегда в его келлии

Оптина пустынь. Вид из рухольного корпуса.
Конец XIX — начало XX века. Архив Оптиной пустыни

усиленное освещение; если не мог быть в храме, старец имел обыкновение, как бы болен ни был, в одно время с братством наедине у себя совершать молитвенные правила. Келейные его подвиги известны единому Богу, и лишь отчасти можно было уразуметь о них, каковы они были, по явному для всех и великому усердию его к церковному богослужению, также и по мирному устройению и духовной радости, которые отражались и вовне и были заметны многим; а в-третьих, и из словесных его наставлений. «На молитву, — говаривал он, — должно вставать поспешно, как на пожар». «Молитесь усердно Господу Богу, — так писал он одному из духовных своих чад, посылая четки, — и хладное сердце свое разогревайте сладчайшим именем Его; поелику Бог наш огонь есть. Оное призывание и нечистые мечтания истребляет, и сердце согревает ко всем заповедям Его». Одному близкому духовному сыну он откровенно сказал, что молился всегда, молился о всем и о всех и что когда был настоятелем, то без молитвенного уготовления не выходил даже к рабочим, когда они приходили по монастырской надобности. Некоторые замечали, что и во время беседы с посетителями он внутренне молился.

Какой высоты молитвенного настроения достиг отец игумен Антоний, каких духовных дарований он сподобился, известно только Богу, и говорить об этом могут лишь те, которые по собственному опыту в духовной жизни понимают и в других проявление оной. Нам же по необходимости должно ограничиться здесь, из виденного и слышанного, малыми и отрывочными намеками и указаниями. Все, которые видели отца игумена Антония совершающим богослужение, помнят необыкновенное выражение лица его, особенно во время Божественной литургии, когда он выходил с потиром: это было лицо человека, преисполненного благодати. Случалось, что от одного взгляда на него в это время у некоторых происходил в душе нравственный переворот. Были

основательные причины утверждать, что отец Антоний имел великое дерзновение в молитве к Богу и сподоблялся духовных видений и других благодатных посещений¹. Он имел такое пламенное усердие и благоговейную любовь к Матери Божией, что, особенно в последние годы своей жизни, когда начинал рассказывать что-либо из жития Ее, при одном имени Препоблагословенной Девы Марии голос его изменялся от обильных слез и он не мог окончить рассказа. Впрочем, духовные дарования свои он тщательно скрывал от всех. Когда один из приближенных духовных его сыновей, который пользовался особенным его расположением, предлагал ему вопросы о предметах умозрительных, то отец Антоний отвечал ему, что он ничего умозрительного не понимает, и отсылал его или к старцу отцу Макарию, или к отцу архимандриту Моисею, которые иногда объясняли, о чем тот спрашивал, а иногда и они оставляли его без ответа. «Очисти сердце — все будешь знать», — возражал на все пытливые вопросы отец Макарий; а отец Моисей в подобных случаях говорил одно: «Это духовное», тем разговор и кончался. Очевидно, что и отец игумен Антоний уклонялся от беседы об умозрительных вопросах по глубокому смирению и потому, что направлялся более

¹ Вот что поведал нам послушник Оптиной пустыни Н., духовный сын отца игумена Антония: «8 ноября 1862 года, на память святого Архистратига Михаила, перед самою утренею слышал я во сне неизвестно чей голос, говоривший мне: “Старец твой отец Антоний — человек святой жизни и великий старец Божий”. Вслед за тем раздался звонок будильщика, и потому все слова таинственного голоса ясно напечатлелись в моей памяти. Размышляя о слышанном, пошел я к утрене. Не доходя до корпуса, где жил старец и мимо которого надобно мне было идти, вижу: над молитвенною его келлиею неизвестно откуда явилось светлое белое огненное облако, длиною около сажени, шириною аршина в два, тихо и медленно поднималось оно от самой крыши, шло кверху и скрылось в небесном пространстве воздуха. Явление это меня поразило; и потому, пришедши от утрени, я пожелал записать о сем себе для памяти. Объявить же о сем видении старцу не осмелился, а счел оное за вразумление мне, недостойному, иметь веру, преданность и послушание своему старцу и за явное свидетельство его чистой, пламенной и богоприятной молитвы. — *Примечание к изданию 1870 г.*

к деятельным добродетелям, чем и выражал высоту своего смирения. Что бы кто ни говорил, как кто ни поступал, отец Антоний никогда ничем не соблазнялся, никого не осуждал и не порицал, ни о ком не изменял благой мысли, а на всё и на всех смотрел чистым оком, чем доказывал, что стяжал чистое сердце.

После молитвы, келейной и церковной, все свободное время свое отец Антоний посвящал преимущественно чтению, которое было любимым занятием его во всю его жизнь. Редко можно было найти такого любителя чтения. Кроме Священного Писания и святоотеческих творений, особенно аскетических, которыми по преимуществу питалась душа его, любознательный старец читал и прочие духовные книги, а также и книги ученого содержания, и преимущественно исторические, и везде умел находить хорошее и благопотребное и извлекал для себя и для других пользу и из таких книг, на которые другими обращалось мало внимания. Он всегда следил за объявлениями книгопродавцев, выписывал заглавия еще не читанных им сочинений и при случае старался приобрести их. Духовные его дети и знакомые, зная, что никаким приношением они не могли столько утешить его, как какою-либо новою книгою, по чему-либо достойною быть в руках духовного старца, с своей стороны часто дарили ему разные книги. Если же он от кого когда принимал и денежное приношение, то большею частию опять-таки обращал оное на приобретение книг. Таким образом с течением времени составила у него замечательная келейная библиотека.¹ Если какую книгу трудно было достать, то он в продолжение многих лет с великим терпением изыскивал способы найти

¹ Игумен Антоний составил опись своего собрания (см.: Реестр келейным книгам игумена Антония, составленный им в 1861 году с обозначением каждой книги цены с переплетом и с почтовою пересылкой оных // НИОР РГБ. Ф. 213. К. 36. Ед. хр. 4. Приложено: Реестры келейным книгам игумена Антония, 1854 года, 1858, 1861–1862).

А. Михайловъ князь изъ Мещеры, 1859-го года.

Л. Библия, славян. перевод Ветхого и Нового Заветов,
издания Библийского общества, сентиментальной печати
въ Петербургъ Великого Императора, 1816 года 2.

2. Новейший Завет, сиречь в. Иованн и евангелие Ап-
стольныя со Апломатическыя, Киевской гет. 1759 году
во 1^ю раз., въ Крестномъ Свѣтѣномъ переплетѣ

3. Аппетитъ въ животъ, или. т.е. въ инфузионный периодъ и за животный ободъ, и фистулы - 1843 г. - 4.

4. Синонимы, на пяти книгъ Писания — Псалтирь, Матвей,
Левитъ, Еванг. и Апостолъ. — 3. 25

S. Canadensis var. *flexilis* - - - - - 1. 50.

в Сальваторе на Двух: Соба, Покровея Сальваторского,
Бухнеймста, Плато Платон. Принадлежит Сальватор,
и Юрия сына Дурова. 2. 55.

7. Симфонія на інструм. та хор. Творець: Хачатурянц, Арам Хачатурович. 1. 70.

В. Константинов на канале в. Копорского. Избиратель, Гавриил,
Петр, Павел, Андрей, Степан, Исаак, Михаил, Назар, Александр,
Космари, Илья, Евдоким и Максим 1. 201

Ф. Г. Пифония на Селенджикот Битовуро-Ванч. III, и договор Атаман. 2. 170

А. С. Морозов на галереях Академической, и С.-Петербургской 3 10.

Библиотека и братские кельи скита Оптиной пустыни.

Фотография. Конец XIX — начало XX века.

Калужский областной краеведческий музей

ее.¹ Еще при жизни старец все свои книги, которых было у него более 2000 томов, сдал в монастырскую библиотеку, но, рачительный во всем, прежде позаботился о том, чтобы каждая книга была переплетена. Замечательно, что отец Антоний не оставил нечитаной ни одной из пожертвованных им в таком значительном количестве книг. Сохраняя и среди тяжких страданий благодушие и бодрость духа, он именно во время болезней, когда другие становятся часто неспособными ни к какому занятию, находил преимущественно свободное время для чтения. Читая много, читал и внимательно. Смолоду и всегда имел привычку делать

¹ Так, не менее 20 лет, если не более, старец хлопотал о приобретении некоторых годов «Христианского чтения», которых у него не доставало и которые невозможно было найти у книгопродавцев, и только за год до своей кончины был утешен тем, что одна благочестивая особа в Москве пожертвовала ему из своей библиотеки эти томы. — *Примечание к изданию 1870 г.*

из всего читаного выписки и отметки; а статьи почему-либо особенно замечательные или духовные книги, составлявшие редкость в книжной торговле, он переписывал сам или давал переписывать духовным своим детям. Таким образом, кроме рукописного сборника, составленного им с отцом Моисеем в Рославльских лесах (о чем сказано выше), после отца Антония поступило в монастырскую библиотеку до 60 рукописей из святоотеческих писаний, житий святых, несколько замечательных сборников разных редких молитв и служб, тщательно им собранных и переписанных полууставом, которых в печати у нас нельзя найти. Всех акафистов — рукописных и печатных — у отца Антония было до сорока, и каждый из них он читал по крайней мере раз в год, то есть в память того святого или в день праздника, к которому относились икосы (акафист). Акафистов же по чему-либо сомнительных отец Антоний не читал. Только однажды, когда жил еще в скиту, он откуда-то получил униатский акафистник и, не зная этого, по великому своему усердию к святым, стал читать содержащиеся в нем акафисты; но при чтении оных чувствовал, что молитвы эти как-то в сердце не ложились и что в них не было ничего располагающего к умилению, а, напротив, было даже что-то отталкивающее. Узнав вскоре, что это не православные акафисты, перестал их читать и после в отношении к акафистам держался большей строгости и разборчивости. Однажды какая-то госпожа привезла скитскому старцу отцу Леониду службу и акафист Богу Отцу и просила его рассмотреть эту рукопись, написанную уставом и в отличном переплете с золотым обрезами. Отец Леонид передал ее на рассмотрение отцу Антонию, который сказал, что так как Церковью не принято особой службы Богу Отцу, то считает принятие сего опасным. Тогда отец Леонид сказал: «А вот дай-ко ее сюда, мы ее положим в печь». Отец Антоний возразил было: «Да что же скажет

барыня?» — «Пускай говорит что хочет, мы на нее не посмотрим», — отвечал старец и сжег книгу.

По кончине отца Антония в его келье найдено множество реестров книг за разные годы, которые он намеревался приобрести, каталоги книг им собранных, разные выписки и отметки, свидетельствующие о том, как старец заботился о пополнении книжного своего собрания и с каким вниманием читал собранные им книги. Имея от Господа дар необыкновенной памяти¹, старец внимательным и постоянным чтением обогатил и развил природный свой ум, так что удивлял своих собеседников обширностью и разнообразием своих познаний и находчивостью, с которою часто неожиданно, но всегда кстати умел в разговоре привести читанное им когда-то в какой-либо книге. Слушая его беседы, и подумать нельзя было, что отец Антоний даже в народном училище не был, а дома обучился только грамоте по Псалтири и Часослову.

Но любознательность отца Антония всегда направлялась к духовной пользе. Он любил читать, но еще более любил исполнять читанное; любознательность его была растворена и переработана духом подвижничества, так что речи просвещенного, но вместе с тем и смиренного старца никогда нимало не отзывались обыкновенною праздною, книжною ученостью. Все его слова направлялись к духовной пользе, были исполнены деятельного разума.

Как великий любитель безмолвия, отец Антоний желал всегда проводить подобную уединенную жизнь в молитвенных трудах, чтении и богомыслии и говаривал, что, когда остается один в кельи, тогда бывает у него праздник

¹ Старец сам говорил, что за 5 лет он помнил и мог бы рассказать в точности все, день за днем, что как было, кто его посещал, что говорили — до последних мелочей; а что было поважнее, сохранялось в его памяти ясно и неизгладимо с самого детства. Особенно читанное им, хотя за 30 лет, мог передать с изумительною подробностью. — *Примечание к изданию 1870 г.*

на душе. По глубокому своему смирению он всегда хотел уклоняться от учительства, тем более что в Оптиной пустыни уже был великий старец, пользовавшийся всеобщим уважением, — иеромонах отец Макарий, который, по назначению блаженного старца отца Льва, духовно руководствовал всех прибегавших к нему. Твердое желание отца Антония было — считаться и быть не более как человеком частным, сверхштатным, живущим в обители на покое. Но духовные дарования его и даже самое смирение, с которым он от всех уклонялся, привлекали к нему всех, и скоро келлии его стали наполняться множеством посетителей, желавших принять от него благословение и духовное назидание. Следуя слову Самого Спасителя: *грядущаго ко Мне не изжгуну вон*¹ и по любви к ближним старец не мог не принимать духовного участия в лицах, посещавших его; но и при этом, с глубокою мудростию, умел не выходить из принятого им смиренного положения. На исповедь принимать он вовсе отказывался и всех отсылал к монастырским духовникам; только в самых редких, исключительных случаях могли его преклонить, чтобы он отступил от этого правила. Даже под постоянное прямое духовное руководство он принимал весьма немногих, преимущественно тех, кто относился к нему в Малоярославце или в бытность его еще в скиту начальником. Других же всех он умел воспользовать духовно, не принимая на себя значения и ответственности духовного наставника и руководителя. Главною и даже как бы единственною заботою его было — оказать всем приветливость и радушное гостеприимство и даже почтение. Не с осторожностью и в меру оказывал отец Антоний всем почтение; напротив, если можно так выразиться, он очень смело смирялся пред всеми, не боялся, что этим унижится; не стыдился юноше и даже ребенку оказывать такую честь, какой люди иного воспитания

¹ Ин. 6, 37.

не окажут и старшим... В этом отец Антоний был неподражаем. Один новоначальный открыл ему свой помысл: «Когда я встречаюсь с младшим, то не могу без понуждения себя первый поклониться ему; в особенности если встретившийся не ответит поклоном, мне становится как-то стыдно». — «Это так по новоначалию, от мирской привычки, — ответил отец Антоний, — а я вот теперь среди Красной площади (в Москве) поклонюсь кому угодно в ноги, хоть нищему, и нисколько не сконфужусь».

Смираясь паче меры перед всеми, отец Антоний делал это от искренности сердца: всем чувствовалось, что внутреннее его смирение и доброжелательство ко всем действительно было таково и не исчерпывалось наружным изъятием оно-го. Сердце его всегда принимало самое теплое участие в скорбях ближнего, а потому он особенно любил утешать приходящих к нему. По возвышенности своих понятий и по строгости собственной жизни он в молодости и к ближним был строг и невольно огорчался и смущался недостатками немощнейших братий. Но мудрые наставления старшего брата отца Моисея и собственное преуспеяние в духовной жизни привели отца Антония в такое состояние, что, будучи весьма строг к самому себе, вместе с тем был отечески снисходителен к проступкам других и как бы полагался иным. Он не отчаивался ни в чем исправлении и умел воздвигать людей нерадивых и малодушных; и как бы кто ни упал духом, всегда успевал беседами своими вдохнуть благонадежие. В советах же и наставлениях своих был крайне осторожен и указывал на слова святого Исаака Сирина, что надо с людьми обходиться как с больными и успокаивать их наиболее, а не обличать, ибо это больше их расстраивает, нежели приносит им пользы. «Больному, — говорил старец, — надо говорить: не хочется ли тебе какой похлебки или чего другого? А не следует говорить так: я тебе дам такую микстуру, что глаза выпучишь».

Незаметно и нечувствительно привлекал отец Антоний всех к сознанию душевных своих немощей. Так однажды некто покаялся перед ним в некоторых согрешениях, а о других умолчал. Отец Антоний не стал обличать неполноту покаяния, но, напротив, сказал кающемуся, что он своим покаянием порадовал ангелов на Небеси, и этими словами возбудил в этом человеке великое сокрушение и усердие к совершенному очищению совести. Никогда он не старался насильно убедить кого-нибудь; назидания свои предлагал не в виде заповеди, а более намеком или в виде дружелюбного совета; а если кто сделает возражение, то старец сейчас и замолчит. На вопросы посетителей своих почти никогда не отвечал прямо и даже избегал таких вопросов, через которые бы открыто возлагалось на него значение и ответственность наставника; а между тем искусно направлял общую беседу так, что в течение ее, говоря в третьем лице или рассказывая как будто про себя, он как бы мимоходом и обличал, и наставлял своих собеседников. Часто случалось, что только по выходе от старца посетитель, опомнясь, понимал, что какое-нибудь, как будто к слову сказанное, замечание прямо относилось к нему, к сокровенным его недоумениям и недостаткам, разрешало вопросы, которых старец не дал выговорить; а иному даже открывало и то, чего тот сам в себе прежде не замечал. Если кто некстати высказывал, что понимает мысль и намерение старца, то он тотчас заминал беседу и вел уже разговор о предметах житейских; вообще весьма боялся обнаружить духовные свои дарования и с очень немногими любил беседовать о предметах чисто духовных. Впрочем, с великою опытностию и мудростию умел различать, кому как говорить.

Общее правило отца Антония, равно как и всех духовных старцев, было такое, чтобы без вопроса никому не предлагать своих советов, считая это не только бесполезным, но и вредным празднословием. Вместе с тем отец Антоний зорко

следил за вопрошавшими: если кто предлагал вопросы не по душевной потребности, а из пытливости или подобных побуждений, в таком случае ничего не отвечал.

«Когда кого вопрошают, — говорил отец Антоний, — то по мере веры получают и пользу; кто приходит с малою верою, получает малую пользу, а кто с великою — великую. Случалось и мне вначале спрашивать старца, как бы искушая: “Что-то он на это скажет?” Ну уж и ответы такие выходили. А если положишь на сердце, что услышишь от старца ответ Бога Самого, то и Бог известит, и совсем человек другой станет, и услышишь чего не ожидаешь». Некоторым посетителям отец Антоний говорил об их обстоятельствах намеками, а людям простым, которые принимали его слова в простоте сердца и с верою, он говорил прямо и просто. Если же кто многолетним духовным отношением уже доказал свою искренность и преданность, тех он иногда даже вызывал на объяснение. Случалось, что кто-нибудь из духовных его детей, тревожимый помыслом, открывал о нем не в чине исповедания, а в простом разговоре, повествовательно; тогда старец сам возобновлял о том разговор и успокаивался лишь тогда, когда все было как следует исповедано, и в заключение говаривал: «Вот теперь-то хорошо; а то скорлупку покажешь, самого же зернышка не покажешь». Бывало и то, что он некоторым из относившихся к нему напоминал о случаях, о которых они не только никогда ему не открывали, но и сами забыли; или заповедовал молиться о каком-нибудь грехе, которого они не сознавали в себе и даже вовсе не понимали или не считали за грех, и уже по времени, при внимательном испытании своей жизни, открывали в себе с удивлением указанное старцем. Но так поступал старец с теми, чью искренность испытал, и когда ему было ясно, что они скрывают то или другое не по упорству или недостатку откровенности, а именно по неведению. В других же случаях

с необыкновенным терпением выжидал, пока сам человек придет в чувство и сознание; потому что тогда только духовное врачевание и бывает действительно. Также когда замечания, сделанные по отеческой любви и попечительности, почему-либо принимались не так, как следовало бы, то он уже воздерживался от подобных замечаний; и кого не имел возможности воспользовать словом, того старался привлечь к полезному втайне приносимую о нем молитвою.

Отец Антоний обладал даром какого-то естественного красноречия или даже сладкоречия: слово его всегда было растворено духовною солью; даже и в шутливой форме оно содержало высокое назидание и отличалось особенною меткостью и своеобразною выразительностью¹. Всеми чувствовалось, что в красноречии отца Антония крылась какая-то великая духовная сила; и сила эта заключалась, конечно, в том, что старец поучал не от книг, а от дел, что все слова его проистекали от искреннего доброжелательства к вопрошавшим его и всегда предварялись и сопровождались усердною молитвою о них ко Господу. Познакомившись с кем-нибудь, старец иногда как бы присматривался к нему, сначала говорил мало и только молился о нем. Но зато, когда наконец начинал говорить, его слово имело такую неотразимую силу, что иногда в течение одной беседы человек духовно перерождался. Люди с железным, непреклонным характером чувствовали, что упорство их сокрушалось, сердце их наполнялось какими-то новыми чувствами; и между тем как прежде во всю свою жизнь никому ни в чем не уступали, от слов отца Антония возгоралось в них желание ни в чем не следовать своей воле и своему разуму, но всю волю

¹ Родившись и воспитавшись в Ярославской губернии, отец Антоний и впоследствии не хотел изменить местному Ярославскому выговору (на «о»). Эта особенность приятно звучала в устах простодушного старца и придавала беседе его выразительность, так что и русская речь его принимала оттенок освященного церковного наречия. — *Примечание к изданию 1870 г.*

свою предать святому старцу. Под духовным влиянием отца Антония и по глубокой его отеческой заботливости люди, увлекавшиеся вольнодумством и светскою жизнью, делались искренними, ревностными и послушными чадами Святой Церкви; люди, предавшиеся суете и привыкшие к тому, чтобы все их причуды исполнялись, посвящали себя смиренной иноческой жизни; люди, потерянные в глазах общества и в собственных глазах, обращались к христианской жизни, отрекались мира и остаток дней своих посвящали Богу... Многие испытывали над собою духовную силу отца Антония; сначала были привлекаемы его любовью и снисходительностью, а потом незаметно переходили к тому, что и всю жизнь свою отдавали в его руки.

Отеческую снисходительность к человеческим немощам отец Антоний умел где следует соразмерять с благоразумною строгостию. Во-первых, относительно учения, и преданий, и заповедей Святой Православной Церкви и вообще относительно всего Божественного он был неумолимо строг. Если кто отступал от строгости понятий церковных, то хотя судить о нем отец Антоний уклонялся, но сам никогда не соглашался с тем, что противоречило учению Церкви во всей его чистоте и строгости; никто не мог убедить его дать благословение на отступление от канонических правил. Он повторял в подобных случаях слово: «Нам дана власть разрешать грехи, а не разрешать на грехи». Несомненно веруя всему, чему учит Церковь, и неуклонно соблюдая то, что она заповедует¹, он и от всех духовных детей своих требовал такой же несомненной веры и такого же послушания. На прекословия других отвечал молчанием или уклонялся от прений, отвечая на все возражения одно: «Так учит Церковь, так принято

¹ Бывши мирским человеком, отец Антоний однажды в Великий пост решил на рыбу, и это единственное во всю жизнь нарушение поста вспоминал всегда с раскаянием. — *Примечание к изданию 1870 г.*

Святою Церковию». Во-вторых, сам подавая высокий пример совершеннейшего послушания старшим, он и от тех, кто к нему относился, с большою строгостию требовал повиновения и почтения к родителям, и начальствующим, и духовным отцам, говоря, что к ним относится слово Господне: *Слушай вас, Мене слушает*¹.

Наконец, от тех, кто находился под его полным руководством, требовал и в отношении к себе точного послушания. Однажды сказавши, не любил изменять и даже повторять своего слова; при этом иногда указывал на изречение святого Григория Богослова: «Не безумными ли считаем тех, которые дважды об один и тот же камень спотыкаются?» Если кто-нибудь из его духовных детей, получивши заповедь, переспрашивал старца, то уже ответа не получал.² Для преданных его духовных детей не было строже наказания, как если старец скажет: «Как хотите». Если при этом лицо его, всегда приветливое, принимало строгий вид, то этого никто из них не мог вынести без тяжкой скорби. Вообще, кто отступал от полученного решения, тому старец умел давать почувствовать его вину и уже после слезного, искреннего раскаяния прощал и становился по-прежнему милостив и любвеобилен. Впрочем, он так поступал только с преданными духовными детьми. В других же случаях, если он в ком замечал недоверие к его словам, то, незаметно для них самих, умел уклоняться и предоставлял их собственной их воле, тяготу которой они сами должны были и понести; но и в таком случае старец не изменял ни своей любви к ним и благоволения,

¹ Лк. 10, 16.

² Эта черта была в его характере с детства. Когда ему было лет 14, ему поручили обучать грамоте маленькую его племянницу. Однажды мать его, слыша, что учение вдруг замолкло, входит и застаёт учителя насупившимся, а ученицу в слезах. На вопрос о причине слез маленькая отвечает, что она чего-то не знает, а дяденька не говорит. «Я сказал», — возразил он. — *Примечание к изданию 1870 г.*

ни даже благой о них мысли, стараясь и внутренне извинить их. Одного старец не мог вынести равнодушно — ропотливости, особенно по пустым причинам, и говаривал, что, по слову святого Исаака Сирина, и Сам Бог всякие немощи человеческие сносит, человека же всегда ропщущего не терпит и не оставляет без наказания (Слово 85). В беседах с такими людьми у благодушного старца вырывались иногда и резкие выражения, а после он готов был у духовных своих детей просить «милостивого прощения и разрешения». И вообще, если в чье-либо сердце вкрадывалось неудовольствие против отца Антония, то он не оправдывался, а часто просил прощения, говоря, что хотя совесть его ни в чем не обличает, но несть человек, иже поживет и не согрешит, что один Бог без греха и что святой апостол Павел о себе говорит: *Ничесоже бо в себе свем, но ни о сем оправдаюся, востязуяй же... Господь есть*¹.

От духовных своих детей и знакомых отец Антоний получал много писем и, несмотря на болезненное свое состояние, по возможности понуждался отвечать всем большею частию собственноручно. После его кончины собрано много его писем, и более, нежели сколько ожидали и те, которые близко его знали. Из них выбраны письма, содержащие общее назидание, и изданы в особой книге². Они отличаются теми же достоинствами, как и устные его беседы, тем же естественным красноречием и сладкоречием, тою

¹ 1 Кор. 4, 4.

² Впервые письма преподобного Антония были изданы в XIX в. (Письма игумена Антония : Письма к разным лицам игумена Антония, бывшего настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря. М. : Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1869). В 1996 г. Оптина пустынь выпустила репринтное издание писем игумена Антония. А в 2018 г. вышла книга: Антоний Оптинский, преподобный. Письма. Козельск : Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной пустыни. При подготовке этого издания была проведена архивная работа, в результате которой в текст внесены исправления и дополнения, в некоторых случаях установлены имена адресатов.

Возлюбленный о Господи Братъ и Благотѣлю мой
Евграфъ Мвановичъ!

Благословенъ, Милостивъ, Миръ, и Благо-
словенъ Господь Богъ, и Бжега нашего
Исуса Христа. Буди съ Тобя!

Любимое Писаніе Твое отъ 13го сего мѣ-
сяца писанное, я получилъ исправно; за которое Благо-
дарю Бога усердно, такъ же благодарю Бога за Соблазудо-
ваніе Ваше о братѣхъ моихъ, Благодарю Бога за предпо-
ложенное Благотѣльство къ Обителю, на паке всего
Благодарю Бога за продолженіе Любви Вашей къ малой
недостаточности, которуру и Спаситель нашъ одобряя гово-
ритъ: „осмысли размысли въ себѣ, яко манъ естѣ Истинна, а
иже Любовь и манетъ ману Любовь!“ но надобно Вспомнить иже
еще то въ Любовь бывающа по Богу, та такъ не дрема-
но Давидъ сгараетъ распорченъ Сетъ сей Святый
и посылаетъ кудаво-летѣтъ — когдо съ Длинной стороны я не-
надежно видѣть, а естли я по бездѣлн своему когдо опро-
кинухъ на Бога, то тогда Мученіе Бога ради и да крѣ-
пится сердце Твое: ибо я тѣлвѣкъ Яръ есмь и неурядливъ....

Заподумайте Вы о кончинѣ своего Сродни-
ка, Раба Божія Іакова, и прощите чтооу его глѣхны, по-
говору и дѣлали намя его въ церковниѣ Тѣлницѣ, по
которой и будите отъ отъ всего Братствѣа наше-
го востановитися на вѣхъ церковныхъ Службахъ и
на Псалтирканіи Истин; помните что онъ бывъ Яко-
вѣ молодой и предоброй — Сегого ради Благоугодно
Богви бѣвъ, возлюбленъ бжегъ, и живый посредъ Зрѣ-
ннкоу представлю бжегъ, воижецѣхъ бжегъ, да не Бже-
вѣка сего турманиста разжи его, или мѣстъ мѣрская тре-

же назидательностию и своеобразною выразительностию и силою. Слог их совершенно особенный, свойственный одному отцу Антонию. В них ясно отпечатались все высокие душевные свойства любвеобильного старца. Читая их, как будто слышишь самую его беседу. А потому, кто желает получить более полное понятие об отце Антонии, тому советуем мы прочесть самые письма; они дополняют скудость нашего очерка.

В дополнение к сказанному приведем из множества несколько примеров, свидетельствующих о силе назиданий отца Антония и о духовных его дарованиях. Однажды пришел к нему некто в великом горе, что единственного его сына, на которого он полагал всю надежду свою, исключили из учебного заведения. «Да молитесь ли вы о сыне?» — неожиданно спросил его старец. «Иногда молюсь, — отвечал тот, запинаясь, — а иногда не молюсь». — «Неприменно молитесь о сыне, усердно молитесь о нем; велика сила родительской молитвы о детях». По этому слову безутешный отец, который доселе не очень был усерден к молитве и к Церкви, от всей души стал прибегать ко Господу и молиться о сыне. И что же? Через несколько времени обстоятельства переменились, мальчик был принят в заведение и благополучно окончил в нем курс, к великому утешению отца, который во всю жизнь только это наставление и принял от отца Антония, но всегда с умилением об нем вспоминал и рассказывал, говоря, что одно это простое слово богомудрого старца доставило ему величайшую душевную пользу на всю его жизнь.

Посетили старца два помещика, из которых один уклонился в вольнодумство и в течение разговора выразил сомнение в истинности повествования о том, что святой Иоанн, архиепископ Новгородский, на бесе ездил во Иерусалим (см. Четы Миней 7 сентября). «Нельзя же верить таким вещам!» — «Да, в прежние времена святые разъезжали на бесе, а теперь

бес так и разъезжает на иных российских дворянах», — отвечал значительно старец и засмеялся с грустным чувством укора. Слова эти произвели почему-то такое впечатление на собеседника, что он вдруг присмирел, смутился и потом заплакал. Товарищ его тотчас удалился из комнаты, оставив их вдвоем. Предмет и ход разговора между старцем и этим господином неизвестен; но слезы на глазах того, кто пред сим говорил так вольно, показывали, что беседа между ними была и что сердце его отозвалось на беседу старца; и хотя вольно судивший господин и старался принять после обычный свой вид, но глаза его не осушались более часа.

Некто усомнился в истине свидетельства Барского¹, что в Иерусалиме на Пасху сходит с неба Благодатный огонь. «Если бы вы сами увидели, поверили ли бы вы?» — спросил отец Антоний. «Поверил бы». — «Ну так кому же мы должны больше верить: вам, которые не видали, или Барскому, который видел?»

Одна девица, прощаясь с старцем, шутя попросила его помолиться, чтобы Господь помог ей выйти замуж. «Да ведь вы не хотите идти замуж?» — сказал он ей. «Хочу», — настаивала она на своем. Через несколько времени, посетив старца, была встречена им такими словами: «Зачем вы меня всё обманываете? Я вам хотел даже писать». Когда та, забывши про свою шутку, которую она по светским понятиям считала невинною даже в разговоре с духовным мужем, в недоумении отвечала, что не помнит, чтобы обманывала его, отец Антоний напомнил ей о ее последней просьбе при прощании: «Я по вашему слову три раза принимался молиться

¹ Григорович-Барский Василий Григорьевич (в монашестве Василий) (1701—1747) — знаменитый русский паломник-пешеходец, «ступанием своим и пядию» измеривший значительную часть Европы, Азии и Африки. Обошел всю Палестину, Сирию и Аравию до горы Синайской и побывал в Египте. Главным его трудом стали путевые записки.

о том — и три раза слышал голос: “Не то ей нужно!” Зачем же вы меня обманываете?»

Другая особа, когда однажды отец Антоний устремил на нее испытующий пронизательный свой взор, чистосердечно объяснила ему, что она боится, когда он так на нее смотрит. «Вы видите все мои грехи», — прибавила она. «Напрасно вы так думаете, — возразил старец. — О чем я помолюсь и что Бог мне откроет, то я и знаю; а если Бог мне не откроет, то я ничего не знаю».

Однажды приходит к отцу Антонию встревоженный чиновник с просьбою: «Батюшка! Завтра я выхожу на дуэль; отслужите молебен, чтобы Бог защитил меня». — «Что вы, что вы! — отвечает старец. — Идете на дуэль, чтобы убить человека, и просите помощи от Бога. Опомнитесь, что вы говорите? Шестая заповедь говорит: не убей. Да и законом гражданским запрещены дуэли; а вы пришли еще ко мне, служителю алтаря, просить благословения на дуэль, на убийство! Мы молимся о мире, о прощении обид — так я прошу вас оставить это богопротивное дело и смириться. Если вас обидели, простите; а если вы обидели, просите прощения, — если угодно, и я за вас попрошу». И так при помощи Божией дело умиротворилось.

Случилось, что отец игумен в продолжение целого года не принимал одну духовную дочь, — для наказания или ради испытания, не знаем, но несомненно одно, что ради душевной пользы. По прошествии года присылает келейник сказать той особе, чтобы она в лесу набрала фиалок и принесла их к нему. Между тем был уже конец мая месяца, а фиалки в нашем месте цветут только в начале весны. С скорбью и недоумением пошла эта особа в лес, долго ходила и с трудом отыскала вместо фиалок несколько поблекших стебельков и понесла их к старцу. Старец вышел с строгим и недовольным выражением лица. «Когда дают какое-либо поручение, — сказал

он, — должно исполнять оное удовлетворительно». С тем и отпустил принесшую. С скорбию пошла она от него, но потом подумала: «Если старец велел, то, верно, это возможно, невозможного он не потребовал бы. Пойду опять в лес. За его святые молитвы не поможет ли Господь исполнить то, что приказано?» Едва вошла в лес, видит: на небольшой поляне множество свежих благоухающих фиалок. С радостью нарвавши огромный букет, поспешила опять к старцу, который на этот раз вышел с веселым приветливым лицом, принял фиалки, поблагодарил ее и потом сказал ей: «Вот видишь ли, какова сила святого послушания».

Некоторые лица, коротко знавшие отца игумена Антония, сообщили нам письменно свои о нем воспоминания, которые и помещаем здесь.

«Вскоре по поступлении моем в Оптину пустынь, — пишет И. Ан., — я за отсутствием старца моего батюшки отца Макария, по благословению отца архимандрита Моисея, стал ходить на откровение помыслов к отцу игумену Антонию. Я поспешил воспользоваться временем ученических моих к нему отношений и хотел однажды открыть ему всю свою жизнь или по крайней мере что поважнее. Обыкновенно, приходя к нему, я становился на колена и так стоя открывал помыслы и получал наставления. Но когда я положил в мысли открыть ему свою жизнь, то едва отворил дверь, он встретил меня сам, поспешно подошел; я наклонился, чтобы стать на колена, он подхватил меня и торопливо сказал: “Нет, уж не становитесь на колена-то, не становитесь, пожалуйста не становитесь; скоро сам старец воротится (то есть отец Макарий, которого и он называл по смирению старцем), ему объясните, ему объясните; он скоро приедет. Прощайте!” — и таким образом не дал мне не только исповедать ему историю всей моей жизни, но не принял на этот раз

и обыкновенного откровения помыслов, которое каждодневно прежде сего выслушивал охотно. Так я и вышел ни с чем».

«В один вечер, — так сообщает занимавшийся у отца Антония письмоводством послушник, — застал я старца за перевязкою его больных ног, на которые без содрогания и постороннему зрителю нельзя было смотреть. Сочувствуя старцу в его страданиях, сердце мое согревалось любовью к нему, и мыслил я так: вот старец и не предполагает совсем, и не знает, как я его сердечно люблю. Только что успел я это про себя подумать, он мне и говорит: “Вот я знаю, что П. П. очень меня любит”. И спрашивает меня: “Верно ли я это говорю?” На что я ему и отвечал: «Вы, батюшка, справедливо изволите говорить, что я вас очень сильно, сердечно люблю».

«Однажды, — пишет тот же послушник, — имел я неосторожность рассказать одному из отцов обители некоторый случай, свидетельствующий о прозорливости старца. Немного спустя он прислал за мною своего келейника, чтобы я к нему явился. По приходе моем увидел я старца, выходящего из дверей своей спальни в самом тревожном состоянии; лицо его бледно и выражало сильное волнение и гнев. “Вот что я тебе скажу, — сказал он, — если ты желаешь пользоваться моими советами, то прошу тебя, никому не передавай моих слов и разговоров с тобою, но храни их только в своем сердце”. Желая успокоить старца, я обещал в точности исполнить его заповедь, и он, благословивши меня, отпустил».

«Много раз, — пишет послушница К-го монастыря А., — случалось мне беседовать с отцом Антонием, но в особенности я любила слушать, как рассказывал он про свою пустынную жизнь; да и сам батюшка любил вспоминать об ней, всегда говоря, что никогда ему не бывало так хорошо, так отрадно, как в пустыне. Между тем жизнь пустынников была очень скудная. Жили в лесу, не имея ничего; а смолodu жили они в семье довольно роскошно. “Бывало, еще спишь, — скажет

батюшка, — а мать уже зовет: вставай, уже завтрак готов; и пойдет одно за другим, разные удовольствия”. А тут питались они одними огородными овощами, или лучше сказать, одною репою, потому что другого ничего и не росло; редко когда кто из помещиков пришлет хлеба, то его уже берегли как просфору, чтоб и крошка не пропала. Однажды, рассказывал старец, им пришлось встретить Пасху так скудно, что у них ничего не было, но они не упали духом. Отпели утреню; с иконами, какие у них были, обошли крестным ходом вокруг кельи, воспевая радостное “Христос воскрес” и утешаясь и радуясь о Господе душою. Когда же пришел час трапезы, то отец Моисей в похлебку из той же репы влил несколько маслица из лампы и благословил разговляться. Но этим Господь хотел испытать их терпение, потому что на другой же день от соседнего помещика была прислана им провизия.

Дивный старец! Кто может выразить всю его любовь, какую он имел к ближнему? Как он умел утешить, с какой бы скорбию кто ни приехал к нему! Что бы ни было на душе, все отлетало при его словах; даже, кажется, как только ступишь, бывало, на порог его келлии, как только взглянешь на это святое лицо, куда что денется. Он же и сам знал, кому что сказать и чем утешить, потому что имел дар прозорливости.

Однажды я пришла к нему смущаясь некоторыми помыслами и вообще с какою-то грустью на душе, но не объяснила об этом старцу, потому что была не одна с ним. Старец, провожая всех нас, положил свою руку на мое плечо и сказал: “Не грусти! Промысл Божий устроит все к лучшему, положишься на него”. И все отлетело; я почувствовала неизъяснимое спокойствие духа и не высказавши того, что хотела. Видимо, старец и сам узнал, что у меня на душе.

Еще раз я была поражена его прозорливостию. Была я у него с братом моим и сестрою; беседа началась и продолжалась о посторонних предметах, не интересных для меня.

Я пороптала сначала на брата, что он с таким старцем говорит о таких пустяках и мучит больного старца; но видя, что и батюшка не переменяет разговора, я осмелилась пороптать и на самого старца. “Что это? — помышляла я. — Батюшка ведь знает, что мы здесь ненадолго, хоть бы сказал что на пользу, а то что в этих беседах?” Когда мы стали прощаться, батюшка благословил всех; а когда я подошла и поклонилась ему, батюшка сказал: “Уже вы меня простите, ведь я всё не дело говорю”. Я была поражена этими словами, но он с ласкою прибавил: “Приходи ко мне после вечерни”. Да, много было случаев его прозорливости: иногда хочешь что спросить, да не знаешь как, а он сам, бывало, об этом и начнет и прямо скажет на невысказанные мысли».

Наконец предлагаем читателям нашим записки об отце игумене Антонии бывшего директора К-ой гимназии С. И. Я-го, почтенного и заслуженного 80-летнего ветерана, который при старом устройстве русского флота два раза совершил кругосветное плавание, несколько лет жил в Северо-Американских колониях с известным А. А. Барановым¹ и после всех тревожных мирских мирно оканчивает дни свои в одной монашеской обители. Отзывы такового многоопытного старца имеют особенную цену и значение.

«Когда я вышел в отставку, — говорит он, — в нашем имении не было дома и мы должны были жить в Калуге в наемной квартире. Хотя жили мы весьма ограниченно, но при нашем большом семействе нам недоставало на содержание одних доходов из имения и получаемой мною пенсии, так что мы входили в долги; а потому необходимо было выстроить

¹ Баранов Александр Андреевич (1747–1819) — купец, предприниматель. Первый главный правитель Российских поселений в Америке. Деятельность Баранова была направлена на исследование территорий, основание новых постоянных российских поселений, снабжение их продовольствием и всем необходимым для промысловой деятельности, налаживание обмена с коренными жителями.

дом в деревне. Поэтому я обратился к батюшке с просьбою: “Батюшка, благословите дом строить в деревне”. — “Извольте, — отвечал он, — Бог благословит”. — “Прошу и помолиться, чтоб Бог помог”. — “Буду и молиться”. Надо знать, что в это время денег у нас было всего только 400 рублей ассигнациями да заготовлено было 100 бревен. С такими скудными средствами я начал строить порядочный дом. Что ж? Через молитвы и благословение отца Антония Бог неожиданно, невообразимо посылал нам, так что в одно лето дом вчерне был отстроен и покрыт. На другое — настланы полы, поставлены печи, рамы, двери и прочее, и к осени мы уже могли перебраться в него и жить. По исчислении всего один дом, кроме надворного строения, стоил нам более 2000 рублей серебром, а со службами — более 3000 рублей серебром. Дом вышел теплый, покойный, поместительный и красивый. Видимо, что Господь помог нам за молитвы и благословение отца Антония.

В 1860 году пред сырною неделю я простудился и занемог в деревне тяжкою болезнию; у меня образовался на спине карбункул. Я исповедался, причастился Святых Таин. Из Калуги привезли доктора, который, осмотрев, велел немедленно везти меня в Калугу. Ужасно, что я претерпел в этом переезде по страшным ухабам, но, благодарение Богу, приехал. В это время наша соседка отправлялась в Оптину говеть. Я просил ее передать оптинским старцам о моей болезни и просить отца Моисея, отца Макария и отца Антония помолиться о моем выздоровлении. Все они приняли во мне живое участие, а отец Антоний прямо сказал: “Пусть молятся домашние; Бог милостив, он выздоровеет”. И, подлинно, Бог услышал его молитвы. Мне было за 70 лет, и такая тяжелая болезнь; доктора мало имели надежды, сделали операцию, и Господь по молитвам почтеннейшего отца Антония и за слезные мольбы семейства моего воздвиг, можно даже сказать воскресил, меня с смертного одра.

В 1863 году мы пожелали ехать на богомолье в Задонск и в Воронеж. В это время везде было очень беспокойно: жгли города, села, много было разбоев, даже дома помещиков грабили; недалеко от нас выжгли большое торговое село и несколько деревень. Опасно было оставить имение и дом. Я пишу к отцу Антонию: “Батюшка, благословите! Мы собрались на богомолье к святителю Тихону и в Воронеж, и помолитесь о помощи Божией благополучно съездить нам. Так как теперь опасное время: разбои, грабежи, жгут города и села, — то как вы посоветуете? Можно ли нам всем ехать и оставить дом и имение или одному остаться, и конечно мне? Он отвечал: “Поезжайте все. Сказано: *Ополчится ангел Господень окрест боящихся Его*¹. Оставьте кого понадежнее из людей и поручите все Богу, а сами поезжайте все. Бог милостив, будет все цело и благополучно”. И так, надеясь на его молитвы, мы отправились все: я, жена и четыре дочери, в своем экипаже, на своих четырех лошадках. С нами был наемный кучер, который иногда пил запоем. Помолясь Богу, мы выехали из деревни 2 сентября. В этот осенний месяц надо было ожидать дождей и грязи, но мы, по молитвам отца Антония, во все время пользовались прекрасною сухою погодою; было тепло, превосходно, лучше лета, потому что не так жарко. Так мы отлично съездили: и на богомолье все были, и воротились здоровы; и лошади ни одна не занемогла, повозка не ломалась и кучер был трезв и вел себя хорошо. По приезде дома нашли все цело, благополучно и в порядке. Вот как сильна молитва отца Антония!

Однажды я с дочерью и с сыном поехал в Оптину поговорить. Мы пробыли там Благовещение, — зимняя дорога уже портилась, и река едва держалась. В самое Благовещение после обедни мы зашли к батюшке, простились и получили благословение ехать. После обеда заложили лошадей, уложились; но поднялась страшная метель, как говорится,

¹ Пс. 33, 8.

света Божьего не видать — ехать было невозможно. Это крайне меня опечалило; тоска, грусть напала. Я пошел в особую комнату, упал на колена пред образом и со слезами молился так: “Господи! Я недостойн, чтобы Ты услышал меня; но ради молитв раба твоего отца Антония прекрати эту метель и дай нам возможность ехать”. Что ж? К величайшему моему удивлению и великой радости, снег стал тише, тише, и не успел я встать от молитвы, как метель прекратилась и мы тотчас поехали. Вскоре прояснело. Мы очень благополучно приехали в Калугу и далее в нашу деревню.

Объезжая училища, один раз ночью я ехал из Людинова завода на большую дорогу, в село Маклаки. Дорогою поднялась страшная метель и холод; места незнакомые, мы сбились с дороги и плутали; ни жилья, ни дороги не можем найти; дошли до отчаяния, оставалось замерзнуть. Я внутренне молился Богу, чтобы избавил от беды и указал мне путь ради молитв раба Своего отца Антония. Вдруг являются двое: я прошу их указать дорогу на село Маклаки и обещаю им награду. Один пошел с кучером, а другой остался около повозки, и мы потихоньку поехали. Последний все высматривал, что лежит в повозке. Подле меня лежал заряженный мушкетон и сабля, мушкетон я взял рукой. Так мы с час проехали. Потом они было поворотили лошадей вдруг в сторону, я велел кучеру сесть и править так, чтобы ветер дул с правой стороны. Тогда провожатые мои вдруг кинули меня и бежали. Оказалось после, что это были разбойники. Вскоре мы услышали лай собак и подъехали к огороже села Маклаков и, благодарение Богу, благополучно приехали на постоянный двор и ночевали. Там узнали, что в селе перед нами были разбойники и ограбили один дом. Так Господь, по молитвам отца Антония, послал воров указать мне дорогу. Много подобных случаев было со мною: ночью собьешься с дороги, помолишься умом к Господу, чтобы ради молитв отца Антония указал

путь, — и немедленно является помощь — или прохожий, или обоз наедет и укажут.

Один раз из деревни послан был человек в Калугу за покупками и привезти письма, газеты и 50 рублей серебряных денег. Это было осенью. На другой день вечером человек должен был воротиться; но к вечеру пошел дождь, ветер; наступила ужасная темнота, дорога скверная, мостики плохи; человека нет — я очень тревожился. Пробыло 8 часов, вот и 9, дождь все больше; лошадь слабая и человек не совсем надежный; вот 11 часов ночи, все легли спать, а я стал на молитву, со слезами прошу милосердного Бога, чтобы ради молитв отца Антония помог благополучно возвратиться человеку. Верители? Честью заверяю: кладу только третий поклон, как слышу, что в передней отворяется дверь; беру свечу, выхожу — и какая радость и удивление! Человек промокший возвратился благополучно и привез всё не повредивши. Слезы благодарности у меня показались на глазах. Подобных случаев было несколько со мною, что по молитвам отца Антония я получал скорую помощь.

Дочь моя девица Е. очень долго была больна — простудилась, открылся кашель, лекарства не помогали; она исхудала, едва ходила, начиналась чахотка. Мы просили отца Антония помолиться об ней; он обещал, и с тех пор она видимо стала выздоравливать. Бог воскресил ее, она выздоровела совершенно и теперь здорова.

Вот еще случай. Мы жили в деревне очень тихо и почти уединенно; но часто были в нужде и в затруднительном положении. Один раз я очень грустил; такая напала печаль и от недостатков, и от наветов даже от близких, что я угнетен был великою скорбью. Вдруг неожиданно получаю письмо от почтеннейшего отца Антония, который пишет: “Прочитайте вот такое-то житие — и Бог успокоит вас!” Это меня очень удивило. Как он за сто верст узнал скорь мою и о

чем я грустил? Потому что это житие именно соответствовало моей печали и обстоятельствам, и я поистине был утешен и успокоен. Прочитавши его, я получил великую надежду на помощь Божию. Утеши его, Господи, там, в будущей жизни, как он меня здесь утешил. А как он был гостеприимен и радушен! Когда приедем в Оптину и придем к нему, угощает нас чаем и при его болезни сам иногда подает и просит покушать, потчует всем, что ему подарят; сам не кушает, а все распотчует. Нальет в стаканы бутылочного меду, угощает нас и говорит: “Кушайте! Это питье холодное, но от согретого любовию сердца”. Подлинно, какое вкусное, приятное у него было это питье и чай такой вкусный за его благословением.

Когда три мои дочери пожелали идти в монастырь, то сказали об этом отцу Антонию и просили его, чтобы он за них попросил моего соизволения. Когда же он передал мне желание моих дочерей, это меня несколько смутило. Я говорю: “Батюшка, как же мы с женою на старости без подмоги останемся?” Он отвечал: “У вас останется еще одна дочь и сын”. Я возражал, что состояние наше весьма ограниченное, я не могу им давать более 200 рублей серебром в год на все их содержание; а этого им недостаточно. “Об этом не беспокойтесь, — сказал он, — Бог пошлет, лишь бы было доброе произволение”. И подлинно, его слова сбываются. Бог невидимо помог и все устроил. Вскоре открылся случай купить им поместительную, удобную, почти новую келлию. Когда позволили им одеться в монашеское платье, которое нужно было пошить на свой счет, и еще должно было внести вклад в монастырь, в это время денег у нас не было; мы находились в тесных обстоятельствах. Я давно уже публиковал к продаже все свое имение и особо одну небольшую отдельную пустошь в 22 десятины, но из покупателей никто не являлся. А тут, к великому нашему удивлению, по молитвам отца Антония приехали в Калугу из Тульской губернии

за 130 верст торговать одну эту маленькую пустошь. В газетах опубликовано было: “Адресоваться в Калугу к сыну нашему такому-то”. На этот раз сын уехал по делам в Рязанскую и Воронежскую губернии; следовательно, эта барыня, не заставши нашего сына, воротилась бы назад и продажа не состоялась бы. Но смотрением Божиим случилось так, что я с женою поехал в это время в Калугу, чтобы отслужить молебен и приложиться к чудотворной Калужской иконе Божией Матери, которая в это время принесена была в Калугу. И, чудное дело, мы с этою покущицею приехали в Калугу в один день; а на другой день она явилась к нам с предложением. Я повез ее показать пустошь, пустошь ей очень понравилась, даже наклон и положение земли, все соответствовало ее желанию. Дело тотчас уладилось; покущица дала почти ту цену, которой я желал. Таким образом мы внесли вклад в монастырь, одели детей и еще удовлетворили кое-каким нуждам. Как они теперь счастливы, что Господь избавил их от мира, и еще тем, что не оставляет их!

По молитвам отца Антония мы хорошо, удобно и мирно разошлись и расквитались с крестьянами; они пошли на выкуп. По его молитвам мы наконец продали все наше имение и имели возможность уплатить все наши огромные долги, до 15 000 рублей серебром, и еще осталось довольно детям. Это великая для меня радость, что я уплатил все мои долги и умру спокойно, никому не должен. Надо знать, что имение наше давно опубликовано было к продаже и цена назначена была 20 000 рублей серебром; но из покупателей никто не являлся. Наконец один предлагал нам 18 000 рублей серебром, притом половину выкупными свидетельствами, а частью в долг. Мы теряли 2000 рублей серебром; нам было невыгодно, однако я и на это соглашался, но покупатель отказался. О продаже имения я сказал отцу Антонию. Он мне говорит: “Вы немного уступите, и если дадут 15 000 рублей серебром

деньгами, а не в долг, то вы уступите, согласитесь”. Я говорю: “Хорошо; хоть и дешево, но нам необходимо продать”. Случилось так, что в самый день кончины отца Антония, 7 августа, явился к нам покупатель имения, с которым мы сошлись, и как ни бились, чтобы взять дороже, но должны были согласиться и уступили за 15 000 рублей серебром; за ту самую сумму, которая назначена была от отца Антония.

Однажды пред праздником Святой Пасхи я писал к отцу игумену Антонию: “Известные вам мои соседки А. и В. очень больны безнадежно: первая больна два года — рак на груди, и уже тело на этом месте сгнило, так что видны кости. Другая также опасно больна; доктора не надеются на ее выздоровление, а у нее семь человек малолетних детей: помолитесь за них Богу. Он отвечал, что первая своею болезнью очистится от грехов, что надо ей потерпеть и не роптать; а вторую Бог помилует ради детей. Действительно, первая поболела и скончалась прекрасною христианскою кончиною; а вторая, сверх ожидания докторов, стала поправляться, — и странное дело, что в самый день, как писал письмо отец Антоний, ей стало лучше, и потом поправилась и выезжала. Но в настоящее время она опять больна. Видно, так Господу Богу угодно и так нужно.

По благословению и по молитвам отца Антония Господь привел меня для покаяния в святую обитель. Из многих случаев можно было видеть, что отец Антоний имел дар прозорливости. Несколько раз случалось со мною, что я думаю о чем-нибудь сказать ему и просить его совета, но он сам, узнавши мои мысли, предупредит меня: “Вы хотите то сделать или о том-то спросить?” — и прямо выскажет все, что я думал, и даст совет. Когда, бывало, отъезжаем домой, при прощанье он всегда одарит все семейство разными вещами: кому образок, кому подсвечничек, кому книжечку — или что-нибудь всякому даст на память; потом благословит

и проводит, иногда сойдет с крыльца и с больными ногами провожает нас до калитки и все благословляет; иногда появлялись у него на глазах слезы, так он любил нас! В последний раз мы посетили его больного на смертном одре в конце июля; а 1 августа после Божественной литургии мы в последний раз простились с ним, простились навеки. Как он ни был тяжело болен, но принял нас с великою любовью, несколько разговаривал; сел на постели, каждого из семейства благословил; которых не было — вспомнил всех и заочно благословил; каждому дал по образку. Наконец мы со слезами расстались с ним, и он заплакал. Ангел, благодетель наш! Да внидет он в радость Господа своего! Единому Богу слава во веки. Аминь».

Наконец, считаем погрешительным умолчать об одном замечательном случае из жизни отца Антония, в котором ясно обнаружилась и сила его молитвы, а также и то, каким нападениям со стороны врагов рода человеческого подвергаются духовные люди за свое попечение о душевном спасении ближних.

Благочестивая девица Р. (ныне послушница Т-ской девичьей обители) подверглась такому же искушению, как некогда святая мученица Иустина, то есть преследованию одного человека, который, видя, что все его усилия возбудить в ней к себе взаимность остаются тщетными, обратился к чародею и с его помощью стал наводить волхвования на нее. Предупрежденная о сем чрез верную служанку, начиная ощущать в себе действие вражеской силы, эта девица, кроме Бога, нигде не могла искать себе помощи, потому что не имела знакомства с лицами духовной жизни. В одну ночь вышеупомянутая служанка видит сон, что монах высокого роста, вошедши в комнату ее барышни, изводит ее в монашеской одежде. Вскоре после сего сна родные этой девицы, никогда не принимавшие монахов в своем доме, неожиданно выразили желание познакомиться с отцом игуменом Антонием.

А вечером того же дня, по особенному устроению Промысла Божия, и сам отец Антоний, без приглашения, посетил это семейство, хотя прежде не был с ним знаком. Это посещение очень важно. В нем ясно выказались и Промысл Божий о сем семействе, и явное действие бесов, бессознательно многими ныне отвергаемое, и духовная сила самого отца Антония. Вот что заподлинно о сем известно. При вступлении в дом целая толпа бесов видимо напала на отца Антония, с бранью и угрозами воспрещая ему вход; но старец не убоился угрозы врагов рода человеческого, со смирением призвал в помощь имя Божие, и Бог разогнал их. Когда он вошел, всеми было замечено, что мертвенная бледность покрывала лицо его. Служанка же, увидавши его, узнала, что именно его видела во сне. Девушка Р. с первого взгляда почувствовала к отцу Антонию полное духовное расположение и доверие и решилась письменно открыть ему историю всей своей жизни. Старец понял, что одно спасение для этой девушки — удалиться в монастырь, но об этом родные ее и слышать не хотели; уговаривать же их отец Антоний находил невозможным и бесполезным, а потому только молился об избавлении девушки Р. от окружавших ее сетей вражиих и письмами своими укреплял ее в томлении от невидимой силы бесов, наведенных на нее чародеем. Чрез несколько времени отец Антоний посоветовал всему этому семейству отправиться в N монастырь, где должно было совершиться пострижение в монашество некоторых лиц. Предложение это было принято, и, за молитвы отца Антония, обряд пострижения произвел такое глубокое впечатление на мать девушки Р., что при выходе из церкви она неожиданно объявила свое согласие на вступление ее в монастырь. Девушка Р. с великою радостью и благодарением Бога поспешила воспользоваться дозволением матери и вступила в Т-ской монастырь, где и доныне находится. Однако чародей хвалился, что и из обители вытащит

Преподобный Антоний Оптинский. Портрет работы иеросхимонаха
Гавриила (Спасского). 1854 год. Холст, масло.
Церковно-археологический кабинет Московской духовной академии

ее. Действительно, юная послушница продолжала ощущать в себе действие вражеской силы, не имея покоя ни днем, ни ночью; и опять находила подкрепление в молитвах и советах отца игумена Антония. Совершенное же избавление от томительного вражеского искушения юная страдалница получила чрез молитвенное содействие великого современного святителя, имя коего благоговейно почитается во всех концах России и за пределами ее, — ныне почившего Московского митрополита Филарета. Однажды он явился в сонном видении девице Р., прочел 60-й псалом, велел ей повторять вслед за ним все стихи одного и потом дал ей заповедь ежедневно читать этот псалом. Проснувшись, она почувствовала, что искушение, томившее ее в продолжение многих лет, совершенно отошло от нее.

Знаем, что этот рассказ некоторым читателям покажется невероятным. Но не находим ли мы множество подобных случаев в повествованиях о житиях святых, которые Святой Церковью приняты за истинные? Притом достоверность нашего рассказа, записанного в точности со слов самой девицы Р., подтверждается собственноручными к ней письмами отца игумена Антония, которые были нам сообщены в подлиннике и которые напечатаны в собрании писем отца игумена Антония¹. Вот собственные слова отца Антония из его письма от 2 октября 18** года: «Когда же пришел час воли Божией быть мне у вас, то вначале целую толпу бесов встретил я, с бранью воспрещавших вход, но Господь разогнал их; и хотя я сам многогрешен есмь и несмь достоин спасать других, но Господь Бог, по велицей милости Своей к вам, избрал меня, недостойного, орудием к тому быть, чтобы поспешить ко изведению вас из глубокой пропасти (что было предварительно открыто во сне служанке вашей), и когда

¹ См.: Антоний Оптинский, преподобный. Письма. С. 363–368. Письма 297–299.

бы отсрочили исход ваш еще до году и более, то Бог весть, чего бы не встретили? Мне история ваша последних двух лет пребывания вашего в родительском доме столь много и ясно раскрыта, что без сердечного содрогания вообразить не могу! Не зная прежде оной, не напрасно советовал я вам молиться святой мученице Иустине-девице, ибо тогдашнее положение ваше много было похоже на ее, о чем недавно я узнал и от всей души благодарил Бога со слезами, что святая душа ваша избавился от сети ловащих ее!»¹

В заключение расскажем об одной достойной ученице отца игумена Антония, которая Промыслом Божиим была послана как бы во утешение старцу за все его труды о спасении ближних и примером своим показала, как сильно было влияние отца Антония на духовных его детей и какие плоды приносило его руководство, если принималось с верою. Девица из высшего светского круга, Екатерина Александровна П[оливанова]², еще с молодых лет почувствовала в себе призвание от Господа к духовной жизни и взирала на все земное как на временное пустое зрелище; но, не находя поддержки такому своему душевному настроению, как бы поневоле принимала участие в жизни и обычаях того общества, среди которого возросла, и провела немало лет в Петербурге в обычной светской рассеянности и в шуме празднующих³, как о ней впоследствии выразился отец Антоний. Познакомившись со старцем, она с горячею верою предалась духовному его руководству, под влиянием которого добрые ее природные качества получили надлежащее направление. Божие призвание к благочестивой жизни сильнее

¹ Антоний Оптинский, преподобный. Письма. С. 367—368. Письмо 299.

² Монахиня Евфросиния (Поливанова; † 29 августа 1859). Дворянка, петербурженка, дочь полковника. Погребена на некрополе Оптиной пустыни на новом монастырском кладбище за оградой монастыря, близ стены храма Всех святых, который был построен на ее средства. После закрытия обители храм был полностью разрушен, в настоящее время почти восстановлен.

³ См.: Пс. 41, 5.

заговорило и превозмогло над кратковременным увлечением мирскою суетою, и вскоре в ней созрела решимость удалиться от света и приблизиться к Богу уединением и воздержанием, строгим хранением целомудрия и молитвою. Родственные связи не позволяли Екатерине Александровне совершенно оставить мир; но она и среди мирской суеты проводила благочестивую жизнь и находила себе духовное утешение в посещениях Оптиной пустыни, где проживала на гостинице. Вкратце можно об ней сказать: каков был старец, такова была и ученица. Усердие к молитве и к церковной службе имела примерное. Прежде, когда жила в Петербурге, она ранее 10 часов не вставала, теперь же она в час пополуночи всегда уже была одетою, и, как ударят в колокол к утрени, она спешила в церковь, чтобы прежде начала поспеть на молитву. И вообще, благовест, призывающий к какой бы то ни было церковной службе, заставлял ее всегда готовою идти в храм или уже на пути. Духовное же ее расположение к старцу росло, как она сама выражалась, не по дням, а по часам, и наконец достигла она такого блаженного состояния, что сделалась истую послушницею отца игумена Антония: помнила только Церковь Божию и старца. Внимая единственно себе и душевному своему спасению, заботилась об одном — чтобы исполнить все его заповеди и ни в чем их не нарушить; остальное все как будто для нее не существовало.

Обучая ее послушанию, отец Антоний иногда отсекал некоторые и по-видимому благие желания ее. Так, величайшим утешением для Екатерины Александровны было видеть старца и беседовать с ним; а отец Антоний в одно время, в бытность ее в Оптиной, благословил ей приходить к нему только однажды в неделю; в другие же дни ей было дозволено принимать благословение в церкви, и только. Это было самое тяжкое и чувствительное испытание для Екатерины Александровны. Иногда она не могла удержать себя и искала

случая приходить к старцу и в другие дни; но сама сознавалась, что тогда лишалась спокойствия и на нее нападала мучительная тоскливость и скука. Когда же в точности исполняла заповедь старца, тогда ощущала в душе своей усладительную тишину и спокойствие. Такова сила послушания!

Святые отцы называют отсечение своей воли кратчайшим путем ко спасению; и многие делатели блаженного послушания, как преподобный Досифей, в короткое время достигнув высокой меры духовного возраста, совершали свое земное течение. Так и Екатерина Александровна, не более 4 лет имевши духовного отношения к отцу игумену Антонию, скончалась 30 лет, и блаженная, необыкновенная ее кончина показала всем, в какое короткое время и в какое высокое преуспеяние человек приходит евангельским путем послушания своему духовному отцу.

Предлагаем здесь выписки из писем отца Антония, в которых он описывает последние дни и назидательную кончину Екатерины Александровны.

«С весны и все лето Екатерина Александровна, как свечка, горела и каждый день таяла, то есть оскудевала в силах. Любимый разговор ее был всегда о переходе в вечность. Ежедневно готовилась к смерти своей, как некая невеста к брачному венцу, с светлым лицом и радостным сердцем. Июля 27-го¹ была особорована святым елеем, и после того чрез каждые два дня приобщалась Святых Христовых Таин, или даже чрез день, а последнюю неделю ежедневно. Со дня особорования ее ежедневно ее под руки водили ко мне, потом на стуле носили, а потом уже я ежедневно ходил к ней на гостиницу по два и по три раза в день.

¹ За месяц до кончины, несмотря на свою болезнь, Екатерина Александровна пожелала, чтобы таинство Елеосвящения совершено было над нею в церкви. Тогда же келейно приняла пострижение в монашеский образ. — *Примечание к изданию 1870 г.*

После облечения Екатерины Александровны во ангельский образ, поздравляя с оным, я спрашивал ее при посещениях: “Како, сестро, имя твое во ангельском чине?” Она отвечала: “Многогрешная монахиня Евфросиния”. Я вторично ее спрошу: “Что же означает новое имя твое?” И она ответит мне: “Веселие и радость”. И я ей на сие скажу: “Дай тебе, Господи, вечное веселие и радость со святыми в Небесном Царствии”. И она с радостным лицом благодарила меня всегда: “Ах, как я вам много благодарна за святое имя сие!” Каковое вопрошение, по ее желанию, ежедневно повторялось до кончины ее. Со дня особорования свытым елеем она была как бы переродившеюся; ко всем дышало сердце ее любовью, всех жалела, у всех прощения испрашивала и лично, и заочно, со всеми сделалась дружна и до самой кончины своей находилась в молитвенном настроении души, ни на минуту не выпускающая из рук четок. В последнюю неделю ее жизни я спросил ее: как она молится? Она ответила мне: вот так — “Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! Пресвятая Богородице, Царица Небесная, Матушка моя, возьми меня к Себе! Святой Архангел Михаил, святой Архангел Гавриил, святой Архангел Рафаил, возьмите душу мою! Святителю Николае, великий угодник Божий, сохрани душу мою!”

Подобным сему образом и других многих святых призывала она в молитве своей на помощь при исходе души: каковая истинно детская молитва ее чувствительна была для меня. Прежде кончины все свое раздавала, говоря: как я в мир сей родилась, ничего не имея, так и от мира отходя, желаю, чтобы ничего не было у меня. А раздавши все, с радостью говорила: вот и я теперь ничего у себя не имею, кроме единой надежды на спасение Божие!.. Она искренно желала все свое оставить мне, но я, чтобы не опечалить ее, согласился на немногое и то употребил на поминовение ее души.

За две недели до кончины был уже у ней и гроб приготовлен, а за два дня до смерти просила меня, чтобы ее живую вынести в церковь, чтобы там ей умереть; но я отказался это сделать. Отходный канон раз восемь или десять был читан над нею, и окончание оного дочитывала она сама и говорила: “Возлюбленные отцы мои, и братья, и сестры, и все знаеми! Помяните мою любовь и дружбу и молитесь Христа всех Бога милостиву быти ко мне в час кончины моей и по кончине”. Между тем она ежедневно исповедовалась и у всех мысленно прощения просила; и я каждый вечер окроплял ее святою богоявленскою водою и прощался с нею.

Скончалась она на праздник Усекновения главы честного славного пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, после бдения в самую полночь, в первом часу¹. За полчаса до кончины попросила засветить свечи у всех образов в гостинной келлии своей и начала радоваться, говоря: “Как теперь весело на моей душе, будто праздник какой!” Потом вскоре почувствовала внутренние спазмы, которые и прекратили ее дыхание. Три дня во гробе была похожа не на умершую, а на спящую деву, нисколько не изменившуюся в лице, только что не говорящую; и когда я, прочитавши над нею разрешительную молитву, стал ее влагать ей в руки, то заметил их мягкими, а не окостенелыми. Истинно, дивен Бог не точию во святых Своих, но дивен Он и в наши времена среди нас, недостойных и грешных!.. Благоговей к блаженно скончавшейся, хотя и много я об ней написал, но всего высказать о последних днях ее нелегко.

Теперь я посещаю ее ежедневно и бываю у ней по часу и более, любясь на ее усыпальницу², которая несравненно

¹ Отцу игумену Антонию сначала было несколько прискорбно, что Екатерина Александровна скончалась ночью, а не днем. Но когда он об этом объяснил отцу архимандриту Моисею, тот его успокоил и утешил словами: «Ну что же? Ведь сказано: “Се Жених грядет в полунощи”». — *Примечание к изданию 1870 г.*

² Над склепом монахини Евфросинии (Поливановой) вблизи храма Всех святых вскоре после ее кончины была построена деревянная часовня

Храм Всех святых на Новом кладбище Оптиной пустыни, построен в 1861–1864 годах на средства монахини Евфросинии (Поливановой).

Фотография. Начало XX века. *Архив Оптиной пустыни.*

Храм разрушен в советское время. Сейчас практически восстановлен

лучше той келлии, в которой она у нас жила. Ибо имеет два больших светлых окна и украшена многими иконами, а пред гробом ее на стене изображено Положение во гроб Спасителя, то есть плащаница, пред которой и лампада горит неугасимая, и я молюсь о ней, когда с радостью, а когда с печалию. Даровал бы и мне Господь Бог кончину христианскую, непостыдную и сколько-нибудь похожую на блаженную кончину благочестивой монахини Евфросинии». Вот как поведал сам отец Антоний о кончине достойной своей ученицы, кончине, свидетельствовавшей о блаженной загробной ее участи¹.

Таковы были труды отца игумена Антония о духовном окормлении и спасении ближних; и таковы плоды этих трудов в тех, кто неуклонно следовал его наставлениям!

Мы видели, что отец Антоний, заботясь и трудясь о душевной пользе посетителей обители, вместе с тем умел поставить себя по отношению к ним в смиренное положение частного человека, избегая всякого внешнего значения. Еще более заботился о том, чтобы в самой обители среди братства занять самое смиренное положение. Назидательно и трогательно было видеть, как маститый старец с глубоким детским благоговением и искреннею любовью относился к старшему брату, отцу архимандриту Моисею, как к своему духовному

в византийском стиле, как об этом пишет архимандрит Леонид (Кавелин). Часовня и храм, как и другие постройки монастыря, были разрушены в богоборческое время, исчезли все памятники. На кладбище Всех святых в советский период стояли дачные постройки с огородами, но склеп благочестивой монахини, несмотря ни на что, сохранился невредимым, что иначе как чудом и не назовешь. Склеп и фундамент часовни обнаружены в сентябре 2004 г.

¹ «Екатерина Александровна молится за всех нас, — так писал отец игумен Антоний спустя год после ее кончины родной ее сестре, — ибо жива душа ее. Некоторые из числа братьев наших, а также и из посторонних лиц видали сестрицу вашу во сне в приятном виде. И я на светлый день Пасхи видел ее во сне как наяву, во святом храме во время службы, в необыкновенной одежде златотканой, с распущенными волосами, с золотым кадилом в руках, кадящую всех. Кадило с фимиамом означает молитвы, приносимые ею ко Господу за всех. Вот какова ныне ваша возлюбленная Катенька, которая и об нашем спасении молится ныне Богу!». — *Примечание к изданию 1870 г.*

отцу и начальнику и смирялся пред ним, как последний послушник. Приходя к нему, никогда без приглашения не входил во внутренние кельи, а, стоя в передней, дожидался, пока отец архимандрит его заметит и позовет; также, вошедши, не садился, а перемогался на больных ногах, пока не велит ему сесть. При других, в присутствии отца архимандрита, хранил глубокое молчание, разве только вкратце и вполголоса сделает кому приветствие; когда нужно было, почтительно объяснял что следовало и все слова отца архимандрита принимал беспрекословно, как волю Божию. И все это делал он не по принуждению, а от сердца и с искреннею любовью. Отец архимандрит же, с своей стороны, искренно уважал своего брата и часто имел с ним, особенно в последние годы, духовный совет и даже, говоря с другими, смирял себя перед отцом Антонием, выражаясь так: «Он настоящий монах, а я не монах!» Но вместе с тем, как муж духовный и мудрый, не забывал слов святого Иоанна Лествичника, что и самому себе, и подвижнику вредит тот душевный приставник, который никогда не предоставляет ему случаев получать венцы, каковые, по его усмотрению, он терпением заслуживать может; то есть он не мешал отцу Антонию смиряться и обращался с ним как с послушником. Многие этого не постигали, но отец архимандрит знал, чего жаждала душа отца Антония.

В отношении к братству отец Антоний не только воздавал всем должную честь, но по своему обыкновению почитал всех паче меры, всем оказывал приветливость и искреннюю любовь. Всем была известна всецелая его преданность отцу архимандриту Моисею и совершенное единодушие их, и, несмотря на это, если кто-либо имел скорбь или неудовольствие на настоятеля, все не обинуясь ходили к отцу Антонию искать у него утешения и просить его помощи и содействия. Отец Антоний, по глубокому своему смирению считая себя, как сказано, чужим и посторонним человеком

Вид настоятельских келлий Оптиной пустыни. Фотография.
Конец XIX — начало XX века. *Калужский областной краеведческий музей*

в обители, никогда не входил в монастырские дела, не дерзал настоятелю, без вопрошения его, предложить какой-либо совет или ходатайствовать о ком-нибудь; но как себя самого, так и всё без рассуждения предоставлял его распоряжению. Поэтому, если кто-нибудь из братий приходил с какою-либо жалобою или просьбою, отец Антоний старался только оказать ему привет, успокоить его и склонить к миру; но желаний его не передавал настоятелю. Однако, с другой стороны, если кто в доверенной беседе открывал тайные свои помыслы, немощи и намерения, то и об этом отец Антоний умалчивал, не передавал и не предостерегал настоятеля, рассудив, что это, по собственному его выражению, «диавольская должность», — а предоставлял все суду Божию. Таким образом, братия были всегда довольны отцом Антонием и, видя искреннее его к себе участие, уходили от него утешенные

и успокоенные; и между тем никогда ничего неприятного чрез него не выходило. Уклонением своим от вмешательства в дела обительские, так же как и обращением с братьями и лицами посторонними, отец Антоний подавал высокий пример смирения, которое привлекало к нему сердца всех. «Вот, — говорил старец, — меня очень многие любят, — а за что, я и сам не знаю и очень тому удивляюсь. Считают меня за святого, тогда как этот святой совсем протух и грешнее всех». А иной раз выражался так: «У меня нет недоброжелателей, я всех люблю, и все меня любят». Действительно, не было человека в обители, который при одном виде отца Антония не ощущал бы особенного утешения; все от мала до велика воздавали ему должную дань почтения и любви. Почивший в 1860 году старец иеросхимонах отец Макарий имел с ним духовное содружество, и назидательно было видеть, как они друг перед другом смирялись, друг друга больше честью творяще.

В 1839 году отец Макарий по назначении его скитоначальником на место отца Антония писал между прочим ему так: «Помолитесь, батюшка, о мне, хотя бы сотую долю я мог подражать вам в вашем с нами пребывании. Не по моему достоинству имя ношу, а делами чужд». В другом письме отец Макарий называет (и всегда искренно признавал) отца Антония «и по сану, и по разуму старшим и мудрейшим себя». Отец Антоний, в свою очередь, искренно признавал превосходство над собою старца отца Макария. В 1860 году, по кончине отца Макария, описывая в письме к одному общему знакомому его кончину и погребение, заключил следующими словами: «И вот я живу на свете 66-й год, но таких духовно-торжественных похорон не видывал, какие были совершены отцу Макарию. Истинно слово Божие: Аз прославляющих Мя прославлю¹. И как старец сей в жизни своей всех любил, так и по кончине многих на гроб свой собрал. Не знаю, мы, нищие

¹ См.: 1 Цар. 2, 30.

от дел благих, будем ли удостоены толико великой молитвенной памяти о себе, какой сподобился блаженный старец наш отец Макарий, которого святая душа во благих водворяется»¹.

В обращении с келейными братьями и приближенными отец Антоний отличался теми же свойствами, какие являл во всей своей жизни. Даже и в простом распоряжении выражался так: «Кажется, надо бы сделать то и то»; и когда его однажды спросили, зачем он не говорит просто: «Сделай то», он возражал, что таково его обыкновение и что переменить себя не может.

Поселившись на покой, отец Антоний решился ни от кого не принимать денег в свою пользу и редко отступал от этого правила, то есть принимал только книги или приношение для покупки книг. Не отказывался также, если ему приносили свечи и масло для лампадки, так как он по непрерывной болезни своей часто не мог выходить во святой храм к Божией службе и прочитывал ее в своей келлии, а для сего засвечал свечи перед святыми иконами. Иногда, когда желал помочь кому-либо в крайней нужде, просил на это денег у приближенных лиц. За исключением же этих случаев деньги, присылаемые по почте, отдавал настоятелю. Если во время тяжелой болезни на свои безотлагательные потребности от преданных ему людей и соглашался что-нибудь принять, то при этом часто убеждал их принять обратно половину или хоть часть жертвуемой суммы; также всех, кто желал подарить старцу что-либо потребное для келлии, он всегда уговаривал умерять свои приношения и получаемое раздавал опять другим. Так, из меньшей братии в обители почти не было именинника, который бы не приходил принять благословение отца игумена Антония, и при этом все что-либо получали (а многим и сам посылал): платочек, книжечку или другое что-нибудь — и по несколько чаю и сахара, так что

¹ Антоний Оптинский, преподобный. Письма. С. 169. Письмо 139.

Преподобные Антоний, Моисей и Макарий Оптинские.

Литография по рисунку П.Ф. Бореля.

Конец 1850-х — начало 1860-х годов. *Архив Оптиной пустыни*

случалось, что старец, раздавши все, сам оставался без чая. Именины же каждого помнил очень точно, и если встретится с именинником, будь то мальчик или новоначальный, непременно сделает ему приветствие и поздравит его. Так до последних мелочей он был внимателен к другим и всем, малым и великим, оказывал искреннюю любовь.

Двенадцать лет продолжалось пребывание отца игумена Антония на покое, и достопамятное было то время, когда Оптина пустынь украшалась тремя богомудрыми старцами — отцом архимандритом Моисеем, отцом игуменом Антонием и старцем отцом Макарием. Из них отцу игумену Антонию пришлось пережить других. В 1860 году скончался старец отец Макарий; а в 1862 году свершил свое течение отец архимандрит Моисей, после которого Господь еще на три года продлил дни утружденного болезнью отца игумена Антония.

Глава VI

Последние годы и кончина

Кончина отца архимандрита Моисея глубоко отозвалась в сердце и в жизни отца игумена Антония. Тут во всей полноте обнаружилось для всех, какую сильную, нежную любовь он питал к старшему брату при строжайшем наружном послушании. Скорбь его была невыразима. В продолжение целого года он, сколько возможно было, уклонялся от людей и уединение свое посвящал непрестанному молитвенному воспоминанию о брате; в продолжение же первых сорока дней он совершенно уединился, почти никого не принимал и постоянно читал Псалтирь по новопреставленному. Он говорил так: «За многую его ко мне любовь и платить ему нечем мне, кроме молитвы, которую услыши, Господи!» Если же кто-либо в беседе с отцом игуменом упоминал об усопшем, то одно имя его вызывало обильные слезы, так что разговор должен был прекращаться. Несколько раз предлагали отцу игумену Антонию, чтобы он, как близкий свидетель всех духовных подвигов отца архимандрита и как сотаинник его, составил записки о его жизни или дозволил кому-нибудь с его слов записать, что ему о нем известно, но старец отказывался исполнить эту просьбу по той причине, что, как сказано, никогда не мог вспоминать о почившем без сердечного

Настоятель Оптинской пустыни
иеромонахъ Хрисохинакъ
МОИСЕЙ.

Скончался 16-го Июня 1862 г.

Въспитанъ Св. Синодомъ 1-го 1862 г. Дядя, Архим. Московск.

Печ. въ Лит. А. И. Прокофьева.

Преподобный Моисей Оптинский. Литография. 1869 год.
Российская государственная библиотека

сожаления и без слез, которые не давали ему возможности продолжать беседу. Таким образом, известную ему одному тайну о сокровенной духовной жизни отца архимандрита Моисея отец Антоний никому не поведал и унес с собою в могилу, исполняя и в этом, может быть, волю почившего, то есть не желая и по кончине его обнаружить то, что он при жизни своей так тщательно скрывал от всех.

Некоторым лицам отец игумен открыл, что духовное общение его с братом и по кончине его не прерывалось. Он постоянно ощущал около себя его присутствие и близость; души их таинственно беседовали между собою, и почти не проходило дня, чтобы почивший во сне не являлся отцу Антонию. Некоторые из сновидений были весьма замечательны. Отец архимандрит и с того света духовно утешал и подкреплял брата и подавал ему свое решение в некоторых недоуменных случаях, касавшихся как его самого, так и других.

Назначение преемника отцу архимандриту Моисею отца Исаакия¹, бывшего в то время младшим иеромонахом Оптиной пустыни и по особенному устроению и указанию Промысла Божия избранного ей в настоятели, подало новый случай смиренномудрию отца

Преподобный Исаакий
(Антимонов).
Фотография. Конец 1860-х —
1870-е годы. Российская
государственная библиотека

¹ Схиархимандрит Исаакий (Антимонов; 1810—1894), преподобный. Из потомственных почетных граждан города Курска; купеческого сословия. Поступил в Оптину пустынь в 1847 г. Клиросный в скиту, повар, пекарь. С 19 июня 1862 г. исправлял должность настоятеля. Избран братией монастыря и 19 июля 1862 г. утвержден настоятелем со званием строителя.

игумена Антония обнаружиться во всей его глубине. Невзирая на разность в годах, невзирая на благоговение, которое новый настоятель всегда питал и оказывал ему, как великому духовному мужу, маститый старец и перед молодым начальником смирялся, как последний послушник. Привыкши жить не по своей воле, ходил к нему благословляться идти к службе и тому подобное, по прежнему смирению выжидал, стоя в настоятельской передней, пока его заметят, и вообще оказывал ему глубокое почтение, как старшему лицу, и никакие просьбы самого настоятеля не могли побудить его изменить такое свое обращение с ним. А когда отец Исаакий, по чувству сердечного уважения, кланялся ему в землю, то и старец, несмотря на болезнь ног, воздавал ему земное поклонение и таким образом понудил его оставить земные поклоны. Однажды в двенадесятый праздник новый строитель, зная, что отец игумен Антоний придет в трапезу, поставил стул его рядом с своим настоятельским. Увидавши это, крайне болящий ногами и утомленный продолжительною службою старец смиренно подошел и упросил настоятеля, чтобы он позволил ему во время братской трапезы почитать с кафедры поучение, как бывало и при покойном отце архимандрите; и таким образом отклонил от себя честь сидеть рядом с настоятелем обители. В монастырские дела входить отец игумен теперь еще более прежнего избегал; и даже когда строитель обращался к нему за советом, он всячески уклонялся от сего и старался только утешить, успокоить, ободрить его в новых его заботах и трудах и часто во укрепление и назидание его рассказывал о том, как и он испытал тяжесть настоятельского креста в Малоярославецком монастыре.

В 1863 году отец игумен Антоний, во исполнение давнишнего своего желания поклониться новоявленному святителю Тихону Задонскому, предпринял путешествие к многоцелебным его святым мощам, был и в Воронеже у святых

Собор Владимирской иконы Божией Матери Задонского
Богородицкого монастыря. Открытка. Конец XIX — начало XX века.
Архив Оптиной пустыни

мощей святителя Митрофана, а на пути посетил некоторые иноческие обители, а также и несколько преданных ему семейств. Везде святолепного старца принимали с невыразимою радостью и восторгом, все старались успокоить его, утружденного и летами, и болезнию, и путем. Везде от избытка усердия воздавались ему великие почести, которые он принимал с глубоким смирением, и в письме к одному приближенному лицу тогдашнее душевное свое настроение выразил в следующих словах: *«Высокою честью, оказываемою мне, не вознесся сердце мое, ниже вознесостся очи мои, ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене¹;* но в духе смирения себя зрел недостойным никакой чести, которая подобает только Единому Господу Богу»². Блажен, кто от искренности сердца может так говорить!

Совершив, не без великого труда, эту последнюю свою поездку и возвратясь в обитель, отец игумен все более и более стал уединяться и готовиться к исходу, говоря всем, что жизнь его длится еще только ради молитв молящихся.

Между тем с самой кончины отца архимандрита старца не оставляла мысль о принятии великой схимы; но по глубокому своему смирению он считал еще нужным испытать свою готовность к принятию оной. Испытывал себя год, другой, и только в конце третьего года вполне созрела в нем эта мысль, и 9 марта 1865 года, когда старцу исполнилось ровно 70 лет, он привел ее в исполнение, с благословения епархиального архиерея. По болезни старца пострижение совершенно келейно настоятелем обители отцом игуменом Исаакием.

Новопостриженный схимонах-игумен прекратил прием мирских лиц, а братию монастырскую стал принимать изредка и на короткое время, и весь предался молитвенным

¹ Пс. 130, 1.

² Антоний Оптинский, преподобный. Письма. С. 400. Письмо 309.

подвигам и богомыслию. Видевшие его в это время никогда не забудут, как благолепен был вид старца, успокоившегося в безмолвном уединении от бесед, которыми давно тяготился. От всегдашнего пребывания в молитве и преизобилия духовного утешения самое лицо его просветлело и сияло высокою радостью. Вообще, по принятии великого ангельского образа все замечали в нем много нового — видимо, благодать в нем усугубилась. Так, его всегда занимала мысль о смерти; но прежде он вспоминал о ней с трепетом и страхом, часто устрашал самого себя размышлением о возможности скоропостижной смерти. И когда приближенные с удивлением спрашивали его: неужели он еще боится смерти? — то он отвечал, что они сами не понимают, чему удивляются; что отсутствие подобного страха указывает только на великую бесчувственность душевную. Теперь же в нем проявилась особенная какая-то сила духа, и мысль о смерти он встречал не только с спокойствием, но и с великою радостью. Духом он отрешился от всего земного, и было заметно, что ему было извещение о близости его кончины. Хотя и прежде всегда любил говорить о смерти, но теперь многим уже положительно и ясно объявлял, что приближается его исход. Так, некоторым лицам, посетившим его в 1864 году, прямо предсказал, что они более его уже не увидят, а другим тут же объявил, что с ними однажды еще увидится перед смертью, что всё в точности и сбылось. В ноябре 1864 года он написал собственною своею рукою одной духовной своей дочери, как надо молиться за новопреставленного своего духовного отца.¹ Вообще из всего расположения его жизни, от принятия

¹ Молитва эта следующая: «Призри благосердием, всепетая Богородица, на душу усопшаго раба Твоего zde лежащаго новопреставленного (*имярек*), и моли Сына Твоего и Бога нашего грехов юности и неведения его не помянути, и святыми Твоими и всесильными молитвами сподоби его со святыми в вечной славе царствовать; ибо Ты еси спасение рода христианскаго и Тебе дана благодать молиться о сем!». — *Примечание к изданию 1870 г.*

схимы до незначительных подробностей, было ясно видно, что старец положительно готовится к исходу. Еще с начала 1865 года перестал выписывать книги и отказывался от предлагаемых, говоря, что ему теперь уже ничего не нужно. Одному из духовных своих детей поручил написать крупными буквами: «Не теряй времени!» — и записку сию прикрепит над многоболезненным одром своим для всегдашнего напоминания как другим, желавшим еще воспользоваться его наставлениями, так и самому себе. И действительно он не терял времени. «Ведь я теперь новонаачальный», — говорил он. Стал труды прилагать к трудам и подвизаться, как бы молодой и здоровый человек.

От непомерных подвигов болезненность его и телесные страдания все более и более усиливались. Несмотря на это, он продолжал до последней возможности ходить в церковь. Часто служащий ему брат, видя, что старец при крайнем изнеможении собирался к обедне или ко всенощной, старался удерживать его; но он смиренно отвечал: «Ну уж прости Бога ради!» — и все-таки отправлялся в храм Божий, опираясь на палку, с трудом переступая с ноги на ногу и стеля от боли.

24 июня, в скитский праздник Рождества Предтечи, отец игумен понудил себя утешить скитян присутствием своим в их храме, где слушал литургию. Но это посещение старцем любимого им скита было уже последнее, он все более и более стал изнемогать; и 7 июля, накануне празднества Казанской иконе Божией Матери, открылась во всей силе предсмертная болезнь его, которая состояла из припадков тифозной горячки, происшедшей от закрытия застарелых цинготных язв на ногах и значительного расстройства органов пищеварения, и продолжалась ровно месяц. Одной из духовных дочерей отца игумена, посетившей его 7 июля, он дал понять очень ясно, что начинавшаяся его болезнь должна окончиться смертию; и когда от этих слов его она не могла удержать слез

своих, он, взглянув на нее выразительно, улыбнулся и сказал: «Что делать? Хоть жаль, а надо батьку на погост нести».

Телесные страдания отца Антония были весьма тяжкие. По слову Господню: *претерпевый... до конца, той спасется*¹ — не довольно было отцу Антонию в продолжение 49-летней монашеской жизни своей понести бесчисленные труды, вольные и невольные, но и в последние свои дни подбало ему испытать чашу мучительного телесного томления для получения вящих небесных наград. «Не благоволил есть Бог, — говорит преподобный Исаак Сирин, — да упокоятся возлюбленнии Его, дондеже суть в телеси, но паче восхоте быти тем, донележе суть в мире сем, в скорби, в тяготе, в трудах и недуге, и сердца сокрушении, и теле преутруждение. И слово Господне сбывается на них, глаголющее: яко в мире скорбь имети будете², но о Мне возрадуетесь (Слово 36)». От внутреннего жара больной лишен был отрады сна, и только на короткое время мог он по временам забыться; также и пищи почти вовсе не вкушал, разве изредка отведывал понемногу чего-либо или утолял жар, от которого горела вся его внутренность, немногими глотками холодной воды. Однако все эти страдания свои переносил не только с неимоверною силою духовною, мужеством и покорностию воле Божией, но и среди предсмертного томления более заботился о других, нежели о себе. Болезнь требовала, чтобы старец пребывал в спокойствии; а он, не обращая внимания на докторские увещания, до последней возможности принимал всех посещавших, никем не тяготился, сам задерживал их, пока скажет все нужное; а за некоторыми из преданных ему лиц сам даже посылал, чтобы объявить им последнюю свою волю касательно чего-либо, разрешить какое-либо тяготившее их недоумение и тому подобное. Старец, побеждаемый любовью,

¹ Мф. 24, 13.

² См.: Ин. 16, 33.

которой он уже не мог сдерживать, не заботясь уже о сокрытии дара прозорливости и о своих страданиях, всем спешил высказать свое завещание, свое последнее слово на пользу. Читая как бы в душе каждого, говорил то, что было для него самое нужное; в немногих словах обнимал всю жизнь, все главнейшие душевные потребности каждого и преподавал всем наставления, исполненные такой духовной силы, что они проникали в самую глубину сердца и неизгладимо напечатлевались в нем. Кто сподобился видеть и слышать старца в эти последние его дни, те поймут сказанное нами; другим же мы не в состоянии передать скудным нашим словом той высокой благодатной силы, которою преисполнены были предсмертные увещания старца. Особенно он старался во всех возбуждать бодрость духа, оживлять надежду на милосердие Божие. Дня за три до его кончины пришла одна духовная его дочь, которая, видя его тяжкие страдания, изнемогала от скорби и душевно, и телесно, а потом еще тревожилась мыслию, не оскорбила ли она когда чем старца, вопрошать же его о чем-либо уже более не решалась. Когда она вошла к нему принять его благословение, то умирающий старец взял ее за руку и торжественным голосом, как бы в ответ на ее мысли, сказал: «Будь совершенно покойна, ни о чем не думай! Вручаю тебя покрову и заступлению Царицы Небесной; Ей тебя вручаю».

Когда старец совершенно ослабевал, он на время прекращал прием посетителей или молча благословлял их.¹ В последние дни благословлял всех образками (коих роздано более 1000), приговаривая: «Примите от умирающего на вечную память». Некоторым просившим его помолиться о них и по исходе, он отвечал просто и утвердительно: «хорошо» или

¹ Один брат, слыша, что старец со всеми беседует, подумал: пойду и я потолковать. Старец, приняв его, прямо отвечал ему на его помысл: «Бог тебя благословит! А потолковать не могу, ослабел». — *Примечание к изданию 1870 г.*

«помолюсь». А однажды посетившему его скитскому старцу на просьбу его о том же он смиренно отвечал: «Помолитесь вы, чтобы получить мне дерзновение пред Господом». Но сказал это так спокойно и благонадежно, что нельзя было сомневаться, что уже имеет просимое. В другой раз он отвечал ему же: «Не искушение ли это со мною? Другие перед смертью имеют страхования и боязнь, а я — грешный человек, но страха не имею, нисколько не боюсь; напротив, ощущаю какую-то радость и спокойствие и ожидаю исхода своего как великого праздника». Хотя старец по глубокому своему смирению не доверял своему спокойствию и, как человек духовный, до последней минуты опасался и ожидал искушения от козней вражеских; но этими словами, этою твердою надеждою на милосердие Божие он невольно обнаружил, какой высокой меры духовного возраста он достиг. «Не может, — говорит преподобный Исаак Сирин в 75-м Слове, — не может человек стяжати надежду к Богу, аще не прежде совершил есть волю Его по части; надежда бо, яже к Богу, и мужество сердца от свидетельства совести раждаются, и истинным свидетельством мысли нашея, еже к Богу упование имамы. Свидетельство же мысли бывает, внегда ни в чесом осуждаться кому от совести, яко вознерадел есть о должном по силе своей; аще ли же сердце наше не осуждает нас, дерзновение к Богу имамы¹. Дерзновение убо от исправлений добродетели и добрыя совести прибывает». Слова эти теперь сбывались над отцом игуменом Антонием. С юности до глубокой старости, понудив себя не только по силам своим, но и сверх своих сил поработать Господу, он теперь, среди предсмертных страданий, несомненным упованием на милость Божию и других укреплял и утешал, и сам утешался.

Наступило наконец неизбежное при разлучении души с телом томление, которое отчасти зависело от непрестанной

¹ См.: 1 Ин. 3, 21.

молвы, в которой по любви к ближним находился умирающий старец, всегдашний любитель безмолвия и молитвенного пребывания, отчасти же происходило от усиливавшихся телесных страданий. Но и в самые тяжкие минуты он сохранял полное самообладание; и не было в нем заметно ни малейшего следа нетерпения или чего подобного.¹ По желанию окружающих он не отвергал врачебных пособий, но прямо высказывал, что не надеется получить от них пользу. Духовное же врачевство умирающий принимал с великою радостью. Особороваться старец рассудил, когда телесные силы еще не совсем оставили его, — 21 июля (за 17 дней до кончины). Приобщался же Святых Таин в последнее время ежедневно. Кроме ежедневного приобщения умирающий искал себе отрады в непрестанной молитве, а также, особенно в последние дни, в кроплении святою богоявленскою водою; просил, чтобы окропляли его самого, одр и все его келлии, с произношением стихов 9—14 псалма 50 (от слов: *Окропиши мя иссопом...* до слов: *Духом Владычним утверди мя*). И когда в точности исполнялась его просьба, видимо утешался и несколько раз восклицал: «О, как нужно это кропление! Какая в нем благодать Божия!» Когда страдания очень усиливались, духовные дети старца, бывшие при нем, читали по его заповеди, из составленного им рукописного сборника²,

¹ В начале болезни отец игумен видел во сне отца архимандрита, который, напомнив ему о своей лютой предсмертной болезни, увещевал и его с мужеством претерпеть до конца, дабы получить от Господа великую милость. — *Примечание к изданию 1870 г.*

² Будучи всегда занят мыслью о смерти, отец игумен составил еще в 1863 г. «Сборник некоторых молений о тяжко и неисцельно болящих отцах и братьях наших, с каноном на исход души и с панихидою и молитвами о новопреставленном». Кроме известных канонов из печатных церковных книг в состав этого сборника вошли некоторые неизданные молитвословия из рукописного сборника, принадлежащего Флорищевой пустыни, и другие. Прилагаем здесь вышеупомянутую молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Заступи, спаси, помилуй и сохрани, Боже, Твоею благодатию душу раба Твоего, брата нашего (или отца) инока (или священника) (*имярек*), и грехов юности и неведения его не помяни, и даруй ему кончину христианску, непостыдну и мирну, и да не узрит

особенную молитву о тяжело болящем и преставляющемся отце, и замечено было, что за усердные молитвы молящихся страдания каждый раз облегчались. Когда больной был еще в силах, он часто и сам певал: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная». Видимо, со дня на день он ожидал смерти. Хотя и среди предсмертного томления он непостижимым для других образом понуждал себя оказывать всем обычную свою приветливость и внимание и до последней минуты заботился, как бы кого чем не огорчить; но уже духом отрешился от всего и от всех и сердце его уже не трогалось скорбью ближних по нем. Предаваясь всецело воле Божией, еще с начала болезни не имел желания, чтобы жизнь его продлилась. «Желал бы я разлучиться и со Христом быть, но, видно, еще нет на сие воли Божией», — повторял он несколько раз со слезами. С удивительным спокойствием делал он сам распоряжения касательно своего погребения. За неделю до кончины велел отложить в особое назначенное им место схиму и все одеяние, в котором желал быть похороненным. «Тогда засуетятся, пожалуй, не то наденут», — заметил он. Дня за два велел положить на столике свечи, ладан и кадильницу — для отпевания своего, чтобы всё было готово и под рукою. Уже когда совсем ослабевал, вспомнил о брате, который сделал ему гроб, подозвал находившихся в келлии и сам выбрал, что ему послать в благословение и утешение, сказав: «Это тому брату, что мне *дом* делал». Вообще все келейные вещи заблаговременно раздал на память. Один брат попросил себе какой-то вещи, которая была уже назначена другому лицу. Старец, объяснив, что все уже роздано, присовокупил следующие слова: «Я ничего не жалею, и всех желал

душа его мрачного взора лукавых демонов, но да примут ю ангели Твои светлии и пресветлии, и на Страшном Суде Твоем милостив ему буди: ибо Твое есть, Единого Господа, еже миловати и спасати нас». Сию молитву глаголати 12 раз, и 12 поклонов или елико кто возможет. — *Примечание к изданию 1870 г.*

бы утешить, и, если бы можно было, самого себя растерзал бы и раздал бы всем по кусочку». В другой раз, говоря об отсутствующих своих детях, он, простирая свои руки, сказал: «Так бы всех собрал и обнял разом».

Преосвященнейшему Григорию, сердечно любимому епархиальному архиерею, отец игумен оставил на память одну из своих келейных икон.

Высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому Филарету поручил передать от себя четки; а полученную им в благословение от сего благоговейно им чтимого старца-архипастыря за несколько месяцев до кончины небольшую икону преподобного Сергия¹ во все время болезни своей носил на груди.

В последние дни старец уже не говорил ничего и никого почти не принимал. Ежедневно читался канон на исход души. 6 августа, по окончании литургии и трапезы, братия собрались в келлиях умирающего, пропели тропарь и кондак Святому Преображению Господню, потом настоятель обители прочел канон на исход души; после чего все присутствовавшие принимали последнее благословение и прощение отходящего старца, который до последней минуты всех утешал, кого кротким словом, кого пожатием руки, кого приветливым взором, и каждому давал понять, что узнает его.

Наступило 7 августа — суббота, последний день жизни многострадального отца игумена Антония, который более и более сосредоточивался в ожидании последней минуты.

¹ Икону эту привез отцу игумену Антонию в марте 1865 г. один бывший в Москве оптинский монах, запечатанную в бумаге самим митрополитом Филаретом. Отец игумен, принимая ее, перекрестился, благоговейно приложился к ней и не развертывая спросил: «Это икона преподобного Сергия?» Привезший сказал, что не знает. Когда отец игумен развернул, оказалось, что это действительно была икона преподобного Сергия, облеченного в схиму. Так как отец Антоний сам незадолго пред тем принял схиму, то это удивило его. «Вы говорили Его Высокопреосвященству, что я принял схиму?» — спросил он подавшего ему икону. Но тот сознался, что забыл сказать об этом владыке митрополиту. — *Примечание к изданию 1870 г.*

Исполняя в точности апостольскую заповедь: *облецытеся во вся оружия Божия... да возможете противитися в день лют¹*, неоднократно просил, чтобы на него надели полное облачение великого ангельского образа; но когда по слабости его не могли сего исполнить и только сверху наложили на него схиму, то он и этим успокоился. Наступил вечер, началось уже воскресное бдение; вдруг умирающий потребовал, чтобы к нему пригласили настоятеля, и когда тот пришел, то объявив, что умирает, просил его благословения: как истый послушник, он и в последний путь не хотел отправиться без благословения настоятельского. Исполняя беспрекословно волю умирающего старца и чтобы успокоить его, отец игумен Исаакий благословил его и простился с ним уже навеки. Потом старец велел трижды ударить в колокол; но как в монастырях обыкновенно таким троекратным ударением в колокол возвещают уже о последовавшей кончине чьей-либо, то желание его показалось необычным — возвестить о его кончине, когда он находился еще в живых. Но в вышеупомянутом Сборнике, по последовании при самом исходе души от тела, сказано: «Абие... ударяют в кампан трижды или множае... во еже вестно быти братиям о тогда *преставляющемся* брате больном, яко да молятся о нем Богу, сице глаголюще (следует вышеприведенная молитва)». Согласно с этим указанием старец в полном сознании желал возвестить всем заблаговременно о наступающей кончине своей. Потом попросил прочесть канон «при исходе души» (каковой помещен в вышеупомянутом рукописанном Сборнике) и сотворил начало сам, сказав слабым голосом, но отчетливо: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь». По прочтении канона умирающий несколько времени молча лежал, но вдруг он грозно взглянул в левую сторону и поднял даже руку, сжав ее. Должно

¹ Еф. 6, 11; 13.

полагать, что духовным очам его представилось какое-то видение, — какое именно, было сокрыто от присутствовавших, но у всех сердце затрепетало от какого-то непостижимого страха¹. Ближе других стоял у одра один из духовников обители с крестом в руках, наклонившись к самому лицу умирающего в ожидании последнего его вздоха. От грозного взгляда и движения старца он вздрогнул и трепетно опустил руку с крестом; но потом, ободрившись, поднял руку и трижды осенил крестом отходящего подвижника. Тот успокоился, тихо и мирно дважды вздохнул и с третьим едва заметным воздыханием мирно предал чистую свою душу в руки Божии.

Простирая смирение свое за пределы сей жизни, отец игумен Антоний еще за несколько дней до кончины своей выразил, что не желает быть погребенным не только в церкви, но и в ограде монастырской, и место погребения назначил себе на новом кладбище, где похоронена была его духовная дочь, вышеупомянутая мать Евфросиния, и где на сумму, пожертвованную ею, была воздвигнута усыпальница, а потом и кладбищенская церковь. Когда старца просили изменить это назначение ради других, так как там было бы для всех затруднительно служить по нем панихиды; то он на это возразил: «Да стою ли я, чтобы по мне служили панихиды?» Не желая ослушаться старца, но и затрудняясь исполнить его волю, настоятель обители по кончине отца игумена Антония

¹ См. в «Достопамятных сказаниях о подвижничестве блаженных и святых отцов» о предсмертных видениях, бывших преподобному Иосифу Панефосскому и авве Сисою. Когда авва Иосиф Панефосский был при смерти и у него сидели старцы, то, смотря на дверь, увидел диавола, сидевшего у двери. Подозвав ученика своего, авва сказал: «Поддай мне палку; он думает, что я стар и не могу одолеть его». Как скоро авва взял палку, старцы увидели, что диавол, как собака, прокрался чрез дверь и исчез.

Рассказывали об авве Сисое: пришедши в Климус, сделался он болен, и, когда сидел с учеником своим в келье, вот послышался стук в двери. Старец, поняв дело, говорит ученику своему Аврааму: «Скажи тому, кто стучал: Сисой на горе, Сисой и на рогоже». Стучавший, услышав сие, исчез. — *Примечание к изданию 1870 г.*

Вид Козельской Введенской Оптиной пустыни в 1887 году
с северо-западной стороны. Хромолитография. 1888 год.
Архив Оптиной пустыни

отнесся за разрешением своего сомнения к епархиальному владыке, который и повелел: похоронить игумена схимонаха Антония в Казанском соборе, в Воздвиженском приделе, рядом с похороненным там же архимандритом Моисеем, чтобы братья, в продолжение жизни своей вместе подвизавшиеся, и по смерти своей покоились вместе.

Во исполнение воли преосвященного, принятой всем оптинским братством с великою радостью, потребовалось сломать погребальный склеп, в котором покоились останки отца архимандрита Моисея.

Погребение совершено 10 августа при огромном стечении усердствовавших отдать последний долг отцу игумену Антонию, и над его могилою много, много было пролито теплых слез сердечной горести о разлуке со смиренномудрым и любвеобильным отцом, который в продолжение 49-летней

подвижнической жизни жил не для себя, а для Бога и для других и, почив о Господе, оставил по себе высоконазидательное воспоминание. Он всю свою жизнь доказал, что и в наше время истинное монашество возможно и заповеди Христовы тяжки не суть; что и в наше слабое себялюбивое и маловерное время возможны великие суровые подвиги, подобные тем, о которых читаем в Четьих Минеях и в Патериках; возможны и искреннее совершенное смирение, и искренняя совершенная христианская любовь ко всем, возможны и те высокие духовные дарования, которыми сияли древние святые отцы; ибо *Иисус Христос вчера и днесь тойже, и во веки*¹.

¹ Евр. 13, 8.

Часть II

Келейная записка игумена Антония

для памяти о минувшем своем житье-бытье
младенческом и отроческом,
то есть когда и в каком месте родился,
и кто были его родители и предки,
и где учился и чему учился,
и прочее, и прочее

Господи, благослови!

Родился я, недостойный, Ярославской губернии в городе Романове, 1795 года марта 9-го дня, на память Четыредесяти великомучеников, пострадавших в Севастии, на четвертой неделе Великого поста в пяток, во время литургии Преждеосвященной, от православных и благочестивых родителей купеческого звания Ивана Григорьевича и Анны Ивановны Путиловых. По рождении святое имя наречено мне Александр, в честь святого священномученика Александра, Папы Римского, празднуемого марта 16-го числа. Крещение Святое совершено было надо мною иереем Георгием во святом храме Казанской Божией Матери¹; восприемниками моими от Святого Крещения были — родной брат мой Кирилл Иванович и родная сестра девица Анисия Ивановна.

¹ Храм Казанской иконы Божией Матери в городе Романове (ныне Тулаеве) находится на берегу Волги. Построен в 1758 г.

Келейная записка Игумена
Антонія для памяти о мину-
вшемъ своемъ житѣ-бытѣ мла-
деческомъ и строгескомъ, т. е.
когда и въ какой мѣстѣ родил-
ся, и кто были его Родители,
и предки, и гдѣ учился и гдѣ
учился. и прог. и прог.

Гдѣ вѣрослові

Родился я недостойный Промисловскій Губерніи,
въ Городѣ Промисловѣ, 1795го года, Мертца
9го дня, ни гдѣмъ Тѣмъ-де-то Велико-
музениковъ, поступивши въ Севастію,
къ Тѣмъ-де-то Нѣтъ-ли великаго поста въ мѣстѣ,
въ вѣмъ Мѣстѣ-де-то Промисловскій, отъ
Промисловыхъ и Промисловыхъ Родите-
лей Мѣстѣ-де-то Промисловыхъ и Промисловыхъ.
По рожденіи Святѣ-де-то Промисловыхъ.
Александръ — въ Тѣмъ-де-то Св. Свещенно-музеника

Келейная записка игумена Антония. 1864 год. Автограф.
Российская государственная библиотека

До рождения моего родительница чувствовала во все время чревоношения болезнь; так и родила меня весьма больным.

Но прежде, чем о себе самом, напишу несколько строчек или страничек для памяти своей о благочестивых родителях своих, которые, как сказал я, были из купеческого звания города Серпухова Московской губернии по фамилии Путиловы; а предки мои, то есть деды и прадеды, были монастырские крестьяне того же Серпуховского уезда, принадлежавшие Высотскому монастырю, и хотя были люди честные, но весьма скудные. Родитель мой родился в Высотской подмонастырной слободе 1752 года в январе месяце, и имя ему наречено Иоанн, во имя Вселенского великого учителя и святителя Иоанна Златоустого, празднуемого 27 января. А родительница моя родилась в той же Высотской слободе 1751 года в декабре месяце и старше была родителя моего на полтора месяца. Имя ей от родителя ее наречено Анна, в честь зачатия святой праведной Анны, празднуемого декабря в 9-й день.

Родитель мой после отца своего остался сиротою 10-ти лет от роду, имея на своем попечении старшую противу его двумя годами сестру Екатерину, и брата младшего Стефана, и мать свою, вдову. Грамоте не много поучился он безденежно, ибо заплатить было нечем, в Высотском монастыре у слепого старца иеродиакона Иоилия; а писать учился самоучкою уже в зрелых летах, на свободе от дел или между делом урывками. И вскоре после смерти отца отдан был матерью своею на полотняную фабрику к фабриканту Кишкину в работники — разматывать пряжу, по 3 деньги в неделю, или по полупенге в день. И хотя плата эта самая ничтожная, но тогдашняя и полупенга имела ценность и равнялась с нынешними двумя или тремя копейками; и в то время все припасы и продукты имели неимоверную дешевизну, и деньги в то время считали не рублями, а алтынами. Но, вместе с тем, родитель мой

тогдашнею скудостию во всем стеснен был до зела; и в один праздничный день вышел в загородную подмонастырную рощу, и тамо, уединясь, размышлял о своем горьком сиротстве и скудости и беспомощности, и долго плакал, и молился Господу Богу со слезами, и просил Его о помощи, заступлении, вразумлении и утешении. И после таковой слезной и смиренной молитвы, по рассказу его, он тогдашний жребий свой сиротский стал переносить благодущнее, уповая на милость Божию. И, проработавши на полотняной фабрике за скудную плату год или полтора, перешел в услужение по питейным сборам, при которых и находился в разных местах по самую кончину свою, проходя постепенно все степени оной и получая, по мере успехов, жалованья более и более. А сначала поступил для навыку в оной бесплатно, на одном содержании хозяйском, то есть платье, обувь и харчи; а потом стал получать и плату, сперва по полтине в месяц, а далее по рублю, и по полтора, и по три, и по пяти, и по десяти рублей в месяц. А когда родился я, в 1795 году, тогда родитель мой получал жалованья 200 рублей в год; и оных денег доставало ему на содержание всего семейства, которое состояло из шести человек детей, бабушки и других родственных лиц; а сторонними доходами по должности родитель никогда не пользовался, считая таковые доходы низостию для себя и воровством. А посему во все пятидесятилетнее служение свое не оставил наличного капитала, кроме имени весьма честного и бескорыстного человека! А далее за его деятельность по должности и бескорыстие стали хозяева возвышать ему и жалованье: после 200 положили 300 рублей, потом 500, 700 и наконец 1200 рублей в год; и этот был самый последний оклад жалованья в жизни его.

Родитель мой вступил в законный брак на 23 году своего возраста от рождения, то есть в 1774 году, с невестою Анною Ивановною, урожденною той же Высотской подмонастырною

слободы, и бракосочетание совершено было в Серпухове, во храме святых Жен Мироносиц, а в котором месяце — не упомяну; и вскоре по бракосочетании переехали на жительство в Воронеж, где единою родителем мой удостоился быть в кельях у великого святителя Тихона, епископа Воронежского, и принять от него архипастырское святое благословение!

Беседа Св. Тихона с простым народом в Задонском монастыре.
Открытка. Конец XIX — начало XX века. *Архив Оптиной пустыни*

У родителей моих от благословенного брачного союза было 10 человек детей, из коих четверо скончались в младенчестве, а пять сыновей достигли маститой старости; а старшая дочь Анисия скончалась в цветущих летах, то есть 24 лет от рождения своего.

1. Сын Петр родился в 1777 году в Воронеже; тезоименитство его было января 16-го, и в том же году скончался во младенчестве, в городе Серпухове.
2. Дочь Анисия родилась в 1779 году в декабре, в Серпухове; тезоименитство ее было 30 декабря.
3. Тимофей родился 1782 года, января 15-го, в городе Борисоглебске Ярославской губернии; тезоименитство его было января 22-го дня.
4. Кирилл родился в Борисоглебске Ярославской губернии, в 1784 году, июня 2-го; тезоименитство его было июня 9-го дня, во имя преподобного Кирилла Белоезерского Чудотворца.
5. Иона родился в том же городе Борисоглебске, 1786 года, октября 29-го дня, а тезоименитство его было ноября 5-го дня, во имя святителя Ионы Новгородского Чудотворца.
6. Василий родился в том же городе, 1788 года, марта 3-го дня, а тезоименитство его марта 7-го дня, в память священномученика Василия, в Херсоне епископствовавшего.
7. Лаврентий родился в том же городе, 1790 года в августе; тезоименитство его было того же месяца 10-го дня; скончался во младенчестве, в том же году и в том же городе.
8. Анна родилась в том же городе 1793 года, в январе месяце; тезоименитство ее было февраля 3-го дня, и скончалась в младенчестве через год, 1794 года, в том же городе Борисоглебске.
9. Александр родился в городе Романове Ярославской губернии, который город стоит напротив Борисоглебска на другой стороне реки Волги, 1795 года, марта 9-го дня.

10. Петр родился в том же городе Романове 1797 года, в июне месяце, и тезоименитство его было в том же месяце 29-го дня, на память первоверховных апостолов Петра и Павла, и скончался после рождения чрез две недели, ибо родился весьма болезненным.

Родитель мой был в истинном смысле православный христианин, соблюдал все правила Святой Христовой Церкви; хранил строго все святые посты и среды и пятки всего лета, и ежегодно говел и исповедовался и приобщался Святых Таин Христовых; и помнил и чтил все воскресные и праздничные дни, ходя к литургии, в чем и мы, дети его, подражали ему неупустительно всегда. А новорожденным детям нарекал имена согласно с правилами Святой Церкви, то есть в осмый день по рождении, какое случится; только двоим, по случаю отбытия его из города по службе, даны были имена не в осмый день, и за сие изъявил он свое сожаление родительнице и священнику за отступление от правил.

Родитель всех детей своих, дошедших до семилетнего возраста от рождения, сам начинал учить грамоте — чтению и письму; а в училище ни одного сына не отдавал, не потому, чтоб не желал нас видеть образованными, но весьма опасался, чтобы от недосмотра учителя и от невыгодного сотоварищества не привилось какой-либо дичи к юному и нежному сердцу и не испортило нравственности, а потому и учил сам. И при выходе из дому на службу приказывал родительнице, говоря: смотри, мать, за детьми, чтоб учились они, а не резвились; и она в то время по домашнему училищу нашему была действительным смотрителем за прилежанием и поведением.

Родитель мой, как я уже сказал, был истинный сын Святой Церкви Христовой и во все праздничные и воскресные дни ходил в церковь к службе Божией и нас всех, пять человек сыновей, вместе с собою водил. Мы все шли вместе

Волга в городе Романове. Казанская церковь. Гравюра по рисунку Чернецова. XIX век. *Российская государственная библиотека*

впереди его, а он сзади; а потому и шли скромно, не смея ни говорить, ни оглядываться, и в церкви таким же образом стояли впереди его и молились. И родитель внушал, чтоб мы наиболее всего внимали чтению Апостола и Святого Евангелия и, что услышим, ему бы о том, пришедши домой, пересказали; и если мы удовлетворительно скажем, о том утешался, а когда забудем, тогда назовет нас невнимательными. Родитель во время службы церковной становился на клирос и пел, ибо все напевы церковные хорошо знал и голос имел приятный, теноробасный¹; а также и мы все, дети его, становились на клирос и пели стройно. Кроме сего и у себя в доме нередко певали, а наиболее в праздничные дни; ибо родитель в те дни, после обеда отдохнувши, любил петь духовные псалмы, а именно: «Хвалу Всевышнему Владыке потщися, дух мой, возсылать», и «Господи, кто обитает в жилищи Твоем»², и «О, горе

¹ Вероятно, имеется в виду баритон.

² Пс. 14.

мне, грешнику сущу, горе благих дел не имущу», и «Взираи прилежно, человече, как век твой преходит и смерть недале», и «Коль наше на сем свете житие плачевно», и «Иисусе Прелюбезный, сердцу сладосте» — и еще некоторые церковные песнопения. И пели весьма стройно, так что некоторые мимоидущие останавливались у дому и слушали; ибо мы жили в центре города и на главной улице. А светских песней родитель наш не позволял нам петь в присутствии своем.

Родитель мой имел наружность хорошую, росту большого и несколько сутуловат; лицо имел открытое и благородное; в обхождении со всеми людьми был почтителен и приветлив и имел какую-то привлекательность, ибо был умен и начитан книг Священного Писания, церковной истории, житий святых и многих исторических книг и имел отличную память. Умел приятно и кстати со всеми говорить, например: с духовными лицами — о духовных предметах, со светскими — о светских обстоятельствах, с купцами — о коммерческих делах, с военными чиновниками — о военных действиях, с отставными солдатами — о походах и сражениях Суворова, с мужичками — о сельских работах; с отцами говорил о воспитании детей в страхе Божиим, с молодыми — об опасности от разгульной жизни, с женатыми — о взаимном согласии в семейной жизни, и прочее, и прочее, и все подобные разговоры были назидательны и приятны. Он имел даровитость дополнять по приличию текстами Священного Писания, и различными анекдотами, и скромными и невинными шуточками; ибо был он характера хотя и веселого, но насмешек произносить не терпел. И был весьма радушен и гостеприимен и хлебосол; и кто бы пред обедом ни посетил его, всякого убеждал остаться обедать не за поварским столом, а за простым, домашней стряпни, и даже иногда сажал с собой за стол простого мужичка, или солдата, или дворового человека, и за сие был любим всеми сословиями людей.

А сам наиболее всех любил и уважал духовных особ, которые чаще всех и посещали наш дом.

После сего для памяти своей напишу я странички две или три и о боголюбивой и нищелюбивой и смиренной рабе Христовой, родительнице моей, Анне Ивановне, которая родилась от благочестивых родителей своих Иоанна и Екатерины Головиных, того же Серпуховского уезда в Высотской подмонастырной слободе, 1751 года, декабря 2-го дня; и до совершеннолетия своего воспитывалась она в доме родителей, занимаясь по домашнему быту стряпнею и шитьем белья и носильного платья. А грамоте была не учена, но была благочестива и усердна к молитве, и с семилетнего возраста почти ежедневно любила ходить к обедне в Высотский монастырь, который от дома был очень близко и в котором в то время обитал родной дедушка ее иеродиакон Иоиль, старец мастиных лет и святой жизни, который был родной отец матери ее. Посему, идучи к обедне, часто заходила в келлию его и принашивала ему от матери своей когда ломтик мягкого хлеба, когда печеное яичко, когда молочка или булочку небольшую; и дедушка всякий раз ее благодарил и обещал наградить. И она спрашивала его: «Да чем же вы меня наградите?» А он в ответ ей: «У меня приготовлено есть много сокровища». И она опять говорит ему: «Да где же оно? Ибо у вас в келлии нет и сундучка». А он ей говорит, что оно лежит под Престолом Божиим, намекая этим ей гадательно не на материальное богатство, которого никогда не было в доме нашем, но на будущее воздаяние в вечной жизни, где и за чашу студеной воды обильная награда. Или, может быть, предусматривал он, как святой старец, счастливую ее брачную жизнь и деторождение, что из числа детей ее три сына поступят в монашеское звание и будут настоятелями и наставниками ко спасению не себя точию, но и других; ибо святые старцы и будущее предвидят яснее, чем мы, недостойные,

и настоящего не разумею. Впрочем, не знаю, так ли понимаю я настоящее это дело прадедушки моего блаженного старца Иоиля? Бог весть!

Родительница моя, достигши вполне брачных лет, выдана была в замужество за моего родителя, и таинство Бракосочетания было совершено во храме святых Жен Мироносиц в городе Серпухове, в 1774 году или в 1775 — не упомяну; а также и того не знаю, кто был участником в сватовстве, но одно твердо знаю, что Бог сочетает человека! Родительница моя во всю тридцатипятилетнюю брачную жизнь свою была в полном смысле усердною помощницею и всепокорнейшею послушницею своему супругу, а моему отцу. Не слыхал я и никогда не замечал, чтоб они в чем-нибудь когда между собою размолвили, чему в то время многие удивлялись им. Она с начала вступления своего в брачную жизнь и до кончины занималась в доме хозяйством и, имея наемную прислугу, всегда занималась стряпнею, печением хлебов и приготовлением вкусных квасов и бражки (пива) и покупкою различных мелочных припасов; а годовыми запасами для дома сам родитель мой любил заниматься. При всех разнообразных занятиях своих домашних родительница почти ежедневно находила возможность ходить к обедне, а по ночам всегда дома усердно и продолжительно молилась Богу, что нередко и я замечал, но не умел тогда оценивать, а ныне с благоговением воспоминаю то.

Кроме сего родительница моя от юности своей до старости и престарения любила очень нищую братию Христову и бедных людей, коим по возможности своей и благотворила всегда, и явно и тайно; и для сего от покупок для дома оставляла от расходов по несколько гривен, а иногда и рублей, впрочем с согласия родителя моего, и оделяла нищих и убогих. И в одно время один бедняк подходит к ней, идущей из храма, кланяется и просит; а родительница за неимением

мелких монет подала пятак или более; то нищий с такою признательностию принял ее подаяние, что на дальнейшее расстояние шел за нею без шапки и благодарил и просил Бога, чтобы Он наградил ее своими милостями и исполнил все ее благие желания, — чему она удивлялась и совестилась принимать такую великую признательность за малую лепту! Кроме сего родительница была смиренна в духе своем и не увлекалась похвалами, делаемыми ей от людей; почему из многих случаев скажу об одном. Однажды стали ее хвалить за воспитание детей, вежливость которых и скромность нравились многим; а матушка на это в ответ сказала: «Слава Богу, дети у меня хороши; но, к сожалению, до хороших далече еще не дошли!»

Теперь, сколько могу припомнить, начну писать о себе вроде журнала с первого года от рождения моего до последнего или сколько могу успеть, дабы некоторые события не все изгладились из памяти моей. И хотя таковые события ни для кого не интересны, но для меня самого весьма важны; ибо я более десяти раз в жизни своей был избавляем от смерти, за что должен я до последнего издыхания благодарить Господа, не хотящего смерти мне, грешному.

1795 год.

В сем году, марта в 9-й день, родился я на сей свет весьма болезненным и плачущим. По болезни своей я не мог употреблять тогда никакого молока — ни матерного, ни коровьего, и родительница придумала питать меня ржаным хлебом, нажевавши его жидко, как кисель, и посыпавши мелким сахаром. Завязавши вроде соски в тоненькую ветошку, давала сосать, чем я и питался полгода. Но Господь, храняй младенцы, сохранил и меня живым. А чрез полгода тем же

ржаным хлебом, но напитанным молоком, питать стала меня, от чего и стал я поправляться в здоровье.

В том же году по всей Российской империи была объявлена пятая ревизия и я в оную был вписан полугодовым серпуховским гражданином.

1796 год.

В начале сего года я получил возможность ползать на четвереньках с одного места на другое, а ходить еще не мог. Случилось однажды, что я, ползая, упал с лавки на пол и ушибся до слез, и после того стал остерегаться, чтобы снова не упасть, и потому сидел уже на лавке смиреннько, прижимаясь всегда к стенке. А во второй раз, в отсутствие родительницы, нянька, пожилая девка, нянчась со мною, уронила меня с рук на пол, и я очень ушибся; и после того стал я сильно бояться ее, и если она подходила ко мне, то я с детским криком не давался ей на руки, чему родительница моя, не зная причины антипатии моей, удивлялась. Но после чрез долгое время нянька сказала родительнице о неосторожности своей и со слезами просила у ней прощения.

1797 год.

Сего года, марта 9-го дня, исполнилось мне от рождения моего два года, и я начал ходить, но от слабости в ногах и уменья очень часто падал; а говорить еще не умел.

В конце июня месяца Бог даровал мне новорожденного брата Петра, который чрез две недели и скончался, ибо родился больным. Он у родителей моих был последним чадом, и после него не было.

В этом году в конце лета родитель со всем семейством переместился на жительство из Романова в Пошехонье. Этот город той же Ярославской губернии и от Романова отстоит в 75 верстах.

1798 год.

Сего года, марта в 9-й день, исполнилось мне от рождения моего три года, и я начал учиться говорить, но так плохо и картаво, как какой иностранец, что редкие понимали беседу мою.

Весною сего года, мая 13-го дня, скончалась родная бабушка моя, Ирина Алексеевна, 70-ти лет от рождения своего, которую едва могу я припомнить; а только осталось в памяти, как она лежала во гробе. Да и как можно помнить, ибо я тогда был трех лет с небольшим, а теперь в настоящее время (1864 год) исполнилось этому 66 лет. Она была родная мать моего родителя, и старушка была безграмотная и самого простого воспитания, но очень добрая. Она со всеми нами, внуками своими, нянчилась и занимала нас разговорами и рассказами разными, в том числе и басенками и сказочками своего сочинения, например о птичках: что они делают утром, что днем, что вечером. Утром, проснувшись рано, все

Посехонье. Рыбинская улица. Открытка. Конец XIX — начало XX века.
Российская государственная библиотека

они поют и прославляют Бога; а после того все они разлетаются за промыслом, кто куда, и, где что заметят, одна другой пересказывают. Например: я была в такой-то деревне и видела одну мать, которая плеткою наказывала своего резвого и непослушливого сына; а другая говорит: а я была в таком селе, где одна мать своего умненького сынка-мальчика очень ласкала и лакомила пряничками, и обещала ему спшить обновку; и все птички спешили возвратиться к вечеру домой. К этим рассказам прибавляла она и свои замечания, говоря, что и мы должны вставать утром рано, и молиться Богу, и быть умненькими и послушливыми, за что и нас будут ласкать и лакомить; а если будем упрямыми и резвыми, то тогда мать и вас отпотчует плеткою до слез, и прочее. И все мы дети так любили слушать рассказы бабушкины, что когда она по нездоровью не говорит, то мы все упрашиваем ее что-нибудь рассказывать нам; а в том числе и я, не умея ничего говорить, поклонами своими упрашивал ее что-нибудь сказать. «А-ба, а-ба!», то есть «Бабушка, скажи»; и таким своим детским наречием убеждал ее более всех братьев к рассказам, к утешению нашему. Бабушка скончалась в городе Пошехонье и погребена на тамошнем кладбище подле церкви с левой стороны при входе во святой храм. Да упокоит Господь душу ее со святыми в Небесном Царствии Своем!

В течение сего лета я уже мог ходить без поддержки других и получал иногда позволение выходить из дома на улицу и заниматься со сверстниками. Однажды дали мне грошик на орешки и я сам пошел покупать; но вместо орехов увидел у продавца красные маленькие сапожки и хотел купить за грошик, но продавец сказал, что надо денег прибавить. Я побежал и насбирал денег с гривну и с восхищением побежал к продавцу, что куплю себе красные сапожки; но продавец сказал, что еще надо прибавить денег. И я вторично отправился в сбор и набрал денег еще с гривну; но продавец

прибавки требовал, денег еще. Я требованием денег так сильно огорчился на продавца, что назвал его обманщиком и побежал прочь; а продавец, чтобы успокоить меня, отдавал сапожки без денег, но я поупрямился их взять. И таким случаем обнаружилась во мне в первый раз раздражительность и упрямство.

В течение того же лета был еще со мною замечательный случай, а именно: в одно время, гуляя на улице, увидал я у кабака, как один кучер играл на балалайке, а другой плясал, а третий песни пел. И так сильно понравилась мне эта музыка, что я, выпрося у кучера балалайку, побежал с нею домой и там на ней стал играть, и припрыгивать, и прикрикивать. Родительницу мою это явление так удивило и огорчило, что она назвала меня: «Ах ты, окаянный скоморох! Я за это выучу тебя плакать, а не прыгать¹», — и зараз высекла меня прутом. Но когда балалайку стала она ломать и в печь бросать, то я так об этом огорчился, и неутешно рыдал, и плакал, и с горя, упавши на пол, крепко заснул. Это первое искушение вражие открыло тогда, что от юности, или от младенчества, сердце человека стремится наиболее к дурному, нежели к доброму.

Того же года осенью посетила меня небывалая гостья — оспа, не прививная, а натуральная от простуды, которая едва меня не лишила жизни. Когда она стала наливаться и созреть, то производила сильную и нестерпимую чесотку, и я начал рукою своею сковыривать оспу. Но родительница моя, опасаясь, чтобы я не обезобразил себя, связала мне руки платком; а я плакал тогда и жаловался: «Что я вам сделал, за что вы меня вяжете?»

А в конец того года, то есть о святках, ездили родители мои на богомолье в Адрианов монастырь, отстоящий от Пошехонья в пяти верстах, благодарить преподобного

¹ Прыгать — прыгать, скакать, падая, отскакивать, метаться в сторону.

Адриана¹ за выздоровление мое; где после обедни и молебна настоятель отец игумен Моисей пригласил родителей и меня в келлию свою и угостил чаем со млеком; что самое и доселе осталось в моей памяти, за что спаси его, Господи!

1799 год.

Февраля в первый день, утром рано, родители мои, по распоряжению хозяина, отправились из Пошехонья в Романов к той же должности по питейным откупам, куда всесемейно и прибыли 2 февраля и остановились на прежней квартире у старушки Александры Ивановны Бабушкиной.

Сего года, марта в 9-й день, исполнилось мне от рождения моего четыре года. Я в то время имел необыкновенно тонкий слух, так что каждую ночь просыпался при первом ударе в колокол к утрени и будил к оной родителей и братьев своих, говоря: «Дон-дон! Ангелы поют, вставайте молиться!» Что продолжалось несколько месяцев. Но когда увидел, что некоторые братья стали сердиться на меня за сие и не стали вставать, то и я, смотря на них, стал пренебрегать и подобно им погружаться в сон и спать без просыпа во всю ночь.

А с первого дня Святой Пасхи Христовой стал я ходить всегда к обедне, когда бывала служба, без проводника, и всегда становился во святом алтаре, где священник меня ласкал, и чтобы я не устал, сажал меня на окошко, и давал мне когда антидор, когда просфору, и тем приучил меня всегда приходить к службе. И если замечал я, когда кто подходил к приобщению Святых Таин, то и я тогда подходил, и он меня приобщал. А однажды случилось, когда я подошел к священнику и стал просить себе просфоры, священник

¹ Адриан Пошехонский (начало XVI в. — 1550), преподобномученик. Память 5 марта, 19 ноября и в Соборе Ростово-Ярославских святых. Основатель пустыни в честь Успения Пресвятой Богородицы (Адрианов Пошехонский монастырь).

вздумал меня спросить: «Что брат, не позавтракал ли ты?» И я таковым вопросом его обиделся и ушел из церкви домой и, пришедши, жаловался родителю своему на священника: «Тятинька, я стал просить у попа: пожалуйста мне просфорочку; а он мне сказал: “Что брат, не позавтракал ли ты?” Какая ему нужда спрашивать о сем? Когда просят, должен он давать, а не спрашивать». И только что окончил я жалобу свою, как и священник приходит к нам в дом с просфорой мириться со мной. Из этого случая открылись во мне в первый раз капризы, от которых на следующее время сохрани меня, Господи!

В течение сего лета были со мною два случая, от которых едва не лишился я жизни своей, а именно. Однажды родительница моя пошла за чем-то на реку, ибо квартира наша была на самом берегу реки, куда и я за нею побежал, и близ самой реки на бережку стал я собирать и класть себе в подол разные маленькие камешки и раковинки; и еще, нагнувшись, хотел из воды достать камешек — и бултых — головою в воду. Но Господь, храняй младенцы, спас меня от потопления. Ибо родительница зараз схватила меня за рубашонку и вытащила и понесла меня домой на руках своих плачущего; и когда обсох я, тогда поучила меня прутот, чтоб я не смел без спроса бегать за нею.

А второй случай был такой: гулял я за воротами на улице с мальчиками, которые были сверстниками мне, а некоторые и старше меня; и они завели меня на пустырь, на котором росла крапива, репейник и белена, и, нарвавши с белены головок с семечком, заставили меня есть, говоря: «Ешь, брат, это мак!» И у меня от этого ядовитого зелия сделалось лицо и все тело красное, как кумач. Я чувствовал внутренний жар, тоскливость и бред, повторяя те самые слова, которые говорил я, гулявши с ребятами и евши белену, — что продолжалось целые сутки; но меня поили парным молоком, и я,

по милости Божией, остался жив. После сего случая я уже боялся выходить за ворота, чтобы не случилось со мною подобного; и если когда посылали погулять меня, то я отказывался, говоря, как умный: «Там ребяташки озорники, кричат и бранятся; и если с дураками свяжешься, то и сам дурак будешь!» Почему, не выходя за ворота, находил себе удовольствие разгуливать на дворе своем и в огороде, где однажды, выдернувши себе из грядки морковку, стал есть, которая так мне показалась сладка, как сахар; и я думал тогда: когда бы был я богат, тогда ел бы я всегда морковь. О сем невинном желании своем сказал я родительнице своей, которая, улынувшись, обещала мне в каждый год засеять морковью целый огород, и я восхищался будущему своему блаженству, что буду всегда питаться морковкой.

В конце сего года, то есть о святках, начались в доме нашем свадебные переговоры о замужестве сестры моей Анисии Ивановны.

1800 год.

В начале сего года сестра моя, Анисия Ивановна, против желания своего, по воле родителя моего, была помолвлена в супружество за Пошехонского купеческого сына Косьму Дементьевича Крундышева; а желание ее было поступить в монастырь, к двоюродной сестре монахини Максимилле Ивановне; но родитель не согласился, и бракосочетание было совершено января 30-го на праздник Трех Святителей во храме Казанской Божией Матери в городе Романове. Сестре моей 20 лет было в то время. Я в то время стоял в церкви и смотрел на венчание и плакал. А после венчания жениха и невесту священник в ризах со святым крестом и с пением сопровождал до дому, который находился неподалеку от церкви; а по приходе в дом, снявши с новобрачных венцы и разоблачившись, священник благословил трапезу

и началось угощение и пир. Жениха и невесту посадили в переднее место, а все гости поселились по сторонам, и за каждым кушаньем подавались разные вина; сколько гостей, столько и рюмок, по тогдашнему обыкновению. А меня подле буфета поставили на комод, и я несмигаючи смотрел на невесту, и всякий раз брал с подноса недопитое сладенькое винцо и, поклонившись невесте издали, пил за здоровье ее; и столь много наздравствовался, что повалился на комод и крепко заснул и не слышал, как меня перенесли на постелю. И это первый был случай пьянства моего. А после свадьбы все гости разъехались по домам, и новобрачные на третий день отправились в свой город Пошехонье, а мы в доме своем, оставшись без сестры, чувствовали какую-то пустоту.

Сего года, марта в 9-й день, от рождения моего исполнилось мне пять лет. Я в то время ходил в церковь всегда, когда совершаема была литургия, и всегда стаивал во святом алтаре. И в одно время, приласкавши меня, родитель мой спрашивал: «К чему мне тебя готовить? То есть к какому занятию: к торговле, или к художеству какому, или к службе?» Я отвечаю: «Я, тятенька, хочу в попы». А родитель мне на сие сказал: «В попы не учась не ставят; а ты у меня глупенький, ничего не знаешь». А я возразил: «Тятенька, попы в алтаре ничего не делают, только сидят; а читают и поют одни дьячки и диакон». Чрез этот разговор в первый раз открылось во мне желание поступить в духовное звание. И после сего, когда я дома у себя играл с детьми, сверстниками мне, то наряжался попом, то есть вместо епитрахили, надевал на шею полотенце, а на плечи платок вроспуск — вместо ризы; а вместо кадила брал мячик и привязывал к нему шнурок и кадил всех. А когда давали мне пряничек или яблочко, то я разрезывал оные на мелкие кусочки и, положив на тарелочку, раздавал вместо антидора и благословлял рукою.

Однажды летом в день воскресный случилось со мною искушение, от которого стыдно было мне, а именно: прихожу

я в церковь очень рано, до службы; пономарь благовестил к литургии, а священник в церкви читал молитвы и потом стал облачаться в ризы, а просфор в алтаре не было еще. Почему священник дал мне мешочек и послал меня за просфорами к попадье, ибо дом их был очень близко к церкви. Попадья положила в мешочек просфоры, только что из печки вынутые, и дала отнести в церковь; а я, идучи дорогою, одну тепленькую просфору съел, а остальные принес в церковь и подал священнику. А священник, выложив просфоры на тарелочку, увидел, что недоставало одной просфоры, мне сказал: «Ты, брат, видно одну просвирку дорогою скушал?» А мне стыдно было сознаться в своем грехе, и я солгал, сказав: «Батюшка, я, право, не ел». И это первая была моя ложь.

В половине августа месяца родителю моему и двум старшим братьям моим Тимофею и Кириллу, неизвестно мне почему, хозяином отказано было от должности. Посему родитель мой, купив лошадку и телегу с сбруею, отправился в Москву для приискания себе должности, взяв с собою и трех старших братьев моих — Тимофея, Кирилла и Иону. Более месяца протекло; не было никакого известия от них. А посему родительница моя, крайне скучая о том, сомневалась за жизнь их, или не случилось ли с ними в пути какого тяжкого несчастья? Октября 1-го на храмовый праздник наш Покрова Божией Матери подтвердилось сомнение ее в жизни их неожиданным искушением суеверным, то есть утром рано вбежала курица в кухню и, взлетевши на стол пред образа, пропела петухом. По сему случаю родительница, сильно испугавшись, сочла, что родителя моего уже в живых нет; и за это бедной курице отрезали голову. Но на другой день получила родительница приятное письмо, что родитель мой жив и двух старших братьев моих, Тимофея и Иону, определил к хозяину по коммерческим делам, надеется и себе найти должность; и по сему случаю родительница

очень сожалела, что бедной курице отрезали голову. Что делать? Справедливо пословица говорит: век живи — и век учись и суеверным бредням не верь! В ноябре месяце уведомил родитель, что он определился на должность вместе с братом моим Кириллом Ивановичем к питейным сборам Ярославской губернии в город Углич, куда всесемейно и перебрались мы из Романова и приехали 27 ноября, на праздник Знамения Божией Матери, и остановились на квартире у Воскресенского дьячка Ивана Яковлевича. Церковь Воскресения Христова прежде была монастырскою, который монастырь именовался тем именем, и в 1764 году упразднен и обращен в приходскую церковь. Над святыми воротами сея обители была часовня, в которой находилась чудотворная икона Знамение Божией Матери, которая часовня и донныне стоит ради чудотворной иконы.

После сего несколько строк напишу для памяти о городах Романове и Борисоглебе, а именно: Романов стоит на самом берегу реки Волги, по левую сторону течения ее; а Борисоглеб против Романова на другой стороне, по правую руку по течению реки. В обоих городах все жители — раскольники и в церквах никогда не бывают, так что и свечи к святым иконам поставить некому. А потому и духовенство претерпевает великую нужду в продовольствии себя; а в праздничные дни в церквах у службы Божией бывают только одни приказные, отставные солдаты и несколько разночинцев заезжих. В числе обитателей замечательны одни нищие, которые, ходя по городу, испрашивают милостыню под окнами хозяев с молитвою, говоря: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас! Батюшка (имя и отчество хозяина) и матушка (имя и отчество хозяйки) с любезными детками, сотворите святую милостыню мне, убогой сироте, или убогой вдове, или больному старику и калеке». И когда подадут им милостыню, говорят: «Дай Бог вам доброе здравие, а родителям

Романов-Борисоглебск. Открытка (с фотографии И. Козлова).
Конец XIX — начало XX века. *Российская государственная библиотека*

вашим Царство Небесное». А колодники из тюрьмы ходят за милостынею человека по два и по три вместе, и те же слова, которые говорят нищие, они поют нараспев. А если бедный просит милостыню без молитвы, таковому ничего не подадут и скажут: ты, верно, не христианин, незнающий Бога! Мне такой обычай романовских нищих нравился тогда, и я для памяти своей записал это в книжку сию.

1801 год.

В первых числах генваря сего года родители мои получили из Пошехонья уведомление о том, что сестре моей Анисье Ивановне дал Бог новорожденную дочь, Татиану Козмовну, каковое событие родителей моих порадовало.

Сего года, марта 9-го дня, исполнилось мне от рождения моего 6 лет.

В ночи на 12-е число марта скончался в Санкт-Петербурге Государь Император Павел Петрович; а 18-го числа того же месяца в городе Угличе в соборной церкви был всенародно читан о кончине Государя и о восшествии на престол Государя Императора Александра Павловича высочайший манифест. И все духовенство, и чиновники военные и статские, и граждане приводимы были к присяге; и все своеручно подписывались на присяжном листе, на котором и родитель мой с братом моим Кириллом подписались.

В этом году Святая Пасха была очень рано, то есть марта 24-го числа, и было много снега и очень холодно; потому из зимних теплых церквей в летние холодные церкви не переходили. Мне к празднику этому сошили новый кафтанчик голубого цвету; и я в то время хотя еще и грамоте не знал, но на клирос становился и пел самым тоненьким детским голоском: «Господи, помилуй!» А более всего любил прислуживать причетникам, что подать или куда сходить. И вот на Мироносицкой неделе¹ начали из теплой церкви переноситься в холодную; и я помогал переносить книги, и свечи, и кадила. И дали мне нести лампадку с маслом; и я от поспешности за что-то запнулся, упал на пол, и масло все на себя опрокинул, и залил свой голубой кафтанчик, и с грустью пошел домой, где родитель за неосторожность меня побранил и сказал: «Экой ты глупый пономарь! Свечи поломал и масло опрокинул на себя; вот теперь и ходи в запачканном кафтане!» Но родительница меня утешила, сказавши, что она залитое вымоет и перешьет, что вскоре и сделала.

В городе Угличе всех церквей до пятнадцати. Я в храмовые праздники хаживал ко бдению и к Святой литургии; ибо очень любил торжественное служение, пение, освещение храма многими свечами, парчовое облачение на священнослужителях; а на соборном протоиерее много меня

¹ Неделя Жен Мироносиц — одна из недель, следующих за Пасхальной.

восхищала бархатная фиолетовая камилавка; ибо в то время он только один из всего градского духовенства имел это отличие. Посему при каждом крестном ходе, бываемом из собора в приходские храмовые праздники, а равно в крестном ходе и кругом города всегда хаживал я, не чувствуя усталости.

В городе Угличе близ соборного храма есть древний каменный дворец, в коем жил до отроческих лет с матерью своею святой благоверный царевич Димитрий, убиенный по тайному повелению московского царя¹... Во дворце этом я многократно бывал. А святые мощи его из Углича перенесены в Москву и положены в Кремле, в Архангельском соборе, на вскрытии, к которым я многократно прикладывался впоследствии времени.

Углич. Дворец святого царевича Димитрия. Открытка.
Конец XIX — начало XX века. Российская государственная библиотека

¹ Годунова. — Примечание к изданию 1870 г.

В течение одного года, призвав Бога на помощь, начал я учиться грамоте. Тогда учителем моим был назначен брат мой Василий, под протекцией которого и учил я тогда букварь.

1802 год.

В этом году продолжал я учиться; Часослов выучив и оный протвердив, наконец начал учить Псалтирь.

В начале октября месяца родитель мой ездил в Москву для покупки вина, взяв с собою вместе и брата моего Василия, которого там и оставил у брата моего Тимофея, для приискания ему хозяина.

1803 год.

Генваря 30-го числа, по приказанию хозяев, родитель мой, оставив город Углич, с семейством переехал в губернский город Ярославль, куда прибыл в 1-е число февраля благополучно.

Ярославль. Открытка. Конец XIX — начало XX века.
Российская государственная библиотека

В мае месяце еще Бог дал сестре моей Анисии дочь Марию, которая чрез несколько недель и скончалась.

Ноября 1-го числа сестра моя Анисия от простуды занемогла; почему, принеся покаяние Господу Богу и приобщась Святых Христовых Таинств, простясь со всеми, как там бывшими, так и заочно со всеми нами, в полном разуме и уповании на заслуги Искупителя нашего Господа Иисуса Христа и при пении надгробных стихов скончалась того месяца, с 8-го на 9-е число в ночи в 11-м часу. Вечная ей да будет память! Человек во всех отношениях был добрый и миролюбивый. На погребение ее я с родительницею ездил из Ярославля в Пошехонье. Она погребена в том городе 12-го числа того месяца.

Сестра моя Анисия Ивановна в супружестве прожила 3 года 9 месяцев и 9 дней, а всей ее жизни было 23 года и 10 месяцев с половиною; оставила после себя наследницею единственную дочь по третьему году, которая и отдана была на опеку матери моей.

1804 год.

В начале сего года, призвав Бога в помощь, начал я учиться писать слова под протекциею брата моего Кирилла, что и продолжал учить чрез весь год.

В исходе ноября месяца зять мой, сестры моей Анисии муж, Косьма Дементьевич, из Санкт-Петербурга ушел в монастырь в Саровскую пустыню для посвящения себя монашеской жизни.

Декабря 31-го числа родитель мой чрез посредство брата моего Тимофея из Серпуховского общества со всем семейством уволен и приписался в Москву в Московское общество, по третьей же гильдии в купцы.

1805 год.

От 5-го числа мая получил родитель мой из Москвы от братьев моих Тимофея и Ионы письмо, в котором они пишут, что они от хозяев своих отошли за невозможностию ни под каким видом у них жить, по чрезмерной строгости и несправедливости их, и есть у них на примете хозяин, человек весьма хороший и благочестивых правил, которому они и дали слово вступить к нему в услужение; но прежде сего вознамерились проехаться в Киев для поклонения святым угодникам, а оттуда и к нам побывать. Но вышло напротив тому. Они в Москве сказали родственникам, что едут побывать к нам; почему без ведома родителя взяли пачпорты на три года, но вместо Киева они очутились в другом месте. Они давно имели желание, все оставя суеты мира сего, посвятить себя Господу Богу и жить уединенною монашескою жизнью. Но, не имея долго случая, все еще медлили; найдя же оный, приступили произвести в действо. Почему и отправились из Москвы, того ж числа, Тамбовской епархии Темниковской округи в Саровскую пустынь, куда прибыв в 13-е число того месяца, были приняты оной пустыни начальником, строителем иеромонахом Исаиею, который в то же время и определил их к послушанию. Об них полгода не было нам никакого известия, почему и сомневались в их жизни. Наконец получил родитель мой от них в ноябре месяце письмо, в котором они просят прощения в причиненном ему от них оскорблении, прося от него благословения на путь спасения. Родитель же, прочтя сие письмо, крайне на них оскорбился. Не только чтоб их благословить, но даже и возбранял там им долго медлить, а чтоб наискорее к нему возвратиться. Но милосердый Бог совсем иначе устрояет, что увидим мы впоследствии.

В конце того года окончил [я] сии науки, как чтению, так и письму. Не быв ни в каком училище, а всё течение того,

которое продолжалось 4 года с половиною, учился я в доме родителей моих с помощью вышеупомянутых братьев моих. В науке я был весьма туп, а притом и крайне ленив; по причине той и учился долго.

1806 год.

Марта 19-го числа скончался преосвященный Павел, архиепископ Ярославский и Ростовский и кавалер орденов святого Александра и святой Анны 1-го класса. Процессия погребения его весьма была важна и любопытства достойна. Она происходила 28-го числа того ж месяца. Погребен он в Ярославском Успенском соборе по правую сторону клироса.

Апреля 17-го числа родителю моему и с семейством дан из Московского градского общества похвальный лист, за подписанием градского главы и от всех частей депутатов и с приложением одного общества печати.

Сентября 1-го числа хозяева родителя моего сборы сдали другому откупщику, почему родитель мой и дал слово его превосходительству генералу господину Колычеву вступить к нему в услужение. И 28-го числа октября отправился из Ярославля к должности той же губернии в город Мологу, куда прибыл 30-го числа того же месяца; по причине той и нас к себе вызвал. Из Ярославля отправился я с родительницею 18-го числа ноября со всем имуществом, и прибыли 20-го числа того месяца, путь свой оконча благополучно.

В Ярославле жили мы 3 года, 9 месяцев и 17 дней. Во все течение одного времени занимался я чтением и письмом; также исправлял должность и пономаря при церкви Всемилоственного Спаса, что на Городу, где я читал часы и довольно хорошо певал альтом, благовестил к службе и в алтаре прислуживал, за что любим был иереем Иаковом, бывшим отцом моим духовным, и получал от него в награду по две просфоры каждый день.

1807 год.

Сентября 10-го числа родитель мой послан был из Мологи комиссионером в Москву для покупки для сборов разных припасов, так же и собственно для своих надобностей. Он отправился на конторских лошадях, взяв и меня вместе с собою для повадности. В тот день, отъехав 50 верст, мы ночевали в селении при реке Юхте на погорелом месте. Поутру очень рано вздумали ехать. Расплатившись с хозяином квартиры, родитель пошел вон из избы и как-то, оступившись на лестнице правою ногою, кожу ссадил с берца и так чувствительно ушиб, что думал, не переломил ли ее пополам; однако ж по осмотре оказалась цела. Чем бы нам тогда воротиться назад, но мы продолжали по неведению нашему ехать все вперед. Наконец увидим мы, что чрез то сделалась в ноге родителя моего болезнь, и болезнь самая жестокая, которой впоследствии и принес себя он в жертву; и только самая смерть от оной его избавила.

Молога. Ярославская улица. Открытка. Конец XIX — начало XX века.
Российская государственная библиотека

Троице-Сергиева лавра. Открытка. Начало XX века.
Архив Оптиной пустыни

Путру очень рано 15-го числа того ж месяца приехали мы в Троицкую Сергиеву лавру, где сряду 4 литургии отстояли. По случаю бывшего тогда торжества удостоился я в оной лавре видеть достопочтенного и всеми уважаемого великого мужа — высокопреосвященнейшего архипастыря Платона, митрополита Московского.

После молебна ходил я по монастырю, смотрел на всё с удовольствием, а особливо на весьма искусно состроенную готической фигуры колокольню, которая довольно большой вышины с колоннами и разными фигурами; и на каждом шагу представлялось что-то новое и весьма любопытное для зрения. После обеда, около вечерни, мы отправились в путь и, наконец, 16-го числа, в вечерню, приехали в первопрестольный град Москву, где и пробыли до 26-го числа того месяца. В это время жили мы у родственников, ходили по гостям, по рядам и по церквам; и на каждом шагу представлялось приятное и печальное, поражающее мой ум. Куда ни

обратить взор, везде встречал новость, в разных видах представлявшуюся. И всё то молодого и неопытного провинциала заставляло удивляться и многому смеяться. Наконец, отправясь из Москвы, прибыли в Мологу 2-го числа октября поутру благополучно.

Декабря 14-го числа приехал из Москвы брат мой Василий, который и определился к питейным сборам в поверенные. Того ж месяца в 23-е число приехал из Саровской пустыни брат мой Тимофей к родителю моему просить прощения в причиненном поступке, также благословения и увольнения его в монашество.

1808 год.

Родитель мой по приезде из Москвы крайне беспокоился от ноги, даже и ходить по комнате едва мог!.. С приезда его с месяц было времени, и он не мог призвать к себе медика и требовать от него советов и помощи. А все только слушал одни глупые советы бабы и по оным себя вел, не наблюдая ни правил, ни диеты, и кто что ни скажет, то и делал. От чего и приключился на больной ноге его в ране антонов огонь¹, что увидя, мы и присоветовали ему призвать медика, который и начал его пользоваться. И, благодарение Богу, в месяц оный из ноги его и вывел. И если бы хотя еще мало [помедлить], то жестоко пострадал бы от оной! Но вот беда: здоровая нога пуще больной заболела, стала пухнуть и рдеться, от чего в крайней был немощи; начал слушать посторонние советы и принимать разные лекарства, более болезнь придающие, нежели облегчение. В сие время медик перестал его пользоваться, и все было предоставлено на произвол судеб Вышнего.

В это самое время брат мой Тимофей требовал от родителя моего увольнения на поступление его в монашество. Родитель же мой, по долгом сопротивлении и прении

¹ Антонов огонь — простонародное название гангрены.

от текстов Священного Писания, не могли его желания поколебать, напоследок уволил, благословив его намерение. Дал ему на имя дяди И. И. Головина доверенность, засвидетельствованную в Мологском городском магистрате, для подачи в Московское градское общество прошения о выдаче увольнительного свидетельства, что он с своей стороны его, за слабостию его здоровья, увольняет. Брата же моего Иону отнюдь не хотел уволить, говоря: «Он молод, его подговорили; я сам хочу его видеть, с ним говорить и его от намерения этого остановить строгостию родителя».

Брат мой Тимофей, получа от родителя моего увольнение и благословение, отправился из Мологи в Москву для требования от Московского градского общества увольнения, генваря 13-го числа.

Мая 3-го числа приехали к нам из Саровской пустыни братья мои Тимофей и Иона, требовать Ионе от родителя увольнения и благословения его в монашество.

В июне месяце родитель мой толико начал страдать от ног, что уже начал отчаиваться в жизни своей. Днем, когда болезнь его несколько оставляла, он до крайности беспокоился от мух; ночью же смертельно мучила его болезнь, лом во всех членах и одышка, и дыхание имел одною левою ноздрею. Видя же в себе толикую перемену, он начал приготовляться к смерти. Ибо довольно помнил слова Священного Писания, как святой апостол Иаков в послании своем к веровавшим в Господа Иисуса, в 5 главе, учит: *Болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господне: и молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господь, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему*¹. Призвал пресвитера, покаяние принес Господу Богу и приобщен чрез него Пречистых и Животворящих Божественных Христовых

¹ Иак. 5, 14.

Таинств; потом молитву сотворили над ним соборне, помазавше его елеем во имя Господне.

Того же месяца в 18-й день поутру весьма рано изволил родитель наш собрать нас, чад своих, воедино, да благословит всех коегождо по единому. Начало же его родительского на нас благословения бе сице: *Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас*¹. Потом начал наставлять, какими нам должно быть в рассуждении обязанностей, касающихся к Богу, обществу, родителям и к себе самим; велел бежать пороков и зла страшиться, друг друга любить, и тяготы носить, и паче всего добродетельными быть. «Если так будете поступать, — сказал он, — то исполните закон Христов и предание отче сохраните; чрез худую же и порочную жизнь наведете на себя праведный гнев Божий, в сей жизни во всем неблагополучие, а в будущей — вечную муку, раскаяние и угрызение совести. Вот, — сказал он, — любезные мои! Вы можете видеть пример на отце вашем и заключить, колико я был в жизни моей порочен. За что милосердый и праведный Бог наказал меня болезнию; отнял у меня свободное движение тела, произношение [слов] и дыхание души. Блюдитесь и вы, да не искушени будете и чрез то да не наказаны будете и лишены всех уготованных для любящих Его вечных благ». Потом начал благословлять коегождо по единому, возлагаючи руки своя на главы наша; и благослови всех нас иконами святых. Поставил по себе быти отца и попечителя брата моего Кирилла Ивановича, которому вручил в полное попечение меня и брата моего Василия, и во всем повелел нам быть к нему послушным и почитать и любить его, «якоже и мене». Также вручил ему и брата моего Иону, говоря: «Ты как хочешь, можешь его уволить на поступление в монашество и можешь удержать; мне же теперь не до того». Брат же мой Кирилл так сказал: «Когда он твердое намерение

¹ Пс. 33, 12.

в сердце своем положил посвятить себя уединенной иноческой жизни, то я с своей стороны его от сего намерения не отвлекаю». Родитель же мой, видя сие, благословил его намерение, только просил еще несколько погостить у него.

Вот как милосердый Бог Промысл Свой о спасении душ наших устрояет! Родитель мой прежде и слышать не хотел, чтоб братьев моих уволить в монашество, но в болезни своей их благословил!

Июля 20-го числа от крайнего невнимания получил я язву, от которой страдаю и до сего дня.

Того ж месяца родитель мой начал от болезни своей помалу обмогаться; и брату моему Ионе дал увольнение формальное, засвидетельствованное в Мологском городовом магистрате 22-го числа июля; и, наконец, благословя их обоих, отпустил от себя в Москву для истребования от всего общества увольнения на поступление в монашество. Отправились братья мои из Мологи в Москву августа 8-го числа, в вечер.

В октябре месяце крайне был я болен. Левое плечо стало пухнуть и рдеться, от чего было в оном колотье и другие боли; недели с три вовсе и сна не было. Прикладывал к оному разные лекарства, преподаваемые чрез советы посторонних людей; особливо женщины более других имели усердие излечить меня от боли; но, к пущему моему несчастью, более и более оную усугубляли. Я нашел себя принужденным требовать помощи от доктора, который и начал по искусству своему меня пользоваться. Сперва приложил к плечу зеленого пластыря для открытия раны, который я и прикладывал более недели; но пользы никакой не предвиделось, а более прибавлялось опухоли и боли. Доктор, видя, что успеха мало в открытии раны, прибавил к оному пластырю мышьяку, дабы скорее открыть рану; которую смесь прикладывал я к плечу три дня, и едва доставало терпения иметь оную на себе. Но, благодарение Богу, ниспославшему помощь и исцеление мне! Рана

на плече открылась; материи же столько из оной вышло, что даже и помыслить теперь не можно; кожа от костей отопрела, и думал, не насквозь ли кость прогнила. *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя.¹ Что воздам Господеви, благодеавшему мне, яже воздаде ми?²*

В болезни своей имел желание посвятить себя иноческой жизни, о чем открылся чрез письмо брату моему большому Тимофею и требовал от него на оное желание мое советов. Но, к несчастию моему, черновое письмо мое попало в руки братьев моих Кирилла и Василия, которые, желая за таковое мое желание и за другие слова, упомянутые в письме насчет их, меня наказать, при удобном случае письмо мое предложили пред родителя для прочтения; который, прочтя, крайне на меня вознегодовал и хотел меня за таковой поступок наказать как отец; а я, как сын, в то же самое время примирился с ним, и опять по-прежнему ладили с обеих сторон.

1809 год.

В начале генваря месяца родитель мой совершенно почти от болезни избавился, стал свободно ходить, употреблять пищу и говорить так, как здоровый, — чему мы радовались и благодарили Бога.

19-го числа после ужина, так как в часу одиннадцатом, родитель почувствовал в голове своей жар и боль. Стал Богу молиться на сон грядущий; и вдруг поднялась у него сильная мокрота, от чего поперхнулся и стал кашлять, и всю ту ночь мучился жаром и перхотою и едва дожил до утра. В таком положении родитель мой пробыл до 25-го числа, час от часа слабее и немощнее делаясь. В такое короткое время он так переменился в лице и в языке, что даже с трудом можно было услышать, что он говорил, и весьма опасен в жизни своей

¹ Пс. 117, 18.

² Пс. 115, 3.

был; что видя, мы присоветовали ему грехи свои очистить покаянием и приобщением Тела и Крови Христа Спасителя. Родитель наш принял от нас совет сей с удовольствием и оный в 25-е число поутру после утрени в точности исполнил. Я в тот день ввечеру молил Бога, чтоб даровал ему облегчение от болезни его. В это самое время подходит к нему родительница моя и говорит: «Куда Александра благословляешь?» Он, собравши на то отягченные свои силы, сказал: «Богу». Она повторяет ему: «В какой должности велишь ему жить? С братьями или в другую какую?» Он последнее произнес: «Бога чтоб боялся». Я был тем крайне доволен, что родитель мой вручил меня Богу, а не другому кому, повелел отдать себя в Его Святейший Промысл, в Нем велел искать в скорбях и во всех требованиях благих Помощника; ибо *не прегрешат вси уповающие на Него*¹. Я понимаю его последние изречения ко мне в таком смысле, что где ни жить, только всегда надобно Бога бояться. Вот его последнее завещание ко мне, недостойному и худшему из сынов его, было.

26-го числа после полуночи в 10 часов и 15 минут, в полном уме, но в большой слабости и боли во всех членах, представился родитель мой в вечную и никогда некончаемую жизнь, на 57-м году от рождения своего. Дай, Боже, усопшему вечное упокоение! Я только тем и утешаюсь, что родитель мой скончался так, как добрый и истинный христианин!.. Принес покаяние Господу Богу о содеянных в жизни своей грехах и сподобился быть приобщен Пречистых и Животворящих Таин Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Преставился он в самую литургию, егда диакон возглашал: «Станем добре, станем со страхом, вонмем святое возношение в мире приносить!» В то самое время предстал родитель мой пред Судиею живых и мертвых Господом Иисусом Христом. Подлинно можно размыслить так, как

¹ Пс. 33, 23.

я теперь глупым и недостаточным своим рассудком понимаю: «Избранным Моим сокращу время, дабы спасение увеличили; блажени умирающие о Господе!»¹ — и родитель мой блажен есть! Ибо он сподобился жития кончину получить непостыдную, добрую. А горе тому, кую душу исторгнут демоны на распутиях мира сего, к коим надобно придать и Божественный глас: «В чем застану, в том и сужду»². Он в тот день пред кончиною своею, так как часа за четыре, поутру кликнул меня: «Алексаша!» Я в ту ж пору явился пред ним и требовал: «Что угодно?» Говорит: «Обуй меня и одень». Я по его приказанию все исполнил; обул его, и камзол на него надел, и голову вычесал. Потом потребовал чаю, которого и выпил только чашечку, спрашивал: какой ныне день, среда или другой какой? Я отвечал, что нынче вторник. Но он мне на это ничего более уже не говорил. Из сего видно, что он хотя и близ кончины был, однако ж помнил, что Ангела его память почиталась в среду 27-го числа. Но что делать? Богу так было угодно — лишить его жизни прежде дня его Ангела...

28-го числа по долгу христианскому родитель мой был вынесен за раннюю обедню на кладбище, в церковь Всех Святых, после которой чин погребения был отправлен соборно, и погребен у оной церкви близ алтаря, в ногах мавзолея купца Казанина.

¹ См.: Откр. 14, 13.

² См.: Мф. 24, 42.

Письма архимандрита Александра Арзамасского¹,

бывшего в Москве
в Новоспасском монастыре наместником,
к братьям Тимофею и Ионе Путиловым

1.

Братиям моим о Христе Иисусе Тимофею и Ионе по приезде в Саровскую пустынь советую: 1-е, живши тамо, ходить к братии и дело иметь с теми только, с которыми прикажет вам строитель и духовник; 2-е, послушания проходить без роптания; а когда ж в чем отяготитесь, то просите со смирением перевести в другое, когда ж не переведут, послушайтесь.

¹ Архимандрит Александр (Подгорченков; 1758—1845). Родился в семье православного польского шляхтича. В 1790 г. поступил в московский Новоспасский монастырь. В 1793 г. пострижен в монашество, рукоположен во диакона, а затем во иеромонаха. В 1797 г. был назначен казначеем Новоспасского монастыря, а в 1798 г. — наместником. В 1799 г., стремясь к уединению, испросил увольнение от должности наместника и поступил в число больничных иеромонахов.

В 1810 г. был назначен архимандритом Арзамасского Спасского монастыря. В 1842 г. по состоянию здоровья ушел за штат. Нес подвиг старчества, вел обширную духовную переписку. Находился в общении с афонскими и молдавскими старцами, в том числе с преподобным Паисием (Величковским). Наставлял юного Тимофея Путилова, по совету архимандрита Александра поступившего в Саровскую пустынь. Был кроток и снисходителен с подчиненными, очень скромен в быту, раздавал все свое жалованье братии, монастырским служителям и бедным ученикам. Несмотря на слабое здоровье, был строгим постником, усердным молитвенником, носил вериги. Погребен в Преображенском соборе Спасского монастыря.

3-е, помните и живите, никуда не выходите, потому что вы, если какие многие, мнимые вам, увидите неудобности или соблазны, то если оные из себя не истребите и с ними перейдете, вдесятеро еще найдете и с побродяжничеством вашим станут умножаться, пока совсем вас опять возвратят в мир. А когда ж станете слушаться наставлений их и сами себя будете обвинять, и соблазны на братию за собственный свой недуг и немощь признавать, то всегда и во всем будете оставаться мирными.

4-е, так же за послушание, хотя и тяжелое будет, то тяжело оно кажется только за непослушание и упрямство. Потому увидите такое ж самое послушание проходящих с покоем, вас немощнее. Впрочем, если оставят вас по вашему желанию без послушания, то столько вас одолеют помыслы, что и не сладите с ними; почему не отзывайтесь от послушания, но ищите послушания.

5-е, для вечной вашей душевной пользы паче и паче помните, яко на всякое искушение — смирение, самоукорение и терпение — победа. Господь же премилостивый да просветит вас и умудрит, да поможет вам и да сохранит вас и покроет от всех шуиих и десных сетей вражиих.

6-е, проходя послушания, берегите себя от тяжелых подъемов и храните здравие. Ответ бо дадите пред Богом, если себя от безумной ревности как-либо повредите и испортите да и ближних отяготите. Сделавшись бо уродами, уже не братии вы, но братия вам служить принуждена; в каковом случае горькую жизнь иметь будете, от чего меня и вас да помилует Господь. Когда вспомните, то помяните и грешного Александра, любящего вас, ради вас же самих.

1805 год

II

Изъ писемъ Архимандрита Алек-
сандра Арзамасского, бывшаго въ
Москвѣ, въ Новоспасскомъ мона-
стырѣ наместника, къ братьямъ
Тимофею и Иону Путиловымъ.

(Видны строкъ 3.)

I.

Братья мои о Христе Исусе Тимо-
фею и Ионъ, по призыву въ Серафимскую пу-
стью, советую: 1^е живши тѣмъ, каковы
къ братіи и дѣло имѣете въ тѣмъ тѣмъ,
въ которыхъ прикажетъ всѣмъ строгости
и духовности; 2^е послушаніе проходитъ само
роптаніе; а когда нѣтъ въ силѣ отъказаться,
то просите со смиреніемъ перевести въ дру-
го, когда нѣтъ не переводить, послушайтесь.
3^е Помните и живите кудря не выходя
потому что въ васъ какіе много, много

2.

Любезный о Христе Иисусе брате Тимофей Иванович
с любезным Ионою!

Благодать и милость Божия да будет с вами! Получил и последнее твое любезное письмо и сердечно радуюсь, что милосердый Господь не попустил вам более скитаться в мире и осквернять свои души прелестию. Терпи Бога ради и не забудь, что *несть наша брань к крови и плоти, но к началом...*¹ и прочее. Лучше бо, по святому Лествичнику, с помыслами братися нам, нежели со мнением.² И не добро быти нам бесстрастными; беси бо множицею³ отходят мнения ради, ведяще, яко можем и кроме их коварства от собственные гордости погибнути, а посему ниже покаяния обрести.

Пишете за стужение помыслов⁴; то ежели можно удержать ветры, тогда и помыслы. А святии отцы глаголют, что можно иноку и страстну бысть, но не действовать по страсти. Следовательно, мы осудимся за действие по страсти, а не за то только, что имеем в себе оные и чрез помыслы стужаем[и]⁵. Первый бо Адам, по чувству распознавательному, проразумевал, что добро яблоко в снедь, но не за познание, а за вкушение одного яблока осужден. Да и Бог заповедал ему неже не разумети о доброте плода, но еже, глаголет, «да не снесте». Почему не смущай свою душу никакими помыслами, потому, что ты не любишь их и не услаждаешься ими. Ежели имеешь отца и известуешься⁶ к нему сердцем и верою, то открывай ему

¹ Еф. 6, 12.

² Лучше, по святому Лествичнику, с помыслами нам бороться, нежели с прелестью (прелесть — неправильное устройство души, связанное с сомнением, недоверием к святым отцам и т. д.)

³ Множицею — много раз, многократно.

⁴ Пишете о том, что мучаетесь от помыслов. (Стужение — мучение, угнетение, притеснение).

⁵ Стужати — унывать, падать духом. Здесь: стужаеми — терпим брань, мучение.

⁶ Извествовати — сообщать, делать известным что-либо. Здесь: известуешься — открываешься, исповедуешься.

все свои брани и помыслы, а свой разум, яко поврежденный и грехами оскверненный и измаранный, отнюд не принимай и не верь себе ни в чем до кончины своей. И когда станешь являть ему оные, то узриши милость Божию, и облегчение, и исцеление, а ежели ж запустишь и утвердишься в своем разуме, то напоследок неисцельно вознедугуешь и никому уже ни в чем и никогда не поверишь; а всю жизнь диавол водить будет куда захочет и показывать все по-своему, потому что ум помрачится; и всякое слово братнее подозревать будешь и ни в чем и никогда не уверишься.

Паче всего прошу вас, любезных моих, Самим Богом: будьте послушливы без рассуждения всякому брату, паче же отцам вашим, и смиряйтесь пред всеми; по святых бо отец единым смирением можно спастися, а без сего и всеми добродетелями не избежишь вечного осуждения. Что нам до зрительной¹ жизни? Лишь бы Бог сохранил нас от деятельных грехов. Потому, что помыслы, как пишете, как бы ни развлекали ум, но самовластного произволения нашего никто от нас отнять не может. Да и можно ли получить венец без брани? Вспомни, что и святой апостол чрез невольные помыслы разумел о пакостнике плоти, но сам на пакости плотские не согласился; глаголет бо: *за премногая откровения да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти*², то есть воля плоти, еже есть естественное телесе движение и прочее. Бог даст тебе разум; только Бога ради терпите.

¹ Зрительной — созерцательной.

² 2 Кор. 12, 7.

3.

Любезный о Христе Иисусе
брате Тимофей Иванович!

Спасайся о Господе! Получил ваше писаньице и сердечно рад, что милосердый Господь Бог сподобил вас достигнути тихого пристанища и соединиться лику монашествующих. Поминай, брате, милость с вами Божию и как можно старайся о своей душе. Будь послушлив без рассуждения; подзорников же на братию, и блазнителей, и любопытников бегай, Господа ради, и затыкай уши свои, себе единому внимай, почто изшел еси из мира.

Также пишешь уведомить тебя, что рассуждают родственники твои; то их рассуждение общее мирянам. И ты о сем забудь мыслить и себя смущать; бойся токмо себя самого, а не их, ибо никто тебя отвлечь от Бога не может; а сами мы всего виновники бываем. Притом по сердцу твоему известит Господь и родителей твоих, что препятствовать не будут; силен бо Господь Бог. Ежели ж бы отец ваш и препятствовать вздумал вам, по наущению диавола, то, кажется, довольно говорено с тобою, что таковой отец не есть уже отец, но ратник против душевного спасения вашего. Так тогда видно будет, как с ним поступить.

Письма Александра Путилова к брату Тимофею¹

1.

Христос воскрес!

Любезнейший братец Тимофей Иванович!

Спасися о Господе!

Честь имею поздравить вас с наступившею Святою Пятидесятницею. Даруй вам Господь Бог при совершенном душевном спасении препроводить оную, чего сердечно вам желаю.

Благодарю за писание ваше, которое я имел счастье получить исправно. Но только в том прошу прощения, что не мог вас уведомить прежде о получении ваших писем: когда — не время, когда лень нападет, когда у смерти бываю. И теперь еле жив: лицо все опухло и боль великую чувствую в голове, а лечить не знаю чем. В самый праздник Светлого Воскресения едва не отправился к родителю моему. Подлинно можно сказать вместе с пророком: *Многи раны грешному, уповающего же на Бога милость обыдет*². Вот какие обстоятельства терплю я в городе Мологе. Иногда столетний старик столько болезней не видал, нежели я, пятнадцатилетний. Но, правда, и то можно сказать: каковы грехи,

¹ Первые два письма написаны в отроческих годах (одно на 15-м, второе на 19-м году) и замечательны, так как они свидетельствуют о раннем проявлении высоких мыслей, чувств и дарований писавшего их. — *Примечание к изданию 1870 г.*

² См.: Пс. 31, 10.

таково и наказание; ежели велики грехи, велико и наказание. Это все прилично мне.

За сим более нечего писать, как пожелать вам душевного спасения и телесного здравия. Остаюсь ваш всепокорный слуга, вечный богомолец,

*грешный Александр Иванов Путилов.
Земно кланяюсь.*

*12 апреля 1809 года
Молога*

2.

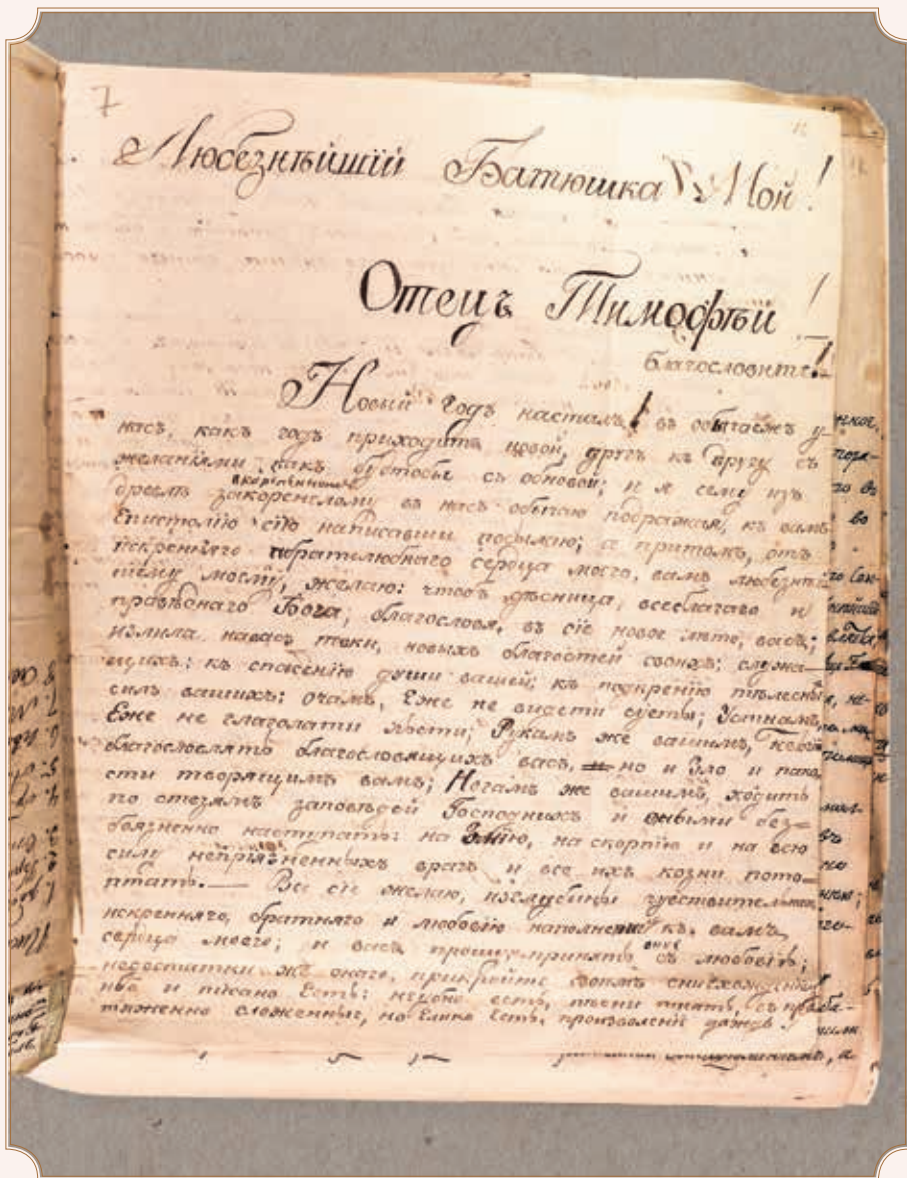
Любезнейший батюшка мой, отец Тимофей!
Благословите!

Новый год настал! В обычае ж у нас, как год приходит новый, друг к другу с желаниями, как будто бы с обновой. И я сему издревле вкорененному в нас обычаю подражая, к вам епистолию¹ сию написавши, посылаю. А притом от искреннего и братолюбного сердца моего вам, любезнейшему моему, желаю, чтоб десница всеблагого и праведного Бога, благословя в сие новое лето вас, излила на вас токи новых благостей Своих, служащих к спасению души вашей, к подкреплению телесных сил ваших: очам — еже не видети суеты, устам — еже не глаголати лести, рукам же вашим — не точию благословлять благословляющих вас, но и зло и пакости творящих вам; ногам же вашим — ходить по стезям заповедей Господних, и оными безбоязненно наступать на змию, на скорпию² и на всю силу неприязненных враг, и все их козни потоптать. Всё сие желаю из глубины чувствительного искреннего братнего и любовию наполненного к вам сердца моего и вас прошу принять оное с любовию; недостатки же оного прикройте своим снисхождением. Ибо и писано есть: неудобно есть песни ткать спротяженно сложенные, но елико есть произволение, даждь³.

¹ Епистолия — письмо, послание.

² Скорпия — скорпион.

³ См. задостойник на Рождество Христово (ирмос 9-й песни канона).

Письмо Александра Путилова к брату Тимофею. 1813 год. Автограф.
Российская государственная библиотека

Я столько пред вами виновным сделался, что даже и оправдываться, не имея благословной вины, стыжусь. Молю вашу любовь, предайте мой поступок забвению и более не вспоминайте, и меня, многогрешного брата вашего, простите.

Вот, любезный батюшка! Несчастные обстоятельства заставили быть меня и здесь, притом и до сего дня жить. Бог весть, что здесь живу, кого жду и чего ожидаю, и сам не знаю. Бог за беззакония, умножаемые во градах и весех, посла на люди своя гнев, да смирятся пред Ним и уверуют несумненно в Него, яко Он избранным и праведным людям Своим благ и кроток, а на злочестивых грешников праведен и воздаст коемуждо по делом и по благодсти Своей. Гнев же Его, насланный на люди, есть нечестивый царь Наполеон, который многие грады и селения пожег, жителей же оных или побивал, или, ограбя дочиста, заставлял страдать холодом и голодом и от оных страданий умирать. В том числе и я, якоже злочестивый беззаконник, милосердным и праведным Богом наказан. И, вспоминая прошедшее, я со смирением произношу сии святого пророка Давида слова: Господи, *благо мне, яко смирил мя еси*¹; и паки: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*². Представьте себе! Лишась всего притяжания, как покойно, как приятно стало на сердце! Сундука не смотрю; червям точить, а вора́м украсть нечего... Везде чистота завелась, и теперь совершенно покоен. Только тем беспокоюсь, что уже пятый месяц живу без всякого занятия.

Свидетельствую вам мое всенижайшее поклонение. Требую молитв ваших о мне и благословения. Остаюсь с желанием вам всяких благ.

Ваш искрений брат грешный Александр Путилов.

*11 января 1813 года
Ростов*

¹ Пс. 118, 71.

² Пс. 117, 18.

3.

Любезнейший мне батюшка отец Тимофей!
Благословите!

По долговременном прискорбии о вас, наконец, Богу благодарение, вчерашний день я был обрадован полученным от вас письмом, содержание коего столь трогательно было больной душе, что даже по достоянию без слез изъяснить того удовольствия не могу, что чувствовал тогда. Представьте себе, сколько я беспокоился, мучился, ожидал вчерашнего дня, и все то было напрасно. Хотел послать справку в брянскую почтовую контору, было ль доставлено мое письмо отцу См., но, слава Богу, вы меня утешили; я теперь покоен, но не совсем свободен. Попросите вы Бога, чтоб Он, по неизреченной Своей благости к созданию Своему, извел из темницы на покаяние душу мою. Заметил я, будто вы беспокоитесь, чтоб я опять не прилепился к зловерным интересам лукавого мира. Поверьте истине, сказанной мною вам, что я более трех месяцев не ищу их, а оставил хладнокровно за любовь Божию. Но жалуюсь вам, что они сами не отстают добровольно, вынужденным нахожусь, ограждая себя крестным терпением, прогнать от себя. Вы меня, батюшка, уверили, чтоб я не опасаясь беседовал с вами; и потому, вруча сердце мое Пресладчайшему Искупителю Иисусу, говорю вам на спрос ваш — когда и куда? — так, как Самому на Суде Сердцеведцу. Без сожаления и двоедушия, призвав Божию благость в помощь себе, решился предначатое богоугодное дело сие начать с 1-го числа будущего месяца: 1) пославши в Москву в конце сего месяца старый [паспорт] для получения нового; и когда получу, тогда его поближе к сердцу положу. 2) В половине того месяца под видом самым благословным буду проситься на неделю и не более полторы в отлучку для некоторых побудительных причин; буду же предлагать сие вежливо. А наконец 3), когда все сие не тронет,

тогда подыму дух бурен с гневом, и уже тогда никакая тварь от любви Божией разлучить меня не возможет, в чем даю вам во свидетеля Всевышнего Владыку. Теперь дал я вам выразуметь когда, при том донесу и куда. Вы мне, батюшка, не дали вовсе узнать своего чувства, а присоветовали слушаться внутреннего побуждения и влечения духа, который указывает мне путь и место, куда вы начально влечены были; и на этом самом месте хочу уготовить путь мой пред Богом. Однако я о сем прежде времени в том месте не объявлял, а намерен явиться туда просто без ожидания; не знаю, хорошо ли я так обдумал? Итак, батюшка, вот все, что вы хотели узнать, а я вам сказать. Теперь донесу вам, что я приступаю к сему спасительному делу с полной верою и надеждою на Промысл всеблагого Бога и на ваше отеческое попечение и покровительство. Я в полной мере чувствую те ваши слова, которые вы изъясняли мне, что вы имеете случай и людей — из невозможного сделать мне возможное. Я, на этом-то самом слове вашем основываясь, и приступаю без двоедушия к началу всех скорбей, к которым уже и приготовил себя, будучи уверен, что и на мне, якоже и на вас, должны сбыться Христовы слова: ибо враги суть лютейшие *человеку домашние его*¹, которых, наперед чувствую, воздвигнет против меня враг общего спасения — диавол. Представь, батюшка любезный, при самом еще начале покушения моего на спасения стезю сколько смущает дух мой лютейший враг, представляя мне неудобства, тесноту отовсюду и лютую погоню; даже волосы, так, как на отчаянном, стоят дыбом, и не могу всего того по достоянию вам описать. Какое мрачное уныние снедает мое бедное сердце! И кто мне в толиких бедах грешному поможет, еще не Ты, о Преблагий Иисусе Боже! В таком смутном положении много меня утешают сочинения святителя Христова Димитрия. Это такая пища, что сколько

¹ См.: Мф. 10, 36.

я ни читывал книг, но такой вкусной, приятной и полезной от роду моего не вкушал никогда. Жалею крайне, любезный батюшка, что вы отозвались дальним расстоянием от города; да притом и я ошибся, что хорошенько не растолковал вам, зачем я вас понуждал самих заполучением моего письма. Мне желательно было наградить ваши внешние недостатки по силе, так, как и вы душевным моим изобильно помогаете. На сей же случай более сего послать вам поопасся, притом в надеянии на вашу любовь, что и малое примете за довольное. В дополнение сего донесу вам о новом препятствии, недавно открывшемся. Брат Василий Иванович решился быть мужем одной честной девицы, которое дело уже и начато и скоро к концу приведется, а именно: 8-е число сего месяца будет днем его бракосочетания в городе Суздале, куда и мне, неминуемая беда, предлежит ехать. Представьте себе в полной мере все неудобства: 120-верстную поездку, хлопоты, смену и все беспокойства. Но насчет братца — слава Богу; на счет же мой — скажу те же апостола Павла слова, что ничто не может разлучить меня от любви Божией¹. Сие известие о браке прошу подержать на уме. Если же станете ко мне писать, то пишите два письма вдруг: одно о настоящей материи, а другое выговорное на мое молчание. Только, пожалуйста, пишите посердичее, не подавая вида ни о чем, будто ничего не знаете, и оба, совокупя во един конверт, пошлите ко мне по денежной карте; дабы, в случае моей отлучки в известный путь, могло оно опять обратно быть к вам; потому что мое письмо к вам с оборотом шло 9 недель. Просто же ко мне ни под каким видом не посылайте. Я так боюсь худых следствий, что и сказать не могу; ибо в [1]808 году пострадал очень чувствительно. Итак, надеюсь, что вы поступите в сем случае благоразумно. В чем не сомнясь, остаюсь вам препокорным сыном, много вас и вашу благочестивую душу

¹ См.: Рим. 8, 35.

любящим и именующим себя тем же, чем и был. Простите мне, батюшка! Писал к вам торопясь с большою чувствительностью, нежели сколько видеть можете из сего.

Известный

2 ноября 1815 года

Р. С. Пожалуйте! Насчет уведомления придержитесь моего правила.

4.

Любезнейший батюшка, отец Тимофей!

Письма ваши, от 5 декабря пущенные, я в 21-е число с большим удовольствием получил исправно. В сердечной туге моей не иначе вас именую, как благим утешителем. Бог за ваши искренние внушения мне наградит обильно в Царствии Своем. Слава в Вышних Богу! Дела мои восприяли лучший вид. Хозяин меня на 1-е число обещал уволить из подвала в Москву. Я просился у него туда под предлогом истребовать у родительницы и братца К. благословения на брачный союз, что самое крайне всех обрадовало. Но условие: быть свадьбе в Ростове... Это хорошо! Намерение мое было поступить туда, где и вы начало свое восприяли; но из письма вашего усмотрел противное. Дьявол с миром, по злодейству своему ко мне, представлял мне страшные неудобства видаться с вами и требовать нужного, но едва превозмог страстьсию, решился наперед видаться с вами, и для скорейшей и полезнейшей удобства решился в первых числах генваря купить с нужным прибором коня и поспешать, не озираясь бежать, как от Иродова меча. А чтоб не потерпеть в пути какой нужды, то беру с собою обрушника Осипа; потому что и Матерь Господня бежала в Египет с обручником Своим праведным Иосифом. Осип же, мой верный личарда¹, который говорит мне, как Петр: *еще и вси соблазняются, но*

¹ Верный личарда — верный слуга.

*не аз*¹. Однако тайны моей никто не знает, и ему я до приезда к вам не объявлю. Это все прекрасно! Да вот запятая — пачпорта я из Москвы еще не получал; хозяин с 25 ноября по 14 декабря был в отлучке и потому старого выдать без него было нельзя. Потом поехал в Москву брат Василий с своей Екатериной Алексеевной, с которыми и обещал братец Кирилл Иванович прислать мне, а без старого выслать новый никак было ему нельзя. И теперь я нахожусь промежду страхом и надеждою и надеюсь, что эта задача должна со мной решиться на сих днях. И коль скоро все сие приведу к вожделенному концу, то, нисколько не помедля, отправлюсь. Вас же, батюшка, прошу до тех пор помолить Господа, чтобы Он, по неизреченной благодати Своей к нам, извел из умственной темницы душу и тело мое; дабы мог я всегда удобно исповедаться Пресвятому Его имени. Вот, все нужное я вам объяснил. До вожделенного же конца прошу вашего отеческого терпения и меня о получении сего более не извещать. Поручаю себя Промыслу Всеблагого и Праведного Бога и вашей отеческой любви и попечению о исправлении окаянного грешника, который отныне остается вам совершенно послушным и преданным братом.

*А[лександр]
Нижайше кланяюсь вам.*

*От 28 декабря 1815 года
Ростов*

¹ Мк. 14, 29.

Из дневника игумена Антония

Управи Гдѣ Бже все еѣ дею ,
читаю и пишу , все еѣ мыблю , глаголю ,
и разбѣн , въ славу имени твоего Свяго ,
да ѿ тебе начало приметъ и въ тебѣ вса-
ко дело мое кончится .

Бже въ помощь мою вонми , Гдѣ помощи
ми потщися !

Месяцъ февраль , 1820го года .

Управи, Господи Боже, все, еже дею, читаю и пишу, все, еже мыблю, глаголю и разумею, в славу имени Твоего Святого, да от Тебе начало приемлет и в Тебе всяко дело мое кончится.

*Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!*¹ Месяц февраль 1820 года.

Месяц март

5.

При объяснении старцу о страховании, услышал, что беси и над свиньями власти не имеют. При чтении жития преподобного Исихия видел, како его беси хотели утрашить,

¹ Пс. 69, 2.

грядущего в пустыню, снедением от зверей и убиением от разбойников, но он на то им сказал: «Я множества ради грехов моих иду убо, да или от зверей снесен буду, или от разбойников убиен». И тако их посрамил.

6.

Во время утрени приходило желание мне — с благословения сделать сокращенную выписку из Последования монашеского пострижения ради повседневного напоминания себе противу забвения и в случае погрешностей каких, ради укорения себя и исповедания пред отцом, на что и благословение получил.

Старец по вечеру делал всем напоминание о молитве за немощного брата и в пример сказал, что когда кто страждет какою болезнию по телу, то мы таковому различными образы служим, врачуем и состраждем ему в том; таким образом, если кто болит и душою, должны ему помогать молитвою к Богу.

Святитель Димитрий Ростовский рече: «Молитва без внимания яко кадельница без угольев и фимиама».

7.

Во время утрени приходило желание — старца попросить, чтоб он за всякую погрешность меня чем ни есть наказывал ради сих вин: 1) чтобы настоящим наказанием избечь будущего; 2) чтобы оным себя предохранить от такового же грехопадения в другое время.

По вечеру во время ужина услышал в себе, что многоядение человека не укрепляет, а только расслабляет и есть не что иное, как прелесть.

13.

Пивши горячую воду, почувствовал себя весьма много схожим с горьким пьяницею. О! Дабы избавил меня Господь от сея употребления, за молитвы отца моего.

В начале сего месяца при объяснении со старцем о труде постном, и о пользе от него, и о немощи, услышал, что пред Богом и един поклон немощного — не менее десяти неутружденного.

18.

Старец после обеда говорил братьям о послушании и в пример сказал, что служебные духи, сиречь ангели, по естеству своему суть благие; но и те исполняют не свою, но Божию волю: кольми паче человеку должно находиться в повиновении.

За случившуюся недогадливость был я объят унынием и увидел, что тогда только я нахожусь в истинном о себе мнении, когда худую о себе имею мысль; а когда добрую, то в прелесть бываю.

19.

Святой Иоанн Лествичник рече: «Кто в начале не находился в послушании, тот не может быть смиренномудрым».

21.

Брата Савву облекли в ангельский образ и нарекли Савватием. Да укрепит его Господь в предстоящем подвиге!

спиреній съ покло^{не}ніемъ — и бо что ас-
риетя, тогѣ утѣшени^е въ духѣ помы-
сли; а что разорвется, то послѣ
отъ совѣсти своя терпѣть немо-
жетъ сгорѣній. И таже дѣя многа
послѣди. Есть аспиреній; а побѣжде-
ній, естъ неуступчивости и упрямво-
бодный мѣдъ Говоритъ! За молитвы отири-
моего слагивитъ поелзкому. —

АВѢКД, ГОДЪ.
МѢСЯЦЪ ІАННУАРІЙ.

Ири дни срядъ сильное претѣв-
вать я отъ Бѣгови искушени^е, ушени-
емъ, размыслиемъ и нежданіемъ, и
въ это время совершено бывъ я бѣзъ
удды, съ востомъ празднованія скалко
хоткомъ — и вѣтеромъ пришедши въ
келью къ брату Григорію бѣзъ всякой
нужды, уклонился въ празднованіе и
поужинавъ Емю претѣствіемъ къ
закятію кельиному — между про-
тивъ сказалъ Емю: мѣдъ теперь ох-
та катится а старца катъ, бѣзъ
благословенія Его неслетого, а ослер-
мѣтѣ на это сказалъ: Отче! му-
тѣ бѣзъ благословенія катится,
нежели празднованіе. —

Батроши^е аблсканисъ а евогъ
празднованіе и ошнучномъ вопроше-
ній, услышавъ отъ него; келушисъ
вопросишь, келушное и услышишь. —

Бже къ помощи мою вонми, Гдн помощи
ми потщися.

Управи Гдн Бже все еже дею, читаю и пи-
шу, все еже мышлю, глаголю, и разумю въ сла-
ву имени твоего Свяго, да от тебе начало при-
емлетъ, и въ тебѣ всяко дело мое кончится.

Даруй ми Бже, да ни словомъ, ни деломъ,
ни помышлениемъ прогневамъ Тя Создателя мо-
его, но все дела моя, советы и помышле-
нія, да будутъ во славу Пресвяго имени твоего.

АѠКГ ѿ ГОДЪ МЦЪ ДЕКАБРЬ.

Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися.
Управи, Господи Боже, все, еже дею, читаю и пишу,
все, еже мышлю, глаголю и разумею в славу имени Твоего
Святого, да от Тебе начало приемлет и в Тебе всяко дело мое
кончится.

Даруй ми, Боже, да ни словом, ни делом, ни помышлени-
ем прогневаю Тя, Создателя моего, но вся дела моя, советы
и помышления да будут во славу Пресвятого имени Твоего!

1823 год, месяц декабрь

1.

Сию книжицу, оставленную мною по нерадению четвер-
тый год, паки с сего дни, с благословения батюшки отца Мои-
сея, начал писать, помещая в оную полезные и нужные для
себя замечания... Господи, благослови!

По самочинию сделал для себя из веревки четки без бла-
гословения старца и, увидя свою ошибку, бросил оные в печь,

яко дело бесовское. Помысл мне в то же время сказал: «Хотя бы ты и добродетель какую начал самочинно, без совета и благословения старца, считай все это делом бесовским».

2.

Готовился сего дни к священнослужению и приобщению Христовых Таин, но за бесстыдную гордость и лукавство в исповедании грехов был старцем моим до священнослужения не допущен, дондеже совесть свою очищу истинным исповеданием без утаения пред ним своих грехов. Исповедавшись пред ним во всем чистосердечно со смирением, я чаял себе за лукавство жестокого наказания, но сбылись на мне святого Давида слова: *Накажет мя праведник милостию*¹. Ибо весьма кротко и с соболезованием обо мне выговоры мне делал и в заключение всего сказанного мне велел написать на сердце ко всегдашнему памятованию и деланию следующие 8 пунктов: 1) отвержение своего разума и воли иметь; 2) при встрече с каждым лицом поставлять себя худшим, в каком бы то месте ни было; 3) память смерти вкоренять в сердце глубже; 4) самоукорение, 5) смиренную молитву всегда иметь; 6) укоризну, аще случится от кого, принимать как врачевство душевное с радостию; 7) что сказано будет, в точности выполнять; 8) аще случится от забвения или от обычая в чем-либо паки погрешить, исповедовать то чистосердечно, как есть, без лукавства. И я батюшку со слезами просил, чтобы он от Бога испросил мне паче всего ко хранению самое последнее из осми сказанных мне, то есть чистосердечное исповедание; ибо я оно почти во всю жизнь мою никогда не имел. А епитимию за грехи мои, какую ему Господь откроет, обещал по времени на меня наложить к целомудрению моему и удовлетворению правде Божией.

¹ Пс. 140, 5.

5.

По шестой песни читано было житие о преподобном Захарии, Корионовом сыне. Егда он хотяше скончаться, тогда вопрошен бысть от преподобного Моисея: что видит? И отвеща: «Несть ли лучше молчати, отче?» — «Ей, чадо, молчи». И мне тогда пришло на мысль брату Григорию противу его пустошных вопросов таким же образом отвечать: «Несть ли нам лучше с тобою, брате Григорие, молчати?»

После обедни отца Мефодия просил я о молитве, сказавши ему, что очень я худо живу; и он мне сказал: «Сокрушенное сердце надо иметь».

По вечеру, объяснившись, старцу, сказал, что отец Мефодий спрашивал у меня в церкви, который образ лучше написан? А старец мне на это сказал: «Тот образ лучше, который молчит», — относя сие к образу одушевленному — человеку, который молчание хранит, не любопытствуя ни о чем.

6.

Прочитавши после утрени правило к Святому Приобщению, ходил к старцу исповедать свои погрешности, что я от застарелого во мне обычая всегда на исповеди все утаиваю свои дурные поступки. Он мне на это сказал, что телесное око не терпит и малейшей порошок в себя принять; так и совесть чем-нибудь замаравши, не можно молитвы коснуться.

Назад тому с неделю батюшка дал мне заповедь: сам ни о чем не любопытствуй, да и других праздных рассказов не слушай, смиренно сказавши им: «Я не имею на сие благословения от старца».

13.

Святой Златоуст сказал: «Еже бо злату огонь, сие скорбь души; скверну отмывающую, чисту содевающу, ясну устроющую и светлу, сия в Царство вводит. Сего ради и Христос

Скит Оптиной пустыни. Фотография. Конец XIX — начало XX века.
Архив Оптиной пустыни

глаголаше: в мире скорбь имети будете¹, аки велие некое постигающее нас благое»².

Помысл мне сказал: «Спаситель заповедал седьмдесят крат седмерицею на день оставлять братнее согрешение; а ты, окаянный, и одного не хочешь отпустить».

Батюшке исповедавши свою скорбь на брата ... услышал от него: «Немощи душевные должно носить благодушно, без огорчения. Ибо, если кто болен телом, то не только на него не огорчаемся, но еще и служим тому всяким образом; таким [же] образом надо и в душевных недугах поступать».

14.

Батюшкою замечен я очень жестоким в ношении немощей братних и в нечаянии поправления их на лучшее. В заключение [он] сказал мне: «В каком бы кого порочном положении

¹ См.: Ин. 16, 33.

² См.: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Толкование на второе послание к коринфянам. Беседа 26.

ни видел, не должно тому удивляться и сомневаться в его поправлении; ибо многие наконец из пьяниц сделались трезвыми, из буйных — кроткими, из блудников — целомудренными и прочее». А святой Златоуст сказал: «О поправлении того только должно сомневаться, который во аде находится с бесами».

19.

С отцом Израилем был разговор об уставе, что должно с оным во всем согласоваться (в рассуждении поклонов); а помысл мне в то время говорил, что должно более стараться о своей нравственности, а не о уставе.

25.

Утром после исповеди батюшка дал мне три заповеди хранить: 1) простоту сердечную; а две последние бес в тот же час украл забвением, ибо в то время записать было некогда.

29.

Батюшка мне благословил на праздник Рождества Христова во славу Божию употребить воды горячей; а я, по действию во мне бесовскому, вздумал от оной воздержаться в противность данного мною обета: вся повеленная выполнять в точности; и от того чувствовал сильное уныние. И помысл в то время, укоривши меня за составление своего разума, сказал: «Хотя бы тебе батюшка благословил мяса наесться или еще бы стерву какую употребить, то гораздо для тебя лучше бы и полезнее было твоего самочинного воздержания». Господи! Даруй ми за молитвы отца моего вся повеленная мне от него творить без размышления.

30.

Вечером батюшке объяснял, что недостатки братния невольным образом сердцу приносят огорчение. И на это услышал от него: «Я всех вас недостатки сношу великодушно и никаким немощам вашим не удивляюсь; а ежели бы всем тем огорчаться и взыскивать по должности моей строго, то совсем бы себя давно расстроил».

31.

Сегодня после утрени собственным искусом увидал, что в противных случаях, в укоризненных выговорах, насмешках, строгих взысканиях правых или неправых, нет лучше смирения с поклонением: ибо кто смиритя, тот утешение в духе получит; а кто разгордится, тот после от совести своей терпит несносное огорчение. Итак, для инока победа есть смирение, а побеждение есть неуступчивость и упорство. Даруй мне, Господи, за молитвы отца моего следовать полезному.

1824 год, месяц ианнуарий¹

9.

Три дня сряду сильное претерпевал я от диавола искушение унынием, разлением и нерадением; и в это время совершенно был я без узды, со всеми празднословил сколько хотел. И вечером, пришедши в келлию к брату Григорию без всякой нужды, уклонился в празднословие и послужил ему препятствием к занятию келейному; между прочим сказал ему: «Мне теперь охота напиться, а старца нет, без благословения его не смею». А он мне на это сказал: «Отче, лучше без благословения напиться, нежели празднословить».

¹ Ианнуарий — январь.

Батюшке объяснившись о своем празднословии и о ненужном вопрошении, услышал от него: «Ненужное вопрошишь — ненужное и услышишь».

II.

Батюшка мне и всем юным братьям наложил епитимию: ежели кто из нас при общем занятии первый запразднословит, то в наказание для обуздания языка класть по пяти поклонов и просить у всех прощения.

27.

Во время утрени помысл, укоривши меня за неумеренное питание, сказал: «Во всякой вещи безмерие вредно».

Месяц февруарий¹

6.

Батюшка присылал ко мне брата, чтобы, оставя всё занятие, шел я скорее к вечерне; а я хотел окончить дело и тем самым до крайности огорчил батюшку, так что и самому было совестно, и ожидал себе за непослушание жестокого выговора и епитимии, а вместо того получил кроткий выговор, да еще яблоко в утешение. Господи, огради мя от подобного злодействия бесовского, за молитвы отца моего духовного.

¹ Февруарий — февраль.

Заметка о прибытии старцев в Оптину пустынь из Рославльских лесов и об устройстве скита святого Иоанна Предтечи¹

1821 года месяца, иуния 3-го дня, на память празднования принесения чудотворного образа Югския Пресвятыя Богоматере и Приснодевы Марии, по отпении соборной панихиды по блаженной памяти в Бозе почившего старца пречестнейшего в монасех отца Феофана на гробе его и по отпении соборного акафиста празднуемой Препоблагословенней Деве Марии, при собрании и провождении всех пустынных старцев, в половину дни отправились, призвавши Бога в помощь, из бывшего пустынного жилища, находящегося Смоленской епархии в Рославльской округе при речке Балдачевке². И по благополучном путешествии наконец прибыли тогожде месяца в 6-й день вечером по захождении солнца на память преподобного и богоносного отца нашего Виссариона Чудотворца в Оптиную Введения во храм Препоблагословенныя Девы Марии обитель, находящуюся Калужской епархии Козельской округи при реке Жиздре, где по прибытии его высокопреподобием

¹ Заметка написана предположительно преподобным Моисеем (Путиловым).

² Современное написание — Болдачевка.

1820 года мѣсяца Іюня 17го дня, на
пѣмѣть празднованія принесенія ѿдѣлѣ
наго Образа Юсѣіа Пресѣна Бѣомѣ
и прѣдѣлы Мрѣн, по ѿпѣтѣи соборной Па-
мѣхѣды по Бѣжѣнскѣи пѣмѣти въ Бѣжѣ
пѣмѣшаго Стѣрца Пресѣнѣишаго въ
Монахѣхъ Оца Леофана на Бѣжѣ Бѣжѣ;
и по ѿпѣтѣи соборнаго Акѣдіста прѣд-
дѣлой Прѣдѣсловѣннѣи Дѣѣ Мрѣн: прѣ
соборѣи и провозвѣнѣи всѣхъ пѣсѣннѣхъ
Стѣрцѣхъ, въ половинѣ дни ѿпѣрѣнѣи,
прѣзвѣиши Бѣа въ пѣмѣи, иѣ бѣвшѣи
пѣсѣннѣи жѣнѣи на родѣицаго сѣмѣ-
скои Бѣрѣи, въ рославльскои Бѣрѣи прѣ
рѣѣи бѣдѣи. и по бѣгѣи пѣмѣи
пѣсѣннѣи наконѣи прѣбѣи тогѣи мѣсяца
въ 5^й дѣи бѣрѣи по зарѣи сѣмѣи,
на пѣмѣть прѣнаго и Бѣомѣнаго Оца
нашѣи Вѣсѣи ѿдѣлѣи, въ Опѣ-
нѣи бѣдѣи, во храмѣ Прѣдѣсловѣннѣи
Дѣѣ Мрѣн Бѣнѣи, на родѣицаго кѣдѣ-
скои Бѣрѣи — Козѣльскои Бѣрѣи прѣ
рѣѣи жѣнѣи: гдѣ по прѣбѣи, Бѣи
Вѣсѣи пѣмѣи Оцаи иѣмѣи Дѣ-
иѣи сѣмѣи прѣнѣи пѣмѣи мѣмѣи,
и по бѣгѣи пѣмѣи Бѣи пѣсѣннѣи въ пѣсѣ-
нѣи на родѣицаго прѣи Оиѣи Бѣнѣи: ~~гдѣ~~
на дѣдѣи дѣи, пѣ сѣи въ 3^й чѣсѣи бѣгѣ-
иѣи пѣсѣннѣи на сѣи сѣмѣи Оцаи иѣмѣи
и сѣжѣи мѣмѣи сѣи бѣдѣи пѣмѣи
вѣдѣи изѣи Бѣи Мрѣи, и всѣи мѣи
кѣпѣи ѿсѣи пѣмѣи, и пѣсѣи тогѣи
бѣгѣи на сѣи кѣмѣи и сѣи и пѣ-
лѣи на сѣи сѣмѣи и мѣмѣи прѣбѣи.

Заметка о прибытии старцев в Оптину пустынь из Рославльских
лесов и об устройстве скита святого Иоанна Предтечи. 1820-е годы.
Предположительно автограф преподобного Моисея (Путилова).
Российская государственная библиотека

отцом игуменом Даниилом¹ отечески приняты весьма любовно, и по благословению его поселились в пустыню, находящуюся при оной обители. Где на другой день, то есть в 7-е число, благоволил посетить нас сам отец игумен и служил молебен с водоосвящением Введению во храм Божией Матери, и все келлии кропил освященною водою, и после того благословил нас хлебом и солию и пожелал нам спасения и мирного пребывания.

Тогожде года, месяца августа в 16-й день, на память празднования Нерукотворенного образа Христа Спасителя нашего после ранней обедни его высокопреподобие пречестнейший отец игумен Даниил в скиту первый начал окоп делать для церкви, во-первых, несколько поклонов положив пред Богородичною иконою, и, копая, сказал: «Да будет на месте сем благословение Божие и святые пустыни Иордановы и всех безмолвствующих». А после его и вся братия скитская рвы копали.

Тогожде месяца 18-го дня, на память святых мученик Флора и Лавра, по благословению его преосвященства Филарета, епископа Калужского и Боровского, его высокопреподобие отец игумен Даниил с иеромонахами Ионою² и Феодосием³ и иеродиаконем Афанасием⁴, с малым крестным ходом из обители в скит пришедше, служили собором молебен с водоосвящением и заложили церковь во имя Собора святого славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. При сем молебствии были вся братия скитская и ктитория — козельские купцы Дмитрий Васильевич Брюзгин и Феодор Тимофеич⁵, и все во основание церкви положили по кирпичу.

¹ Игумен (впоследствии архимандрит) Даниил (Кушнев; † 1835). Настоятель Оптиной пустыни в 1820—1825 гг. Родственник святителя Филарета (Амфитеатрова).

² Иеромонах Иона (Петров).

³ Иеромонах Феодосий († 1829).

⁴ Иеродиакон (впоследствии иеромонах) Афанасий (Казанский).

⁵ Федор Тимофеевич Третьяков († 1848).

Из келейного календаря игумена Антония

1842 года, мая 17-го, в день недельный пред вечернею, высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Киевский, проездом своим из Санкт-Петербурга в Киев удостоил посетить Малоярославецкий Николаевский монастырь, коего я со всем вверенным мне братством встретил во святых вратах со святым крестом при звоне и пении тропаря: «Правило веры и образ кротости»¹. Владыка изволил ночевать в настоятельских келлиях и со мною милостиво беседовать о разных предметах. И я осмелился объяснить ему о своей неспособности в управлении обителью и скудоумии; а он на сие изволил мне с улыбкою сказать: «Хоть ты не ўмен, да игумен!» А на другой день рано утром 18-го числа изволил владыка выехать в Калугу, куда и я по благословению его сопровождал его.

В Калугу прибыли после литургии в 12-м часу утра, где нашим владыкою был он встречен версты за три за городом; а в Лаврентиевом монастыре в святых вратах со святым крестом встречен был церемониально братиею Архиерейского дома, почетным духовенством, членами консистории и хором певчих. Во храме была ектения и провозглашено ему многолетие. Остановился он в келлиях у [нашего] преосвященного; а на другой день 19-го числа изволил он отправиться в калужский кафедральный собор, где тоже был церемониально

¹ Тропарь святителя Николая Мирликийского.

встречен в преддверии и приветствован речью от кафедрального отца протоиерея, и изволил вместе с нашим владыкою литургисать в соборе, каковую торжественную службу двух иерархов сподобился видеть я в первый раз от роду! По совершении литургии [высокопреосвященнейший] изволил быть в Калужской духовной семинарии, откуда отправился обратно в Лаврентиев монастырь, где наш преосвященный для великого посетителя приготовил и вечерю велию и зва на оную многих, не точию духовных особ, но и гражданских чиновников, как-то: господина губернатора, предводителя, председателей всех палат и некоторых из почетных граждан. А также и я, недостойный, удостоен был приглашения к столу и помышлял сесть на последнем месте — ниже всех; но случилось иначе, то есть пришлось мне сидеть против самого митрополита и иметь утешение слышать назидательную

Калуга. Угол Никитской и Благовещенской улиц. Открытка.
Конец XIX — начало XX века. Архив Оптиной пустыни

беседу его со многими лицами. Также и мне изволил сказать несколько замечательных слов, которых я здесь за краткость повествования не пишу. Во время стола певчие пели различные концерты. В начале пропели «Отче наш»; а в конце при заздравных чашах — «Многая лета». А после стола, поблагодарив хозяина и гостя за хлеб и за соль, все разъехались. А мне поручено было от обоих владык отправиться в Оптину пустынь с известием, что Киевский владыка имеет посетить святую обитель, куда того же вечера и отправился я в ночь и поспел в Оптину к утру 20-го числа. А владыка того же дни изволил прибыть к вечеру и был настоятелем со множеством братии церемониально встречен во святых вратах со святым крестом. После входа во храм и благословения всех изволил сам служить панихиду по старце нашем отце Леониде и почетном гражданине и благодетеле обители и скита Димитрии Васильевиче Брюзгине.

После сего владыка благословил мне пройти в скит вместе с келейником его иеромонахом Каллистом и с домовым секретарем его и поводить их там по всем местам, куда мы и пришли вечером. И я, во-первых, показывал им святую скитскую церковь и архиерейские при оной келлии, и трапезу, и все братские келлии, указывая рукою, где кто живет. Потом ходили мы внутри скита около всей ограды, и таким образом проходя, взошел я вперед на мостик, находящийся подле сажелки¹. И вдруг постигло меня тяжкое искушение: проломилась подо мною широкая мостовина и я упал вниз и правую свою руку вывернул в плече! От чего в ту ж секунду началась нестерпимая боль и рука стала распухать, так что и сердце мое заболело; и я со стенанием едва мог дотащить-ся до ближайшей келлии, где и повалился и всю ночь провел без сна в тяжком страдании, о чем возвещено было владыке. Он ночью изволил прийти и посетить меня, страждущего, и с

¹ Сажёлка — пруд в монастыре; использовался для разведения рыбы.

сожалением спросить: «Что это с тобой случилось?» И обещал о моем исцелении попросить святых чудотворцев Киевских. Утром 21-го привезли ко мне костоправа, который два раза принимался править и ничего не успел, и уже в третий раз едва рука попала в свое место. А какую ужасную боль чувствовал я при выправлении руки, того и высказать не умею. Наконец связали мне руку, дабы я ее вновь не повредил, доколе она в своем месте не утвердится; и я должен был левою рукою и креститься, и пищу употреблять, и другие потребности исполнять. И видел я в то время на опыте, какое великое благо дано от Бога человеку — правая рука, чего я прежде не постигал. Но за всем сим я от души благодарил Господа Бога за то, что я падением своим и вывихом руки предохранил других от подобного искушения; ибо и сам владыка Киевский намеревался по тем же местам пройти по скиту. И я действительно предохранил его собою от столь тяжкого искушения; а иначе было бы горя в тысячу раз более. Но Господь Бог удержал его в обители в это время, и можно сказать: *Дивен Бог во святых Своих!*¹ А мне, грешному, случившееся это искушение осталось на всю жизнь уроком: дабы я двигал ногами своими со страхом Божиим!

¹ Пс. 67, 36.

Письмо игумена Антония (Бочкова)¹ от 24 августа 1865 года

по получении известия о кончине
отца игумена Антония

Письмо ваше порадовало меня, хотя в нем была смертная весть. А я сегодня спрашивал письменно о вас Н. П.: все ли живы оптинские? И на утрешний вопрос получаю к вечеру ваш ответ, за который премного благодарю. Скажу несколько слов о новопреставленном отце игумене Антонии, с которым жил я в скиту около года в одном с ним корпусе.

Отец Антоний был истинный сын матери нашей — Православной Церкви, строгий исполнитель всех ее заповедей и даже советов, глубокий знаток и хранитель ее уставов и преданий. Он всею жизнью доказал, что монашество возможно и в наше время и что заповеди Христовы тяжки не суть. Он был тот скопец по духу, который, оставивши все имение, последовал Христу, взявши крест Его, и внутренним произволением уды свои искажил Царствия ради Божия. От пустынножительства, от

¹ Игумен Антоний (Бочков; 1803—1872). Духовный поэт, был знаком с А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем. Его произведения печатались под различными псевдонимами в журнале «Благонамеренный» и альманахах 1820-х годов. С 1837 года подвизался в различных монастырях, принял постриг в 1844 году, был настоятелем Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря. Последний год жизни провел в Николо-Угрешском монастыре. Состоял в переписке со святым Игнатием (Брянчаниновым). Игумен Антоний (Бочков) был истинным ревнителем монашеского жития.

стояний и поклонов и частию от болезни, которая также привилась к нему от глухих и болотных лесов Смоленской губернии, ноги его превратились в одну язву, невольно напоминавшую язвы Христовы.

В юности он испытан был Господом необычайным испытанием, вложен был, яко злато в горнило. Это великое горнило была горевшая Москва в 1812 году; в ней отец Антоний с немногими соотечественниками оставался, как бы преданный в жертву вместе с древнею нашею столицею, Иерусалимом России. В этой вавилонской печи девственный юноша, достойный по чистоте быть причтенным к отрокам Халдейским, укрепился верою в Промысл Божий, изводящий возлюбленных своих из нечаяния в желанный покой безмолвия. Он, как пленник, носил на раменах своих тяжелый параман — неприятельския ноши и смиренно преклонял выю свою под тяжелое иго, наложенное временно десницею Вышнего на всю Россию. Потом перешел к пустынножительству, потом в ваши леса, где с братом своим они были первыми пчелами вашей скитской пасеки, собирателями и делателями того благоухающего меда и сота, который впоследствии уладил и наши иссохшие гортани. С того времени прекрасные цветы монашества возросли в обители вашей и доселе ее украшают. Потом, после краткого настоятельского послушания,

Игумен Антоний (Бочков).
Фотография. 1860-е годы

перешел к страдальческому, болезненному покою, который увенчался, как пишете вы, монашескою радостною кончиною.

Покойный отец Антоний был истинный бескровный мученик послушания. Повинуясь старшему брату — старцу и настоятелю — во всем, уничтожая себя и свою личность, будучи токмо исполнителем приказаний отца-брата, он, однако же, невольно блистал и сам собою, Богом данными и усугубленными талантами. Превосходный чтец и певец, один из лучших уставщиков всего монашества, он был первым украшением оптинской, особенно скитской, церкви, которая стала для него любимым, единственным местом духовной отрады, его первую мыслью, его жизнью. Он соблюдал в ней порядок, ее священный чин, возлюбил ее красоту, чистоту; готов был устами отвечать малейшую пылинку, замеченную им на лице возлюбленного его малого храма, восходившего при нем постепенно в свое благолепие и срубленного вначале его секирою. Служение девственного старца было истинным богослужением. Весь отдаваясь Духу Утешителю с первого воздеяния рук, он до исхода из храма не принадлежал себе, а, кажется, перерождался и соединялся с херувимами, которых изображал втайне пламенным и стройным служением своим.

Исходя из церкви для келейной тихой жизни, он становился опять первым рабом старшего брата, безмолвником по любви и по благословию отца. Послушание заставило его противу природы своей принять на время настоятельство малоярославецкое. Но, вырванный из улья скитского и аскет по влечению сердца, он только томился на своем послушании (не стану говорить, сколь тяжело оно!) и потом с радостию возвратился в родной монастырь и, конечно, оградил себя, как и в мое время, целыми стенами отеческих книг от всяких искушений, кроме болезни. Я не знал такого любителя чтения, как покойный отец Антоний. Беседа с почившими

святыми была для него всегда препровождением того времени, которое для многих течет как-то тяжело и долго, а для него, при его природной веселости, шло незаметно при однообразной скитской жизни моего времени. Скажу, что при строгости к самому себе, при внимании и хранении уст, он иногда легкою, милою шуткою изредка вызывал улыбку ближайших к нему. Она, эта шутка, как нечаянная искорка или блеск на темной монашеской мантии, тотчас потухала. При мне (назад тому 30 почти лет) учеников у него было немного. Только всею душою преданный ему Савватий¹ был его келейником и оберегателем нестяжательного старца. Немного найдется и Савватиев по верности и преданности.

Простите, что не более воспоминаний сохранил я о кратком времени моего соседства с покойным. Что пришло в голову, то и передаю в ваше распоряжение, как высохший и выдохшийся листок, сохраненный 30 лет между листами позабытой книги.

¹ Скорее всего, имеется в виду монах Савватий (Ермолаев; † 24.10.1856). Поступил в Оптину пустынь в 1834 г. Определен в 1836 г. Пострижен в рясофор. Перемещен в Малоярославецкий Николаевский монастырь в 1840 г. в связи с назначением своего старца иеромонаха Антония (Путилова) настоятелем. Пострижен в монашество 4 августа 1849 г. По прошению перемещен по старости лет за штат Оптиной пустыни в 1853 г. Был келейником преподобного Антония более 20 лет. Погребен с северной стороны Введенского собора.

Замечательный случай, бывший по смерти игумена Антония

26 октября 1866 года одна духовная дочь отца игумена Антония, помещица Е. С., возвращаясь из гостей домой и переезжая глубокую реку Протву, почти возле самого дома упала с экипажем, кучером и лошадьми с паромом в воду. Коляска пошла с помещицей ко дну, кучер, стоя на козлах только головою был выше воды; лошади то погружались, то выплывали, а помещица Е. С. с экипажем с самого падения в воду не показывалась. Находясь под водою и сознавая свое ужасное положение, Е. С., закрыв лицо муфтою, обратилась к молитве; но помощи долго до времени не было, вода все более и более душила ее. Стала цепенеть от холода, и открылась сильнейшая боль в груди; ибо вода чрез рот устремилась во внутренность. При этом представились ей в воображении все ее дети. Е. С. сочла все это предвестниками близкой своей кончины и уже отчаялась в жизни; но у ней оставалось еще несколько сознания. Она вспомнила об отце игумене Антонии и подумала: «Батюшка! Я тебя всегда просила о христианской кончине, а теперь я умираю без покаяния». В то же мгновение ей представилось, что кто-то закрыл ей рот чем-то теплым, и затем она заснула.

Когда разнеслась весть по деревне, что барыня утонула, и вытащить ее никто не решался, один добрый крестьянин,

крывший в то время свой дом, оставил работу и поспешил на помощь упавшим. Отыскавши доскою в воде экипаж и не нашедши в нем своей барыни, он стал искать ее на дне багром, отыскал и вытащил без всяких признаков жизни, сердце не билось и пульса не было слышно. Е. С. почерневшую отнесли в свой дом; одежда на ней вся обледенела и ее нельзя было иначе снять, как изрезав на части. Призван был священник и два доктора из ближайшего города. Спустя несколько времени, священник хотя и не надеялся получить от видимо умершей ответа, однако спросил: «Не желаете ли, Е. С., сообщиться Святых Таин?» К удивлению всех, она открыла глаза и сказала: «Желаю». Тотчас же она была исповедана и сообщена Святых Таин. При пособии докторов она несколько оправилась; а с течением времени и совсем укрепилась. Е. С. и теперь жива.

Содержание

<i>Предисловие издателей</i>	5
<i>Предисловие к изданию 1870 года</i>	11

Часть I

Глава I. Детство и первые годы юности.	
1795—1816	15
Глава II. Пребывание в Рославльских лесах.	
1816—1821	25
Глава III. Пребывание в скиту Оптиной пустыни.	
1821—1839	41
Глава IV. Настоятельство в Малоярославецком Нико- лаевском монастыре. 1839—1853	57
Глава V. Пребывание на покое в Оптиной пустыни.	
1853—1865	85
Глава VI. Последние годы и кончина	139

Часть II

Келейная записка игумена Антония	159
Письма архимандрита Александра Арзамасского, быв- шего в Москве в Новоспасском монастыре наместни- ком, к братьям Тимофею и Ионе Путиловым	197

Письма Александра Путилова к брату Тимофею	203
Из дневника игумена Антония	212
Заметка о прибытии старцев в Оптину пустынь из Рос- лавльских лесов и об устройстве скита святого Иоан- на Предтечи	223
Из келейного календаря игумена Антония	226
Письмо игумена Антония (Бочкова) от 24 августа 1865 года	230
Замечательный случай, бывший по смерти игумена Антония	234

Духовно-просветительское издание

Иеромонах Климент (Зедергольм)

Житие
преподобного
Антония Оптинского

Редакторы иеромонах Платон (Рожков), Н.А. Шибзухова

Автор предисловия монахиня Евфимия (Аксаментова)

Технический редактор З.С. Кондрашова

Художественный редактор Е.Ю. Тихонова

Рисунки Д.А. Кравчук

Корректоры Н.В. Орлова, О.В. Тихомирова

С. 14–15: Романов-Борисоглебск. Открытка. 1912 год. *Российская государственная библиотека*. С. 40–41: Оптиная пустынь. Вид Предтечева скита. Открытка. Конец XIX – начало XX века. *Архив Оптиной пустыни*. С. 56–57: Малоярославецкий Черноостровский Николаевский монастырь. Восточная сторона. Открытка. Конец XIX – начало XX века. *Архив Оптиной пустыни*. С. 84–85: Оптиная пустынь. Фотография. Конец XIX – начало XX века. *Архив Оптиной пустыни*. С. 138–139: Оптиная пустынь. Вид с северо-западной стороны. Литография раскрашенная. Вторая половина XIX века. *Архив Оптиной пустыни*. С. 156: Оптиная пустынь. Колокольня и главный вход от святых ворот. Открытка с автографом преподобного Анатолия (Потапова). Начало XX века. *Архив Оптиной пустыни*. С. 158–159: Романов-Борисоглебск. Открытка. Конец XIX – начало XX века. *Российская государственная библиотека*. С. 234–235: Оптиная пустынь. Река Жиздра. Конец XIX – начало XX века. *Архив Оптиной пустыни*.

Подписано в печать 07.05.18.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16. Тираж 3000 экз.
Заказ № 0000.

Издательство Введенского ставропигиального
мужского монастыря Оптиная пустынь
249723, Калужская обл., г. Козельск,
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптиная пустынь.
Тел. +7 (484-42) 50-117

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97
www.arvato.ru

